

Габдель Махмут «ЗЕМЛЯКИ»

ЗЕМЛЯКИ
(рассказ)

Подхожу к Вагайской развилке, а там уже кто-то поплясывает – тоже на нашу сторону скучает. Рядом огромный футляр необычного формата. А человек важный такой – издали бросается в глаза – во всем импортно-стильном щеголяет, не подступись: на нос очки черные напялил, тоже ненашенские, вместо шарфа галстук цветастый на воздух выбивается, и в шляпе не по сезону. Что за петух заморский, гадаю, может, кто из командировочных, или комиссия из города, корреспондент?..

А поближе подхожу – вырисовывается...

Батюшки, кто бы подумал! Да это же мой земляк Нурислан! Из северов возвратился!

Здоров ли, браво, кричу все что попадя и приветствую как и должно землякам, по-свойски: "Салям, ни халляр, якташ!" Он же:

– Драствуй, – отвечает почему-то по-русски. И деловито-чинно.

– Ты чего это, – спрашиваю, – своих не признаешь?

А он мне вместо ответа:

– Ты откуда едишь? – опять по-русски, будто сам не знает. И совсем огорошил ведь, что и сказать теряюсь, чем ответить и как. Во дает земляк, удивляюсь про себя, всего год проторчал-прошлялся в городе, а успел и родной язык позабыть, земляков не узнает. Бывали у нас такие, что, приехав из городов, по-городскому важничали, но чтобы по-русски с соплеменником... Видать, не слабо там, в городах, попадает татарской деревенщине... Ну-ну, поглядим, что будет дальше.

Раз так дело повернулось, неудобно как-то мне первым заговорить. Стоим, ждем попутки, каждый в себя уткнулся – такие попутчики. И долго катится время. Мягкие, но угрюмые тучи, кажется, тоже остановились и насупились, как мы. Зябко. Весна еще.

И никакой техники в нашу сторону. А дело к вечеру движется, хоть на ночь глядя добраться бы домой. К тому же такой попутчик, как Нурислан тоску наводит.

– Ты чего везешь-то хоть? – пробую разговорить его. – Чемодан какой-то диковинный. Тяжелый небось?

– Ни чимадана эта. Кардивон.

– Аккордеон?! – удивляюсь я, – да ну! Зачем он тебе? Для кого-то везешь? Разыгрываешь, однако, покажи!

Посмотрел, будто подрезал, – деревня, дескать. Чинно достает из кармана ключики – поблескивают, – не спеша, будто важную операцию задумал, отпирает футляр.

- Надо же! - присвистнул я непроизвольно. - Всамделе! Ух как горит! - самого так и тянет потрогать перламутр. И как-то сразу потеплела атмосфера, будто третий попутчик объявился

Но я же знаю, как приветил меня Нурислан.

- А че, - спрашиваю с сарказмом, - он что, сам играет?..

- Кто хазяин, тот играет будит.

- А кто хозяин-то? - дразню дальше.

- Задалбал ты сваим прастотой. Кто визет, тот и хазяин, тундра.

Во дает земляк! Уже и тундрой обозвал. Однако:

- Так-такя даешь, брат, не верится больно, - бросаю затравку. - а ну, изобрази!

- Чиво зыря клапана ксплатировать. Эт тебе ни сывисток. Ему аудиторий нужен, климатизаций.

- Кто-кто нужен?

- Климатизаций. Температур теплай...

Тут меня все-же прорвало, не выдержал, прыснул. Вот тебе изземляк. Так и сыплет ведь эрудицией, даже импортными терминами приправил. Если бы еще с годик пропадал, точно бы переводчики понадобились в родной деревне.

Однако, что поделаешь, махнул я рукой на это пустое словопренье: не хочешь, не надо, думаю, без музыки не раз доходил домой и на этот раз обойдемся. Топчемся, ждем попутки, изредка перекидываясь случайными репликами. Он, с грехом пополам, по-русски. А я упорно по-татарски. Попутчики-земляки, вместе спешащие домой.

Еще недавно, всего-то год назад, в один класс ходили. В одном хоре пели! Даже, помню, оттуда обоих враз вытурили по причине отсутствия всякого присутствия "чувства слуха и ритма" - то Нурислан вперед дирижера выскочит, то я "на седьмые сутки" вступлю. А Нурислану и подавно медведь на ухо наступил. Вообще ни бельмеса в мотиве. Изредка, случалось, и за одной партой сживали. Даже ведь списывал у меня по русскому. А потом вся школа у стенгазеты хохотала над нашими одинаковыми ошибками в рубрике "Афонаризмы"...

Но вот же он, Нурислан, теперь уже совсем не тот. Большим человеком с Севера на Большую землю возвращается не чета нам, школярам. Тундрой неотесанной обзывает, лексикой городской бравирует. Самостоятельный, одно слово.

После восьмого класса он подался на Север, в Салехард, удобно - по реке, вниз по течению, и все дела. Уже на целый аккордеон заработал. Шмотки фирменные напялил, что нам в деревне и не снились.

Слово за слово, все же вытянул я странички из его городской биографии. Там, видишь ли, дети свободнее, скорее вырастают и перерастают. Это по-ихнему "аксельрация" прозывается. И после восьмилетки - ни ногой в школу, технику им подавай. А Нурислам еще мудрее решил. Как поехал к тетке, та и рада, не учить обихаживать,

только изъявил желание, тут же помогла, устроила на подсобные работы в рыбокомбинате. И с год Нурислан знал себе колотил ящики под тару для консервов. Рабочий день у него, как и положено, сокращенный – свободного времени хоть продавай, кому его мало. Стал пытаться себя в разного рода искусствах. Начал с кружка гитаристов, кончил в любителях макраме. Теперь – аккордеон везет в деревню – последнее, и всерьез, увлечение.

Спросил даже, не слышал ли я, что китайские древние принцессы носили тесные колодки, чтобы ноги не огрубели. Считается, чем миниатюрнее ножки, тем знатнее дамы. Вот и Нулислан по совету знатоков, не снимает хромовые перчатки в обтяжку, чтобы пальцы не потеряли форму и вытянулись тонкими для аккордеона, а нашим же еще расти лет до двадцати минимум.

Саед-вслед проехала сразу целая колонна КраЗов с трубами для нефтепровода. Наши голосующие руки не привлекли водителей: одна машина остановится – встанет вся колонна. А в последней кабина была уже занята.

– Так вас никто не подберет. Кому нужны такие невеселые пассажиры? – вздыхаю. – Заиграл бы чего, что ли?

Гармонистов шоферня уважает.

– Чай ни в Штатах, чтоб где папала музицировать, как бизработнай.

Ну ты и поговори с таким! На все готовы свои отговорки.

– А пошел ты, знаешь! – махнул я на это безнадежье. – Ты как хочешь, а я не могу до утра караулить твою фисгармонию. Каникулы у меня, не отпуска твои северные. Закинул за плечо пустой рюкзачок. Подумал, погадал. А ну его! Сам виноват...

И вышел на дорогу. Зашагал. Посвистываю себе. Мне-то что, дойду, не раз за зиму мерил это расстояние. И не обернусь даже.

Однако немного погодя слышу сзади робкий окрик ровесника: – Эй. Э-эий! Постой-ка!

Чего стоять-то, дорога не лошадь, не повезет. Прибавляю ходу. Вприпрыжку, кузнечиком беззаботным прыг-скок, прыг-скок... Вращаю вещмешком над головой...

Но любопытство – коварная штука. Лукаво подзуживает, обернись, посмотри, что там делается. Оборачиваюсь.

А! Пыхтит мой землячок-попутчик. Тащит непомерно большой для дороги и неудобный для пешехода саквояж. То на спину, то на плечо вскинет, то в охапку, как дрова обнимет... И никак не сладит ведь. Шляпа с пего соскочить норовит. Галстук, вижу, душить собирается. Раскраснелись без того румяные щеки, еще красивей стал, принц китайский.

А я вновь газую вперед. Мне ничего, сам собой, легко.

Даже весело, вон, окликает:

– Максуд. – кричит, – земляк, погоди, вмисти пойдем!

Надо же, как зовут вспомнил, до сих нор тундрой был. Ну так ладно, догоняй, думаю. А сам даю ходу: скорость убавляю вроде, а длину шага расширяю...

— Стой, а? Ну падажди чуток! — С дрожью в голосе просит. Я иду как шел.

— Ты чего, не слышал?

— Слышу, слышу, догоняй! — травлю по-прежнему и снова почти лечу.

— Ну будь другом, не спеши, загонишь вить. Э-эй, Максуд, тукта гварю, тукта!..

Э, вон как запел! Совсем другая музыка пошла, видно, аккордеон внушил, чего же не подождать, можно и постоять. Почему бы нет. Да и, признаться, жалость взяла давно. Однокашник ведь, ровесник, соплеменник. Разве виновен он в "аксельрации" своей и что отвык от родной речи, если там, в городах, все говорят по-русски, даже когда за одним столом одни татары соберутся...

Догоняет. Как взмыленный. Пот застилает глаза. Доплелся, бухнул под ноги футляр, уселся верхом, полез за пазуху, достает белоснежный платок, долго обмакивается. Молчит, на меня не глядит...

— Давай, — предлагаю, — передохнем, обмозгуем...

Пока он отдышивался, сам сходил в чащу, отломил ветвь сушняка покрепче. Молча подхожу, поднимаю его с инструмент" дорогого. Молча вдеваю палку в ручку футляра. Так же безмолвно вскинули мы концы палки на плечи.

Молча согласовали шаги.

И пошли по дороге домой два товарища-земляка, спаянные в одну музыкальную цепь. Сначала робко, неумело, а потом все смелее и смелее засвистели общую мелодию, родную с детства...

Слушай, тайга, земляки поют!

Домой возвращаются...

ТАТАРЧЕНОК

(рассказ)

Мы счастливы оттого, что много других народов живет вокруг нас.

Давид Кугулыпинов

ПОПУТЧИКИ

Словно сухарики, хрустит под ногами январский снег. Я бегу вслед собственной тени, мчащейся впереди, длинной, неуклюжей от закатного, подернутого морозной дымкой зимнего сибирского солнца. Тень, торопясь, ломано размахивает долгими руками, единственным моим багажом-бидоном, как бы волн поспешать самому. И кажется, что она догонит суетливо затарахтевший трактор, а я отстану, и потому мчусь во весь дух.

Дорога пошла под гору, к Вагай-реке, а тень вынесло уже на тот берег, и шапка-тень с огромными ушами, болтающимися то на взгорке, то под горой, взлетает к саням. Но тропа, внезапно по вернувшись влево, оставляет тень в стороне, и теперь она бежит сбоку. Даже вздохнулось свободнее. Одному, не гонимому никем, пусть даже собственной тенью, оказывается, и дышится легче. Собрался с силами и крикнул на бегу:

- Э-э-эхей, на тракторе! Подо-ждитс-с!

Морозный воздух обжигает разгоряченное горло и вырывается на волю клубками пара. Все мое внимание нацелено па берег. Тракторист обогнул воз, попинал снег на прицепе, проверяя надежность крепления. Две женские фигуры, появившиеся из-за фургона с охалками соломы, перекинулись несколькими фразами с трактористом и. Забросив соломы за высокие дощатые борта саней, исчезли в кузове. Я заторопился:

- Э-эй, дяденька, погодите!

На голос он даже не обернулся, степенно направился к трактору...

Благо тропа вновь повернула и выпрямила путь. Почти на одном дыхании одолел Вагайку, осталось взбежать на гору. Трактор, мой единственный на сегодня транспорт-спаситель, напоминая отъезд, коротко гуднул, закричал, пробуя обороты. Я заорал во все горло:

- Возьмите и меня, дяденька-а!

Подлетаю к трактору. Запыхавшийся, не могу набрать воздуха, чтобы повторить просьбу, тракторист махнул рукой в сторону саней, садись, дескать:

- ...мерзнешь, не... чаю, - только и уловил краем уха, обрадованный полез па борт.

Женщины, подоткнув под себя полы шуб и одев рукав к рукаву, прислонились друг к дружке: голова к голове - приготовились к долгой дороге.

"Дэтзшка" коротко прочихнулся, сани вздрогнули, дернулись и плавно покатались.

И поплыли от нас толстоствольные, одетые в серебряный иней береговые ивы. Побежала назад дорожка, блестя от следа санных полозьев. Сквозь просветы мелькавших ив замельтешили зажигающиеся окна домов районного села. Заторопилось на покой прильнувшее к горизонту рыжеликое солнце.

Я отдышался. Прощально помахал в сторону райцентра и обернулся. Можно и устраиваться. Настил саней был гол и заснежен. Соломы женщины набрали в расчете лишь на себя, сесть было некуда. Видя мою озабоченность, одна из них обратилась:

-Дэлико едишь, мальчик?

Я ответил по-татарски, что в Митькно.

На это они коротко переглянулись.

- Татар бала игэн куй эй! < Татарчонок оказывается ведь!>
- удивилась та же женщина.

Теперь мы смело разговаривали на своем.

- Чей же ты там будешь, сынок? - поинтересовалась и другая.

Я назвал имя отца, но это им ничего не говорило. Тогда я добавил:

- Нас еще обзывают "черкесами"...

- Ва-а-ай! - еще более удивленно переглянулись они.

От родителей я знал, что в Приагитье кличка "черкес" была нашей визитной карточкой. По берегам тихой Агитки расположились татарские селенья. В свое время мой дед, сын татарки и ссыльного каторжанина-черкеса, был продкомиссаром в этих краях. Прадед и дед - отец и сын - покинули мир почти одновременно; черкес-кавказец ушел в возрасте ста двенадцати лет, ослабленный скудной военной порой, а сына его скосил тиф.

Во всем Приагитье не было человека, не уважавшего моего прадеда. А у деда некоторые враги до сих пор живы. Жизнь, словом. Даже на мою невинную голову перепадала их месть, не дошедшая до него при жизни. Однажды пьяный агай <дядя> из соседней Казанки при встрече обозвал меня черкесым отпрыском и, зло ударив в грудь, отбросил в сугроб. Я долго лежал и плакал от обиды. Но мать объяснила, что надо, наоборот, гордиться таким прозвищем от славных предков. Вот почему я смело объяснил этим женщинам, кто я.

Женщина, первой заговорившая со мной, приоткрыла полу тулупа и пригласила меня сесть:

- Утыр, балам! <Садись, сынок!> - и чуть погодя, видя мою нерешительность, добавила, что дорога дальняя, ночью будет холодней, могу замерзнуть.

Но краем уха я уловил недовольное шипенье другой:

- Цуртыма кирэк, ди! Ошсп улмэс, токымпары яшэгср.

<-На кой черт! Не замерзнет, живучий род!>

Я теперь привык не обращать внимания на подобное, потому что чем старше становился, тем чаще это происходило. Моя-то в чем вина? За деда внук не ответчик. И правильно он драл у кулачья, такое время было. "И ты, значит, кулачка, если против внука продкомиссара", - подумал я и успокоился. Сверстникам в таких перепалках я научен давать отпор, но со взрослыми не поспоришь, поэтому смолчал, как всегда.

Скоро скрылся райцентр. Как бы в медленном вальсе уходили от нас деревья, следы от санных полозьев и темнеющее небо.

Но убегающее зрелище утомляет. Монотонное лязганье гусениц да мерный рокот дизеля постепенно стали усыплять, стоило, только прикрыть веки. Не унимался и холод. Он наступал, подкрадывался к дальним, еще теплым клеткам моего тела. Пощипал пальцы рук. Руки я зажал меж колен.

Потом мороз пробрался в валенки, начал щекотать пальцы ног, вес более сжимая свои холодные объятия. Набеганное тепло таяло, я коченел. Сперва пошевеливал пальцами рук и ног, стучал носками валенок. Но мороз был сильнее меня. Замерзающему нельзя уснуть. Чтобы прогнать сон, встал, решил размяться.

Долго ли, коротко ли ехали, сани пошли в гору. Мои попутчицы давно выговорились, притихли и головы их склонялись все ниже и ниже.

Чуть согревшись, я снова уселся на свое место.

Но бездействие также способствует сну. Меня беспощадно морило, какая-то невероятная усталость навалилась на веки. Мороз все жестче сжимал объятия.

Я опять поднялся. Трактор давно бежал по нагорью. Мы покидали лес, выезжали к Слепышихам, первым после Вагая дворам.

Об этом невзрачном селеньи из нескольких ветхих домишек на крутом берегу Вагая я знал по рассказам матери. Одна дорога и водный путь сближали издревле людей а этих краях. Моя мать, гонимая нуждой, лопатила здесь кому-то огород за пропитание картошкой. Она рассказывала, что по дороге домой из Казахстана, где она строила железную дорогу на Целиноград, в Омском речпорту ее обокрали самым примитивным жульническим приемом: пока она стояла в очереди за билетом, к сестре моей подошли двое и сказали, будто мать велела погрузить вещи в машину... Ей было совестно возвращаться домой нищенкой, а в животе уже я колотил ногами... Со Степышихами ее свела усталость. Отсюда она пошла в Вагайскую больницу, в роддом. И сюда же принесла меня на руках. Эта чужая деревня видела, как она сняла с меня мою первую распашонку, натянула на голову дворняги и выпустила его слепого, как тот с визгом убежал в близкий бор, как вернулась, изодрав в клочья о кусты мою первую немудреную одежонку... А народ, не родной для меня народ этой русской деревни, радовался рождению еще одного мужчины на свет божий и желал вырасти настоящим джигитом - на счастье матери, в гордость родным и во славу родного края и народа своего. Ведь у каждого племени рождение мальчика всегда связывали с надеждами на лучшее будущее.

"Здравствуй, незнакомая родина До свидания, Слепышихи"
Как въехали, так и выехали из дряхлеющей и покидаемой жителями деревни.

По •притяжению родной земли, что ли, по воле ли шайтана меня вдруг потянуло по нужде. Естественно, наверное, сказался больше мороз, чей воздух родины.

Оглянулся на прикорнувших женщин. Но я еще не так нагл, чтоб делать это с саней, когда за спиной женщины, хоть и спящие. Перелез за борт, рискнул попробовать, стоя на площадке из двух жердин, довершавших воз. Но повернувшись вслед за трактором сани дернулись в

сторону, я вздрогнул и, испугавшись упасть в непотребной позе, спрыгнул.

И, как в усмешку, – все против путника, – ищу окоченевшими пальцами пуговицы, спешу, волнуясь – накопилось много, а трактор уходит, – еле отстегиваю ширинку. Вот наступило долгое и приятное облегчение. Теперь надо как можно скорее застегнуться. На бегу натягиваю рукавички – только бы догнать, токо бы не отстать. Отчего-то заволновалось, заколотило сердце. То ли от бега, то ли от тревоги и боязни приперло дыхание. Силы иссякают. тают как никогда скоро, я задыхаюсь, а трактор с железным сердцем как шел. так и прет без устали, в том же духе, что набрал, не разбирая дороги. И снег, разворошенный санями, густой кашей валится обратно в борозду, а ноги в негнущихся еще новых пимах вязнут в рыхлом снегу, я буксую, спотыкаюсь. Стронутый снег подставляет подножку, расстояние между мной и транспортом заметно увеличивается.

– Стойте, попутчики, слушайте!

Но никто не услышал мой крик отчаянья, не откликнулся. Обида и злоба вырвались из меня, повалили и стали бить, колотить моими руками снег, заставляя реветь, рыдать и ругать всех и вся. Соленые капли потекли по лицу, покатались в снег.

Я проклинал снег, тормозивший меня, ноги свои, задрожавшие трусливо, скорый трактор с болотными гусеницами, женщин, уснувших бессердечно, и даже черное, глухое небо, видевшее мою слабость. Еще пуше зарыдал, вспомнив свой бидон, оставленный незнакомым попутчицам. Я вез городские гостинцы для сестренок. А для деда моего закадычного друга Анатолия в бидоне была гречневая крупа. Сестры не знают о том, что я еду с гостинцами. А вот Толик...

Что скажет мой друг?..

Они живут по соседству с нами. И как не сдружиться двум сверстникам, когда за рекой, где стоят паши дома, детей раз-два о обчелся. Пацаны основной половины деревни обзывают нас сахалинцами. Это потому, что в половодье Агитка уносит мост и мы остаемся на некоторое время, для детворы на долгое, оторванные от большой жизни. Когда вода сходит и как только положат первые бревна на сваи будущего моста, деревенские ребята возобновляют набег на нашу сторону. И мне, "чукынгану" < Крещеный – кличка, оскорбительная для татар.> достаётся за дружбу с русским мальчишкой, с Толиком. Зато когда Толик возвращается на выходной из соседнего Домпино, где он учится в русской школе, он надаёт такой сдачи, что после меня вновь ватагами преследуют. Только боятся все. Хоть и старше меня он всего на один год, но дерётся отчаянно, не жался ни сил, ни себя, а руки и ноги, и голова будто и созданы

для драк: врежется в толпу кишащую, рассыпается она, как взорванная, кому перепало – вновь не лезут, рискованно. У Тольки сильно хворает дед Яша. После еды его всегда вырывает. И давно так. Никакая еда не принимается его истерзанным желудком. Когда узнали, что на каникулы я поеду в Тобольск, сама бабка Фекла, бабушка Толи, пришла к нам с просьбой, и родители крепко наказали мне привезти единственное дедушкино кушанье – гречневую крупу – Это его избавление.

Теперь она уходит от меня. А дед ждет... С каким лицом покажусь на глаза Толику, его бабке, что отвечу? Стыд и позор, от трактора отстал... Что скажет Толя?

Но слезами дорогу не укоротить. Женщины проснутся же когда-то и, проезжая через нашу деревню, авось, догадаются оставить мой бидон. Кличку запомнили ведь.

В НОЧНОМ ЛЕСУ

С наступившей искоркой надежды двинулся в путь, в ночь. Через километров семь будет большая деревня. Называется она – Татарка. Это я тоже запомнил с первого раза. Потому что там, несмотря на название, живут только русские. Назад же, в Слспышихи, повернуть не посмею. Толька говорил, что, выходя куда-либо с целью, нельзя оборачиваться или даже возвращаться, пусть и забыл что. Иначе непременно не повезет...

Утер варежкой оледеневшее от слез лицо, поднял съехавшую на глаза шапку и решительно зашагал вперед, назло наступающей тьме, морозу и страху.

Впереди был бор. Когда я вошел в него, то окунулся в такую темень, что осину от сосны не отличить, все деревья слились в одну сплошную темную массу и двинулись на одинокого меня. Жуткий страх стал заползать под кожу, вокруг немая тишь, только скрипы от шагов переговариваются меж собой, остановишься – в лесу что-то шуршит, усугубляя страхи, невольно ноги запросились в бег. Тут же забыл, что еще недавно замерзал.

Естественно, я не мог бояться вечно. Немного погодя страхи отступили. А смелому всегда найдется попутчик. И тут, к моему счастью, начал просветляться лес. Это кстати проснулась и встала со своей постели ночная красавица Луна. Я представил, как она подняла голову, потянулась, сбросила толстое одеяло-облако, умыла светлое лицо одним, утерлась другим проплывавшим мимо махровым облачком и воссияла серебряным лицом-зеркалом. Увидела меня, засмеялась и весело запрыгала по верхушкам деревьев. Ночная спутница человека вышла на прогулку по своей извечной тропе. Тем вдохнула бодрости и в меня. И я, мысленно благодаря ее за это, еще уверенней зашагал по засверкавшему от лунного отражения санному следу в лесу. Я теперь не один!

- По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед! - запелось непроизвольно па весь ночной лес. Эхо вторило: ...перед, ...ред-д-д... И вот нас уже целая ватага... И бежим мы с Толиком впереди, в авангарде, как говорит он. "Ур-ра! Вперед, ура-а!" - кричим, ликуя. И противник, выбежавший из своих укреплений навстречу, тут же сметается со своих позиций. Анатолий захватывает главный командный пункт - ГКП - противника, срывает флаг и водружает наш. Те сдаются, мы торжествуем победу. И победители великодушно прощают отважно дравшихся бойцов противной стороны, отпуская с миром и условием: больше не поднимать мечей на собратьев.

Я радуюсь успешно проведенной в грезах операции и само собой тут у меня рот раскрылся до ушей.

Так, шагая в ногу с бодрой песней, которой выучил меня мой друг, я неожиданно наткнулся на одинокую, заброшенную и сиротливую в ночном лесу "захарку" и встал, как столб... Дорога в лесу была одна. Трактор проехал, убежав от меня, по этой же. А машина почему-то оказалась за кюветом. По всему видно, направлялась тоже в сторону Татарки. Снова замурашило по позвоночнику.

Готовый сорваться в любую секунду, подошел поближе и робко остановился напротив кабины. Левая, водительская дверь была притворена, на снегу следы, но уходили не на дорогу, как полагалось бы, а в лес... Вот загадка ночи. Непохоже, чтобы буксовали и разочарованный шофер решил уйти пешком. Если бы так, следы вышли бы па дорогу...

"А может, он пошел нарубить лесу под колеса? - подумалось мне, но тут же засомневался. Ведь топор бы я услышал. А давно ни слуху, ни духу вокруг. - А вдруг, - пришла па ум страшная мысль, - его там волки настигли?.."

Я тихонько покричал, покликнул водителя...

И во всю прыть припустил подальше от этого места. Только валенки замелькали перед глазами...

А трактор не догнал. Тоже мне, бегун.

Не заметил, как проскочил остаток леса. А когда дорога пошла под гору, ноги перестали ощущать почву. Так пролетел через мостик, выбегая, споткнулся и кувырк через себя... и прямо перед собой на опрокинувшемся небе увидел звездочку. Маленькую и одинокую.

Анатолий рассказывал, что он где-то читал, будто когда рождается человек, на небе вспыхивает новая звезда, звезда-брат. И человек должен всю жизнь стремиться к единению с ней, иначе заблудится в этом мире. Счастлив бывает лишь тот, кто сумел найти свою звезду. А куда они не нашли друг друга, что бы ни творилось в душе у человека - все отражается на его звезде. Бывает, до того исстрадается за него звезда, что возгорается огнем и замертво падает на землю. И тогда человека будет сопровождать одна неудача. Увидев звездочку на ночном небе, я вспомнил рассказ Тольки и подумал: "Отчего,

интересно, сегодняшняя неудача со мной? Не ты ли мой брат, звездочка сия? Не одиноко, не страшно ли тебе за меня? Не сокращаю ли я твой срок?" Не успела она ответить, скрыло ее холодное облако. Спрятало и луну. Снова тьма обступила лес. Угрюмо и тяжело поднялся, устало понесли меня ноги к выходу из леса, насилиу взяли подъем и... О! Горизонт высветился огнями надвигающейся деревни. Впереди Татарка! Позади все тревоги! Мой шаг стал тверже, и отступили, обмельчали заботы!

НЕУДАЧНЫЙ ВИЗИТ

Я настолько приободрился, что решил без оглядки постучаться в первый же дом. Взобрался на крыльцо, протянул руку к дверной ручке. И тут же отдернул, как током пронзенный. Сердце резанул женский плач. Услышал пьяный голос, тупой мат. Я покинул это жильё. Здесь не до гостей. Не к добру, если человек заявится к ссоре хозяев. Бабка Фекла, когда я нечаянно попадаю к обеду, часто привечает меня с поговоркой, что хороший гость к столу, а плохой к брани, и зовет, чтобы я проходил к столу, как добрый сосед. Сегодня я не желал быть лишним. Толик говорит, если сразу неудача, не повезет и после. Поэтому все свои дела он старается осилить с первого раза. Скажем, колет дрова. Если с первого же подхода вылетел топор с топорщика, что случается у него почти через день, - не говорить же деду, сам с усами, считает, - говорит, добра не жди: или ткнешь себя по лбу, или оттяпаешь полноги. В таком разе он и у соседей не попросит топора, все равно и с другим может что-то случиться, уверяет, лучше отложить на время. А когда отойдешь, обдумаешь после другого занятия, тогда по-другому подступишься и дело пойдет на лад. Так поступает мой друг.

А как быть в случае со мной сегодня? На морозе не заночуешь ведь, когда столько огней в домах...

Постучался в дверь следующего дома. Изнутри крикнули: "Открыто!"

Толкаю дверь. Вхожу. Осматриваюсь. На опрокинутый табурет верхом уселся дядька и латает пим. Посмотрел на меня, снова склонился к валенку, проткнул шилом.

- Рассказывай, - говорит.

У нас дома часто останавливаются на ночлег проезжающие. Чужого в деревне за версту видать. Поэтому первым делом в таких случаях у нас приглашают сесть, а уж потом он сам расскажет. В этот раз я был оглушен таким холодным обращением к ночному путнику, то есть к себе, поэтому оробел:

- Отстал от трактора, замерз. Переночевать не пустите?

- А ты здороваться-то учен? - спрашивает, как мне показалось, с показной вежливостью, все также не отрываясь от валенка.

- Учен... - отвечаю сию робче.
- Тогда привет!
- Привет... здрасти... - залепетал я растерянно.
- Так-так. А куды путь держим? - продолжает стелить в том же духе, будто допрос ведет.
- Домой...
- Ясное дело домой, не ко мне же водку пить...
- В Митькино мне, - отвечаю как в гипнозе, по инерции.
- А-а, в Митькино, значит? Так ты татарчонок, что ли? Вроде непохож, может, метис? У вас ведь там давно перемешались. Нет?
- Ага...

Тут он подбоченился, прищурил глаз:

- А я ведь, парень, не пускаю ночевать, - чуть подождал, прикидывая, какой произведет эффект, чувствовалось, самому этот тон тоже не из привычных. Я стал пятиться к выходу, но остановился по его жесту.
- Да, парень, не пускаю, хоть и прятать у меня нечего, не князь я. Да и богат бы был, все равно не из-за барахла бы не пустил. Зуб у меня имеется. Ну, принцип, скажем, против твоих соплеменников.

Теперь он говорил, будто давно готовил речь. Отложил пим в сторону. И, сердито тыча воздух шилом, продолжал:

- Ты послушай, послушай, почему я не привечаю-то. Как-то я работал в ваших краях. С передвижкой ездил, кино вам казывал - культуру крутил. А на сабантуе на вашем меня ваш брат татарва так испинали-истоптали, что до сих пор пылью харкаю, вполовину ну дышу... Обижайся - не обижайся, мне это до лампочки, не кольшет. Ты лично, конечно, ни при чем, но того же теста, а покуда запомни наш разговор: как аукнется, так и откликнется. А домов хороших людей в Татарке навалом, все пустят, а я нет. Такой вот у меня зуб...

Он может быть, еще мог бы изливать душу, но я был сегодня не в силах слушать тираду безропотно, чья бы она ни была. Хлопнул дверью со всей пацаньей злостью.

Новый ком горечи подкатил к горлу. Так и вышло: не повезло с первого раза, на второй облили чужими помоями. Который раз за вечер взмокли глаза. Почему сейчас, когда мне и так несладко, почему на мне отыгрались, в чем моя-то вина? Кто-то когда-то с кем-то дрался, а отыгрались на мне, почему так несправедливо? Особенно больно, когда обида идет от старших, ведь им дерзить нас не учили. А я и отгрызаться не позволял себе, так был воспитан родителями, за что казнил себя. Что ни говори, а детские наши драки ничего не стоят против злости взрослых, наши передряги - это лишь шалости детские, подрались и помирились, не успев озлобиться.

С этими тяжелыми думами, одинокий и побитый, приткнулся головой к частоколу чьего-то огорода. А мысли были все о том же.

"Драки и войны, - открывал я для себя, - придуманы только старшими, потому что злость свою унять не могут, словами убеждать не научились. А мы, дураки, не подозревая сами о том, подражаем им в наших играх. Старшие, они везде одинаково злы. Прошлым летом в родной деревне был случай с одним таким фанатиком от религии..."
Все бы ничего...

САРАФАННЫЙ

Все бы ничего, но начал насмешник Нури. Первым Рамиля увидел он и, как было свойственно его язвительной натуре, закривлялся в хохоте:

- Ай, вай, ай алла, улям <Умру>! - вдруг согнулся он в хохоте, аж забросил удочку. - Держи мои штаны, джигиты, а то выскочу, что я вижу!

Никто ничего не понял.

- Перестань, дурачина! - прикрикнул на него Толик. - Чего шумишь, всю рыбу разогнал!

А Нури уже лягушкой прыгает, по бедрам себя хлопает, извелся в хохоте, что слезы из глаз:

- Это не я, а Рамиль бесштаный пугает твою добычу! - еле прервался, чтобы показать нам. - Вон, глядите, пугало огородное катит с удочкой к реке'..

Разом обернулись, глядим. И в самом деле, предстало явление не из ряда обыденных. С длиннющей удочкой на плече, с миской под мышкой, беззаботно насвистывая, шлепал к нам босоногий Рамиль... в длинном, до пят, и широком сарафане, который еще вчера видели на его бабушке.

Только как узрел, выронил удилище, упал на спину, задрыгал ногами, сам душится от хохота. У меня же сперва отвисли челюсти, потом схватило в животе. А Толик уже шлепнулся в воду, забил кулаками о прибрежный ил, задел ведерко и единственный его чебак обрадованно запрыгал к родичам...

Нури катался по берегу.

Сквозь хохот каждый подливал масла:

- Рыбак бесштаный-сарафанный!

- Несет удочку, а под юбкой... ох-хо!

- Да еще чуртан клацнет...

- Ух-ха-ха!..

- Вай, аллам!..

Стоял над рекой шум и хохот, и едкий водоворот почти взрослых острот.

Как дошло до Рамиля, что насмежаются над ним, бросил удочку и миску и с ревом развернулся обратно, только пятки засверкали из-под сарафана.

Нури вдогонку ему засвистел, мы с Толькой заулюлюкали, как индейцы в кино, и пуще прежнего захлебывались от хохота.

Еще не успели устать от смеха, как Рамиль появился вновь. И быстро-быстро ковылял за ним дед его, Ахат бабай. Он, издали видать, был уже разъярен, размахивал неизменным своим спутником – длинным посохом – третьей ногой.

Как ветром сдуло смех с наших лиц. Старик слыл в селе человеком горячим. Если, побросав дела, мчится к нам, то добра не жди...

И надо же так случиться, я стоял ближе всех...

– Толя смеется потому, что он инородец, – Ахат бабай стоял напротив меня и, сверля прищуром старческих глаз, взялся дополнять пробелы в моем воспитании. – А ты вот к добру ли зубы обнажил, сам не ведаешь...

А действительно, ведь не знал. Я смеялся, потому что было смешно и смешно смеялись другие. И не знал, чем ответить старику.

Но дед, как бы собрав всю многолетнюю желчь, начал:

– Тебе не ржать, а плакать бы надо: ни магометанин, потому что без сунната <Здесь, в смысле "необрезанный">, ни христианин, потому что не русский.

Раз так, то татарин не может быть уважаем людьми. А ты же – ни осел и ни козел – полурусс...

– Ялган, неправда, ты врешь, татарин я! – вырвалось у меня.

– Ва! Весь аул знает, один ты в неведении? Иншалла!

– Врешь, ты все насочинял своим кривым мозгом, кривули! – вдруг обозвал я, теряясь.

Оскорбление старика взвинтило.

– Ах, ты еще и обзываться, арам сидек <ублюдок>!

– Ты сам ублюдок, у меня отец дома, вот скажу ему, узнаешь...

– Отец он ему, баракалла <возглас удивления и, одновременно, взывание к Аллаху.>

! Не смейся хоть ишака! Если хочешь знать, он у тебя малохольнее меня! – попытался рассмеяться.

Я терял власть над собой.

– Дурак старый! Вредила кривой! – повторял одно и то же, нервно крутя удочкой. – И все вы кривые. Завидуете нам, я скажу отцу, – сам от досады и бессилия чуть не плакал. И ребята, давно забывшие о рыбалке, не знали, чем помешать.

А у старика, действительно, будто ум за разум зашел:

– Сунната тебе не сделали не потому, что мать не разрешила, как тебе говорит, нет! Не пожелал этого сам Абдалл, отказался от ублюдка, навлечет гнев Аллаха.

Шлепай домой и прочти свою метрику – нет там у тебя отчества. Спроси у мамы, за что она в сельсовете получает пять рублей ежемесячно...

Дальнейшее произошло, скажут после односельчане, не без вмешательства шайтана. Не помню, как вышло, но в памяти осталось движение Тольки, который сзади шел на старика с палкой; вдруг я так треснул старика по лбу, что удочка

моя пополам обломилась с первого удара. И тут же нанес новый удар обломком...

Опомнися, увидев кровь на лице старика, и бросился на берег. Чувствуя за спиной хрип Ахата, повернул к реке и, резко набрав воздуха, нырнул.

Из всех сил отталкиваясь ногами от дна реки, поплыл дальше по течению к противоположному берегу. Из последних сил гребу, отталкиваясь, боясь высунуться. Вода давит в уши, пустые легкие заколыхали грудь, сердце готово выскочить, а я все работаю конечностями – помогая, спаси, Агитка... Выпустил из легких последнее и чуть не стукнулся головой о сваи старого моста. Проплыл мимо и осторожно вынырнул. Я находился между досок и бревен ледореза. Припал к июли. А там... По берегу метались мои друзья, звали, кричали, раздевались... На горе ругала Ахата русская односельчанка. Из-за поворота спешила невеста откуда появившаяся долбленка... А Ахат бабай, который плавал как топор, стоя по грудь в реке длинным удилищем Рамиля шарил по дну... Сам же Рамиль сидел в прибрежном иле, уткнув голову в подол сарафана, только плечи его мелко-мелко вздрагивали...

Заплакал и я в ледоломе.

УТЕШЕНИЕ

Слезы снова запросились на глаза. Не меньше обидели и сегодня. Опять же старшие...

– Это что за концерт тут бесплатный?! – услышал я вдруг голос над головой. – Ну-ка, обернись, кто тут? Да никак приезжий?

Я умолк, упрямо не желая с кем-либо разговаривать, кого бы то ни было видеть. Но мужская сильная рука тронула за плечо и мягко повернула к себе.

– Слушай, друг, нехорошо ведь, с тобой разговаривают, а ты ладом. Что случилось, кто обидел, к кому приехал?

Я молчал, глотая слезы, от расспросов наплывающие снова.

– Ну вот что, друг мой, раз так, пойдешь со мной. И не противься, на упрямых воду возят...

Он увлек меня чуть ли не в другой конец деревни. Мы взошли на голое крыльцо большой пятистенки, пахнувшей свежими бревнами.

Очнулся я от голосов.

Чуть правее от двери в другую комнату шел детский гомон. Приведший меня дядя приложил палец к губам, мы молча разделись и тихо прошли во вторую половину. Подкрались к струдившимся над зыбкой обитателями дома. Женщина, но всему видать мать и хозяйка, гугулькала с маленьким, лежащим в качалке. Рядом с ней стояли два мальчика, младший был с меня ростом. Занятые одним маленьким, но главным сегодня в семье существом, некоторое время они не замечали нас.

Мальчик моих лет говорил:

- Не-ет, надо дать необычное, героическое имя. Например, Спартак! А?

- Или Ганнибал... - осторожно добавил мой спутник тоном, будто давно спорил с ними.

Мальчик хотел было что-то возразить, но вдруг осекся, поднял голову:

- Ага! Шпионы здесь!

Хозяйка схватилась за сердце. Откуда-то сзади налетела на него маленькая девочка, годика четыре, запрыгала на месте, прихлопывая в ладоши:

- Дядя Валя плисол! Это мой дядя Валя плисол!

Мать оторвала руки от груди, укорила:

- Вечно ты с фокусами, Валентин. Эдак меня до обморока доведешь, ей-богу!

- Брат сказал, что новорожденного хочет обмыть, вот я привез его заказ, а по дороге гостя нашел. Мальчик в такую темень сквозь лес один прошел, столько натерпелся, а молодцом. Знакомьтесь, дети. Скоро хозяин-то будет? Пока старшие разговаривали о делах, меня обступили дети. Не зная, как себя повести, я растерялся от всеобщего ко мне внимания. Не находил места рукам. Вдруг выручили девочка.

- Давай знакомиться, - смело предложила она, дернув меня за пиджак. - Меня зовут Шулочка, а это Витя, мой брат, ему десять лет, это Коля, он учится в седьмом классе, тоже брат. А тебя как зовут? - заключила, протараторив.

- Ким, - представился я в свою очередь смущенно.

- Это по-какому? - полюбопытствовал мой ровесник, которого Шура представила Витей.

- Клим, наверное, Климент? - поправил старший брат,

- Нет Ким, - ответил я.

Шурочка, ничего не понимая, поочередно переводила взгляд то на меня, то на братьев своих. Но вставила:

- Нет, он сказал Ким, правда, Ким?

- Имя как имя, хорошее, - вставил дядя Валентин. - Такие имена давали в честь международной молодежной организации. А проще будет - борец за дружбу. Самое человеческое, подходящее времени имя...

- Вот так, - подумал я, - сам не знаю, что за имя ношу.

- Ага, есть идея! - воскликнул вдруг Витя. - Слушайте, а почему бы нам не назвать нашего братика Кимом?! А что, мужественное и непростое, я хотел сказать, нечастое имя.

- Давай, давай! - запрыгала, завертелась Сашенька. В это время отворилась и хлопнула наружная дверь.

- Папка плисол, папочка, - захлопала в ладоши Шура и помчалась встречать, А зашли в комнату вдвоем, она уже на руках отца, мужчины невысокого, это крепкого. Запахло солярой.

- А у нас гость, - успела тут же сообщить дочка отцу. Затем чмокнула в щеку и объявила: - Мы будем звать его Климом.

-- Кого, доча? - переспросил отец. Опустил ее на пол и подошел к зыбке, залюбовался.

- Нашего блафика, - не моргнув, повторила она. - Клим будем звать.

- И кто так решил без папы? - он протянул ко мне руку, крепко пожал, поинтересовался: - Это ты у пас будешь Климом?

- Ким, - поправил я.

- А я буду дядя Костя, - и крикнул назад, в сторону кухни, где хлопотала хозяйка. - Ну как, мать, находишь?

- Чего уж гадать-то, сам ведь поручал детям.

- И я думаю: имя красивое, интернациональное. А гость, видать, парень неплохой. А у сибиряков кое-где есть такой обычай, - он заговорил, обращаясь ко мне, - когда ребенку дают имя первого встречного гостя, считается, что новорожденного в черные дни боятся слуги дьявола, а навещают добрые люди, порядочные. Как сам-то, ты хороший мальчик, а? - и рассмеялся.

Я пожал плечами.

Потом все дружно ужинали. И нас было много за общим столом.

Оставшись одни, взрослые налили в стаканы. И пили за здоровье малыша, за мать.

Краем уха я уловил, как дядя Валентин говорил о засевшей машине и что тракторист отказался ехать вытаскивать.

Понял я, что это тот самый мужик, обидевший меня.

Сашенька баюкала малыша. Катя раскрыл "Приключения Гекельберри Финна". А мы с Витей испытывали его самодельный трактор на резиновом ходу. Витя объяснил мне, что дядя Валентин был водителем той самой, встреченной мной "захарки". Повидимому, строил версию, он нырнул в сугроб от кого-то встречного. А кабину оставил открытой, чтобы подумали, что шофер недалече, и не лазили без спросу.

Через некоторое время мужчины подозвали меня, и хозяин попросил повторить рассказ о моих приключениях.

Выслушав меня, дядя Костя стукнул по столу кулаком так, что перевернулись стаканы, порожняя бутылка скатилась на пол. Я вздрогнул от неожиданности. Испуганно тараща глаза, с куклой в руках выбежала Саша. Заревел малыш в люльке. Дядя Константин матюкнулся, чуть ли не рывкнул со злостью:

- Мразь поганая! Видали героя? Выдворил зимней ночью путника! Ну и скотина! Одеваемся, идем к нему!

На вмешательство жены не отреагировал, отрезал: "Не вмешиваться!" Скомандовал собираться и мне с ними. На протест брата рывкнул:

- Перед кем должны извиняться? Перед тобой или перед оскорбленным? Идем, Ким, так надо. Мы пошли туда, откуда я был выдворен. По правде сказать, я не желал с ним новой встречи. Но перечить взрослым я не научен.

МЕСТЬ

Дверь дядя Костя открыл с ходу пинком.

Хозяин дома сидел за столом с сигаркой в зубах, читал районную газету. Увидя бесцеремонных гостей, прервал чтение, пустил кольцо дыма, плюнул на кончик сигарки и бросил в печь.

- Слушай, - без всякого вступления начал дядя Костя, - не свинья ли ты?

- За свой отказ ехать вытаскивать машину с грузом запчастей ответишь перед колхозом, - выговорил ему дядя Валентин.

- И с ним мы вполне мирно поняли друг друга, откровенно, по-мужски, - сказал тот, кивнув на меня, - Я лебезить не привык. Душу перелатывать не собираюсь даже перед дитем. Уж какой есть. А у тебя какая на меня обида? - обратился к Константину.

- Газеты почитываешь, а тупой, как пим сибирский; - дядя Костя подсел напротив к нему, на табурет. - Ты же не его одного обидел, не ему показал на дверь. Ты опозорил всю Татарку. Такого Сибирь-матушка, наверное не видывала еще. Ты об этом подумал?

- Об чем это?

- Об имени сибиряка, мать твою.

- Да будет тебе корчить святошу. Тоже мне...- попробовал было возразить мужик, но дядя Костя взял другой оборот.

- Короче, извинись перед мальцом, нам ставь пузырь в знак примирения и на том баста.

- А вот это никак не получится, не вижу причины.

- Увидишь, поздно будет.

- Ох, испугал. Так смурной, еще трезвого учить.

- Верно подмечаешь, выпимши мы. А вот извиняться перед мальцом придется.

- Я уже сказал, не выйдет по-вашему.

- Еще как выйдет. Зря меня взводишь. Сейчас ведь будешь ползать на корячках. Тебе известен мой нор.

- Неужели в самом деле? - насмеялся тот, накаляя обстановку.

И дядя Костя вспыхнул:

- А ну, встань, поговорим как мужчины!

На это другой усмехнулся ему в лицо, выщедил:

- Это кто же указ тут хозяину в доме? А ну-ка, гуляйте отсюда!

- Ежели так, даже лучше. Одевайся, вижу, боишься в собственном гнезде накласть в штаны, выйдем во двор, ну!

- Слушай, кто ты такой, не много ли на себя берешь? А! Как же у меня из головы-то вылетело?! Вы ведь нонче местный слуга парода! В своем доме я? И сам себе судья! И не твоего ума дело, кого гоню, кого привечу...

Не дали ему досказать:

- Шабаш бабьи разговоры. Не хочешь добром, миром, поможем всем миром. Валя, лови!

Только крикнул дядя Костя, да как саданет того в висок со всего маху мужицкого, что он кубарем слетел с табурета и шмякнулся возле наших ног, Я и глазом не успел моргнуть, дядя Костя уже восседал на нем верхом и выворачивал ему руки за спину, аж тот взвыл сквозь мат. Невесть где сидевшая до того старуха вскочила из-за печи. Гневно-белая, она чуть не огрела дядю Костю ухватом. Валентин перехватил у бабуся орудие, отнял, снова передал ей и мирно, тихо, как больному человеку, сказал:

- Не надо, мать, не мешай!

Видя такой оборот дела, я подскочил и потянул дядю Костю от поверженного, умоляя:

- Не надо драться, дяденьки, не надо, а...

- Слышь, стерва, видишь, ты его камнем приветил, он же милосердно тебе защищает. Не трогает это твое окаменелое сердце, - выдавливал он последнее терпение. - Еще раз прошу: попроси прощение у мальчика, чтоб не обозлился, не подумал, что все мы такие, Парнишонка то славный, не при чем он...

- Отпусти... - простонал тот.

- Извинишься?

- Пусти, говорю.

Поднялись, поправились. Хозяин отер руки, ощупал место удара и там же покрутил пальцем:

- Ну и дураки, едрена феня, - сказал, - разве можно силом мужика заставить повиниться? Ничего вы не вышибете из меня, хоть всем сельсоветом навалитесь. А теперь убирайтесь отседова к чертовой матери? Вон!

- Вот балда! - теперь говорил дядя Валентин. - Тебя же не винят в упрямстве, а в том, что нагородил с три короба. Пацану. Не стыдно?

- Тебя-то что не устраивает?

- Ты бы мог где-то наплести, но мы же тебя знаем как облупленного. Да, пинали тебя. Они тебя, охломона, учили, чтобы не пер со своим аршином в чужой огород, наглядно показали, какова сила единства. Известно нам, отчего тебя пинали, разбирались уж; пристал к бабе, пьяный обидел. Возможно, и договорились бы, будь ты человеком с тактом, подходом. Повернул на больную для любого порядочного человека тему, дескать, брезгуешь русским, да?! Вот за что получил, так и надо. Будь кто из нас рядом в тот момент - убили бы. Мальца ты оскорбил. И нас тоже

- За мой проступок судить богу, не вам. Если еще будете насилловать, вон порог, а за ним и закон - самосуда не позволит, какой бы сволочью ни был...

ПРОЩАНИЕ

Что еще они доказывали друг другу, не знаю, я незаметный покинул их.

И пошел к Витьке, ровеснику своему...

Разбудило меня радио, заговорившее утром рано.

Репродуктор сообщал о продолжении морозов в ближайшие дни. Известил об отмене занятий в первые два дня новой учебной четверти...

Открыл глаза: не узнал потолка-...

И вспомнил свой вчерашний день...

Высвободился из объятий Вити. Прикрыл его. Тихо оделся. И как-то спросонья не заметил, что забыл одеть душегрейку под пиджачок. Одумался, когда, одев пальто, ощутил пустоту, но переодеваться не стал. Пусть остается Вите. Будет вспоминать меня. Не велик подарок - теплушка.

Может, у него, как у всякого сибиряка, и своя имеется. Но благодарению более достойному еще не обучен...

Мысленно попрощался. И как можно тише прикрыл за собой дверь.

Давно поднятые по дворовым хлопотам гостеприимные хозяева не видели моего ухода. Да и лишне было все это мне в этот час.

По земле стелился густой белый туман, какой поднимается в крепкие морозы. Хорошо ветра нет, а мороз нам привнеси. Поднял ворот пальто, сунул руки в рукавицах в карманы и затопал в глубь сибирской, тайги. Где живут такие же люди, как и везде. Где жил я. Где ждал мой друг Толька. Впереди были долгие километры через редкие деревни.

А в будущем мне еще не раз придется отмеривать пешком эти дороги. Но так и не будет случая заглянуть к моему новому товарищу, как ни жаль. И никогда не узнаю, как же назовут они своего младшего брата.

Вскоре через эту тайгу пробьется нитка трубопровода. С преобразующими и землю, и людей, и жизнь последствиями. А в Татарке будет нефтеперекачивающая станция. Деревня превратится в поселок с другим названием.

Но, проезжая на свою глубинку, неумоимо влекущую к себе малую Родину, всегда с шемящей сердце грустью буду вспоминать о тех добрых, малозаметных днях моего невозвратного детства, о тех добрых людях, с коими свела меня та вечерняя стылая дорога.

А пока что я шел по холодной зимней таежной тропе, манимый теплом родного порога, и радовался рождению нового, более счастливого дня, пробуждающего в человеке веру в лучшее...

Но что это? Не ослышался ли, не показалось ли? За спиной, кажется, топот копыт... Точно, едет повозка! И голос слышу знакомый... Дяди Кости голос:

- Тпру, сатана! Ты что, парень, околеть хочешь? А ну, садись! Вот тулуп, укройся! Будем передавать тебя От повозки к повозке. В этот час начинается дойка на фермах. Молоковозы тебя вмиг доставят!..

ШАМАЙКА (рассказ)

"Великому сыну сибирского народа,
писателю Булату Сулейманову посвящается.
Всякие совпадения случайны".
Автор

Кто покидал родные края на долгое время, знает, что возвращению домой способствуют лишь близкие. Так вышло, что в мое отсутствие родители расстались и разъехались в разные стороны. Как всякие деревенские, они боялись осуды односельчан, кривотолков. А на стороне о том напоминать некому. Поэтому я на свою родину, где оставил самые чистые годы детства, куда манило всегда, смог вернуться лишь двадцать три года спустя.

И только сошел с автобуса и ступил на пыльную траву земли своих корней, как провожавшая на этот рейс гостей старая женщина, в ком я с трудом узнал бывшую нашу соседку - мать моего друга, вдруг бросилась ко мне и сквозь слезы, выступившие на глазах, выронила:

- Шамайка!.. Вернулся, не забыл, любимец наш...

Официально, по документам, моей родиной является райцентр Вагай. В деревню, которая стала настоящей родиной, меня привезли двухгодовалого. И самая дальняя точка отсчета воспоминаний о себе приходится на те дни, когда меня подняли чьи-то руки и еще полусонного опустили с телеги на эту самую траву

В те же дни товарищи моего отца по плотницкой артели, когда я притопал к свежему срубу будущего клуба, ради потехи смастерили и подарили мне деревянную гармонь. Так как на новом месте у меня игрушек не было, гармошку я принял как настоящую и увлекся ею с непосредственной детской серьезностью.

Взрослые работали. Я аккомпанировал музыке их труда, наигрывая под их ритм незатейливые, бесхитростные собственные песенки, рождаемые тут же и тут же забываемые. С гармошкой в объятиях засыпал на отцовской фуфайке. Просыпался уже дома с гармонью в руках.

Не берусь утверждать этот факт какой-то исходной точкой. Но для любящего материнского сердца моя увлеченность безголосым инструментом послужила добрым знаменем, провозвестником ее тайных надежд...

Помнится Новый год в срубленном отцами клубе, первые радости от восторжавшего детскую душу карнавала, костюмов, масок. Необыкновенные праздничность, веселье, возбуждение, царившие вокруг. Под елкой состоялось мое первое публичное выступление, знакомство с белобородым Дедом Морозом, добрым на дары и заводным. И радость безмерная от заслуженного подарка.

После первого успеха мои уроки с мамой участились. Она приносила домой красочные книги, которыми зачитывались допоздна. Сказки я слушал с замираньем сердца, запоминал, затем с охотой пересказывал старшим, всем, кто просил. Родителям эти

мои способности доставляли огромное удовольствие, да и мне было приятно.

До сих пор не могу истолковать таинство зарождения во мне певческого таланта. Он достается не всякому, а точное интонирование удается не каждому поющему. Но каким-то образом создатель вложил в меня такую способность к музыке, что в три года я после двух-трех повторов усваивал сложнейшие народные песни со всевозможными коленцами, чем они и богаты. От песни к песне расширялся мой багаж, набирал силу и голос. Помню, стоило запеть, и все, кто слушал меня в ту пору, начинали цокать от удивления: откуда в таком мальце столь зычный и вполне певческий голос при крепком дыхании, и главное, необыкновенная музыкальная память и умение безошибочно воспроизводить...

Так как родители в ту пору жили в любви и согласии, они часто ходили в гости или созывали гостей сами.

Пропорционально тому общению росла и моя популярность в нашем Приагитье. Благодаря песне я оказывался в самых неожиданных компаниях, где меня тут же ставили на подвернувшееся возвышение: пень, телегу, копну, капот автомобиля. Образовывалась толпа благодарных слушателей. Я старательно выпевал: "Рамай", "Сарман", "Кара урман" - детские песни, испокон любимые в народе. Детского репертуара у меня не было, пел то, чему учила мать. Одолевал даже протяжную, полную тоски "Зиляйлюк", сложнейшую для любого вокалиста песню, требующую от исполнителя большего мастерства, если хотите, школы.

Истинных певцов в деревне бывает один-два человека, и если малое дитя с успехом соперничает с такими уважаемыми и непререкаемыми авторитетами, то это воспринимается как событие, равное сенсации. Поэтому и неудивительно, что я раньше своих сверстников снискал уважение старших.

Поджидающие армейского призыва дяди брали меня с собой на покос, уборочную, на ток, рыбалку, катали на лошади, тракторе, велосипеде, комбайне - лишь бы пел. Ради такого удовольствия я готов был даже плясать. Мой голос звенел над Агиткой, в библиотеке, кабине автомобиля...

На почве детской ревности нередко случались потасовки со сверстниками. И кличек – заслуженных и незаслуженных – прибавлялось немало. Кто из пацанов сегодня первым штурвалит на комбайне? Этот счастливец непременно был я. Кому невесты девушки доверяли письма женихам о свидании? К кому "ревновали" их женихи? Ко мне. Кого катали на раме "велика", "сапеда", брали с собой в лодку, учили плавать? Везде счастливец – я!

Первый конфликт произошел также из-за чрезмерного внимания к моей персоне. Мне уже четыре года. Ощущение мирских дел все рельефнее. Молодежь ехала в лес на засев будущего кедровника. Работы – раз-два и обчелся. Поэтому поездка была скорее развлекательная. Как всегда в дороге, запели. Бесхитростно подключился и я. Так как мои друзья, братишки тех старших, по обыкновению умеют только слушать, на выскочку поглядывали косо. Лесная дорога петлистая, езда была без свиста в ушах, а в лесу звук расширяется. Очевидно, я расстарался, одно время, чувствую, поюшим остался один. Но пения не прекращаю, привык, что меня всегда слушают. Не помню, как и кто это сделал, в руках у меня оказалась веточка березы с брызгами осенней меты – желтыми и красными листьями. Я машу ею как флажком. Есть дети равнодушные к чужому успеху. Но кому-то показалось, что я слишком зарвался. Он вырвал мой стяг, обломал и выбросил через плечо за борт. Взрослые не заметили неуместной выходки одного и униженность другого...

В памяти зацепилось и такое воспоминание. Кругом народ, пространство заполнено музыкой. Нарядные колонны машин в ожидании отправки обвешаны торжественными транспарантами, наша дальняя родственница все настойчивей уговаривает паковавшую мать отдать меня на воспитание, аргументируя, что только в городе я смогу развить свой дар, выучившись у преподавателей, а здесь талант мой не пойдет далее достигнутого. Идут в ход убедительные доводы о ее бесплодии, что муж будет только рад, все же своя кровь, иначе вынуждены будут взять ребенка из детдома... А я в беспечном ожидании предстоящей дороги в таинственный, манящий город сную вокруг машины, прощаюсь с друзьями, говоря, что буду учиться на артиста в большом городе. Вот мы располагаемся на полном зерна кузове машины. Вот загудели моторы. Еще громче врывается музыка из колоколов на столбах. Кто-то чеканит короткую бравурную речь. Раздается дружный вой сирен автоколонны. И сквозь дорожный шум-гам в сердце вонзается надрывный, утробный крик матери. Огромная жалость врывается в душу, я вскакиваю навстречу скорбно протянутым рукам. Машина трогается, я лечу в объятия матери... Плачущая родственница растворяется за пылью колонны. Ни один праздник в ту пору меня не миновал. Свои призы я завоевывал не на конных скачках, не в борьбе со

сверстниками, а в состязании с собственным волнением. То ли по прошествии лет мне так кажется, в деревне моей в те годы постоянно витал дух празднества. Вспоминаю и зачастую вижу себя среди нарядных молодых людей; на концертах, свадьбах, вечеринках. То я репетирую детские роли в пьесах, то наравне со старшими разучиваю еще никому в деревне неизвестные свежие песни. И это таинство нераскрытым донашиваю до самого концерта для сюрприза. Кто-либо из деревенских смельчаков сочинит куплеты про нечистого на руку кассира и спящего бухгалтера колхоза – исполнять доверят ребенку, с которого потом какой спрос. Даже попадало за это. Как же, на всю округу перед почтенной публикой ославил. А это в деревне хуже расстрела. И за уши драли, чтобы выпытать автора. На детских забавах хочешь не хочешь приходится играть с детьми тех же осрамленных мной людей, соответственно и тумачи, и презрение – все попадало. То, что я не почивал на лаврах доказательств не требует. Деревня, она умеет ставить людей на место. Сверстники тоже не позволяли заноситься баловню судьбы и природы. В их кругу, какой бы ты ни был самородок, всегда должен быть приземлен и знать свой шесток, где у каждого своя роль и у всех общая: ты или напарник, или соперник...

Однажды к нам ворвался сосед с бутылкой и давай меня тискать и целовать. Оказалось, он на охоте заблудился, спас его мой голос, транслированный по колхозному радио. Его мог вывести, разумеется, и любой другой звук радио, в те времена колокола на столбах орала целыми днями, но подвернулась моя песня. А соседям с полочки посидеть с фронтовыми воспоминаниями – лучшей причины и не придумаешь.

В общем, свою звезду я нес, как маршальский жезл, сколько себя помню – я готовился в артисты.

В те годы сабантуи случались, редко какой другой праздник так удавался. Каждая деревня, всегда одна бригада, боролась за честь устраивать этот праздник пахаря у себя. И тогда почти сиротели соседние с победителем селенья. А в том народе наплывало столько, что конкурсы, концерты, состязанья разворачивались на каждом углу. По всей видимости, в той суতোлке пацанва мешалась. Помню, на одном таком сабантуе всю детвору, когда все подвижные игры были исчерпаны, собрали под крышу опустевшего после концерта клуба. Чтоб занять нас, устроили конкурс художественного свиста. Так как таковых способностей не проявил никто, чуть не взроптавшие устроители сошлись на состязании свистунов: кто и как способен – на сцену. Желаящих обнаружилось ползала. И решили: деревня на деревню. К моему стыду, я свистеть не умел: ни сквозь зубы, ни через пальцы. Но ради количества попался защищать честь деревни. Счет шел равный... И выходило так, что на нас с соперником решалась судьба поединка.

Если не пересвищу противника, хоть умеи ты или не умеи, крайним будет последний, то есть осмеян буду я. Я заявил, что буду орать. Судьи удивились, посоветались и разрешили. Мы приготовились и по команде набрали в легкие воздуха. У моего соперника, свистевшего сквозь палец, запас иссяк и выветрился вмиг и свистел он на зависть красиво и громко. А в условиях различения не было, кто чем берет, – главное результат. Положившись на случай, я через глиссандо взобрался на самую верхотуру моего диапазона, да как затянул... Пронзительный визг на той ноте заполнил объем клубного пространства, достиг такого резонанса, что сами судьи зажали пальцами уши... Вот где был мой триумф! Как бы я ни умел петь, но настоящую оценку своего дарования получил от сверстников только в тот день. Они вынесли меня на руках, бросали в небо! Такое разве забудешь когда!

В ту зиму родители повезли меня с собой в гости к родственникам, далеко через райцентр. Мы проезжали через множество снежных деревень на быстрых санях, почему и помнится та поездка и тот случай. И не было большего счастья, чем тогда, когда сидишь рядом с влюбленными родителями, в тулупе тепло, и в руках у тебя вожжи. В памяти – вечерний клуб в бывшей мечети. При моем появлении прерывается репетиция, и какая-то женщина таинственно сообщает всем о юном самородке, посетившем их. И сюда долетела весть обо мне. Именно этот факт дает мне право считать дар, бывший во мне тогда, необыкновенным для наших краев явлением, достойным внимания.

Я сделал так, как условились. В самый кульминационный момент концерта та женщина вышла к зрителям и объявила, что представление прерывается, но огорчаться не следует, так как в их аул, по счастливой судьбе расположенный под самым Тобольском, по еще более счастливым обстоятельствам заехал гастролировавший в те дни в нашей стране сам... знаменитый, наиталантливейший певец Робертино Лоретти!.. И я в смокинге, как выдавший виды артист, баловень судьбы, уверенной в себе походкой шагнул на авансцену, как только раздвинули занавес, и:

– Джама-а-а-айка!..

Ошарашенный зал допеть мне не дал. После первой же фразы обрушился шквал аплодисментов. Задние ряды вскочили с мест. Кто-то засвистел, завизжал. Народ всполошился, затопал ногами, загудел... Публика неистовствовала. Я испугался и убежал за кулисы. Это вышло еще правдоподобней. А так как эффект удался вопреки ожиданию, верящая и одновременно сомневающаяся аудитория засмушалась собственной нетактичностью перед знаменитым талантом, постепенно стала приходить в себя и, прекратив рев и топот, перешла в скандирование:

– Bravo, bravo, Робертино!

Я собрался с духом и, ободренный концертной группой, вновь шагнул на эстраду, для большей убедительности на ходу поправляя бант.

Очевидно, я в самом деле искусно симитировал итальянский текст, народ вначале слушал и не верил своим ушам. К тому же мой голос в то время действительно набирал всю возможную для дисканта силу и окраску, в напряженных местах мелодический рисунок песен усиливала появлявшаяся вибрация, столь красящая голос. Лишь некоторое мгновение спустя пытливые умы стали нашептывать сидящим о факции, открывшейся им...

Все же, в отличие от настоящего Робертино, оркестра у меня не было...

Хоть и разоблачили, но песню больше не прерывали. Как-никак свой, татарчонок, выказывал невиданные в здешних краях способности.

На вечеринке, в гостях, куда с родственниками были приглашены мои родители, один дед поставил меня на табурет, поднял стакан и произнес:

- За Шамайку! За нашего татарского Лобертина! Так вам и так, капиталисты, и у нас есть таланты, в промозглой Сибири!

- Надо же, - добавил цокая один опьяневший, - шпингалет, а по-иностранному поет!..

- Он и "Бродягу" знает! - хвастал пьяный отец. Пришлось спеть уважавшей тогда индийские песни публике популярную в те годы "Итегедана, итегедана, дана упердана, упердаана"...

Женщины пустили слезу. А один мужик вдруг грохнул кулаком по столу:

- Эх, доля наша деревенская... В город надо джигита! И прославит парень всех нас, отблагодарит. А здесь пропадет талант, по себе знаю...

В пятом классе я подготовил номер с девочкой из седьмого. Так как исполняли мы а-капелла, вышли на сцену в силу обстоятельств настроенные в тональность предыдущего музыкального номера. Запели в неестественной для данной песни высокой тесситуре, моя напарница к концу первого куплета от напряжения покраснела как рак, а когда и петуха пустила, от стыда бросилась наутек. Дуэт сторел. Песня немецких рабочих "Барабанщик" написана в прыгающих интервалах. Начинаешь в низких нотах, затем вмиг взбираешься ввысь и к концу фразы вновь проваливаешься к отправной точке. Чтоб не ошибиться в диапазоне и не попасть в неудобную позицию, требуется точная настройка, тем более нужна она, когда песня исполняется смешанным составом мальчик-девочка. А это возможно только с инструментом.

Окажись наши репетиторы музыкально грамотнее и знай они особенности в вокале, ансамблевую аранжировку, такого конфуза не произошло бы. С большим трудом довел я до

финала самый трудный в моей певческой карьере номер. Аудитория оценила этот труд, равный подвигу в том возрасте, зал и громыхал как никогда прежде. Я заслужил чести представлять самодеятельность нашей школы на районном смотре юных талантов. А там, заняв первое место среди солистов, получив и лауреатское звание, вместе с пионерской делегацией района должен был поехать на отдых в знаменитый пионерлагерь "Орленок". Но так как путевка пришлось на сезон сенокоса, первой заботы деревни и семьи (а колхозы тогда не помогали, наоборот, лишь проценты выделяли хозяевам от заготовленного ими сена), я должен был сидеть с сестренкой, родители категорически отказали мне в удовольствии от свидания с морем...

Такой удар судьбы в зените моей славы надломил всю психику. Если б я поделился горем с учителями, возможно, нашелся бы выход. Думаю, и нынешние дети, какие бы они ни были акселераты, не догадаются доверить семейную драму чужому человеку.

Вот так отразилась на мне деревенская обездоленность. Я покорно пронес свою скорбь через весь свой певческий возраст, никогда более не участвуя ни на каких мероприятиях. За отказ петь в самодеятельности классная руководительница вознегодовала на меня. Но дирекция школы списала все на начавшийся у мальчиков переходный трудный возраст, неподвластный нажиму. И оставили в покое. А у меня действительно наступил возраст, когда ребята не терпят выпендривающихся выскочек в своей среде, каким мог стать я...

Мои способности пригодились позже, когда, тринадцатилетние мальчишки, мы стали замечать за косами наших девочек их шеи, плечи, пытались заглянуть за ворот... Некоторые одноклассники уже тайком бегали на свидания. Мы шумной ватагой вваливались в девичьи комнаты школьного интерната. К вечеру надоедали не только няне, но и самим девочкам. Корпус запирали, нас выдворяли. Нередко случалось, кто-либо из них задерживался у деревенских родственников, на репетициях. Тогда мальчики волокли меня. Я, подражая голосу отсутствующей, умолял девочек открыть дверь поскорей, пока нет мальчиков. Они отворяли, а мы уже вломились...

В восьмом классе, возвращаясь из Тобольска зимой, я сильно простыл. Дома валялся в поту и бреду. Когда очнулся и пришел в себя, не мог слова сказать. Горло было сковано опухолью, давившей на язык. Родители кормили меня, размочив хлеб в бульоне. Так провалялся с неделю. Поправившись, обнаружил в себе чужой, напугавший меня незнакомый голос, гудевший как в бочке.

Петь я уже не мог...

Вот так я распрощался с мечтой о певческой карьере. Те счастливые дни канули в лету, ушла в былое моя слава,

звезда погасла навсегда. Любую способность в человеке можно сохранить, развить. Но никто не знает, что произойдет с голосом мальчика после мутации. Его можно отстоять, но будет ли это певческий, самобытный голос, не скажет даже профессор фониатрии. Сколько ломается характеров на этой почве – статистика печальная...

Землячка обняла меня как родного, вытирая кончиком платка набежавшую слезу, произнесла снова:

– Шамайка!..

Я оглянулся и увидел приближающихся к нам односельчан. Они помнили меня. И вспомнили добром. Никто не попрекнул ни родителями, ни прошлым. Лишь укоряли: мог бы писать изредка. А лучше, если б вернулся на родину и учил бы музыке своих земляков маленьких. Что я мог им ответить? Ведь я так же виноват, как все, покидавшие малую родину, – ничего полезного для нее не сделал...

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

(рассказ)

С каждым днем тяжелей и тяжелей стало подниматься в гору, старость – это усталость, она все сильнее и сильнее гнет к земле...

Но приходил Ахмет сюда с большой охотой: что делать в городском доме одному, если с малолетства так и не отринула душа тягу к земле...

А здесь, в лесопарке, кажется, что молодеешь даже нутром, тело дышит ароматом свежей зелени леса, душа услаждается обширной, размеренной жизнью природы.

Работу свою старик не считал невесть каким трудом – подумаешь, охрана. От кого сторожить-то?! Отошли в былые времена, когда хозяева самостроев могли воровски рубить ухоженные деревья на дрова и другие свои нужды.

Наживешься ли нынче украденной дощечкой, и много ли пользы от порчи казенного имущества? Не те времена.

Привыкли, чтобы был тут охранник на виду, как карусели эти, и весь сказ. Детишки – вот другое дело. Любят сорванцы шалить недозволенным. В спички балуются.

Постарше ребята с ножичками приходят – скамейки, оградки ковыряют, бересту с благородных берез, к гнездам лезут. Ведь вроде же очищают парк каждой весной от прошлогодних листьев, деревья сажают, вешают скворечники. А как одни – тут же об этом забывают...

Однако и на таких управа здесь была от другого заштатного охранника – пса Арслана, незаменимого у старика помощника. Когда работал Арслан, дед мог целыми днями беззаботно думать о своем, греясь на солнце. А пес имел авторитет не только в парке...

Мысли у Ахмета часто путаются, наслаиваются одна на другую. С тех пор, как покинула его старуха и не стало в

доме собеседника, навязалась привычка разговаривать с самим собой. А чаще с вещами, попадавшими на глаза или под руку. В тот год и увился Ахмет в лесопарке. Как-то поговорил со старухой, ставя оградку на могиле в Камышлах. Сказал, что не резон самого себя стеречь в пустой квартире. Люди оттого и старятся раньше отпущенного богом, что вдруг получают непомерный отдых, выйдя па пенсию. Самое бы время назад, в деревню, к корням своим и возиться в земле в меру сил. А все чего-то тянут, откладывают. Так и мы с тобой, мол, внучат бы вдоволь понянчить, уедем - редко будем видеть... Праздный отдых, видимо, пособляет телу дряхлеть. А к тебе и хворь пристала - вот и слегла, ушла на вечный покой, покинула своего старика. Нет, старуха, сказал он ей тогда, у меня от безделья обмякли кости, возле тебя я оставил место, но не спешу звать, надо же кому-то из нас увидеть правнука, осталось всего ничего: дождаться старшего внука Сафара из армии, глядишь, обрадует - женится. А чтобы со скуки не помереть раньше этого, разреши, я выйду к народу. Ведь человек - он не машина, долго не может в бездействии. Как это, всю жизнь нагружал сердце, и в один миг дал свободу... Человек жив при деле. И не стареет, пока приносит пользу. Я знаю, ты меня поймешь и поддержишь, как всегда и бывало. Сноха говорит, охранник в лесопарке нужен. Буду там скамейки ремонтировать, карусели запускать. И время двинется незаметно, нам навстречу...

Утомленный восхождением, дед присел под дерево - раскидистое, могучее, будто упирившее синее небо, как сторож над всем лесом. Вот здесь, с этого самого места в городском лесопарке, впервые к закату жизни, он увидел кукушку. Еле приметная, она сидела на суку противоположной березы и спокойненько выпевала свое обыденное - для человека чудное - "ку-ку": кому-то дни подсчитывала - спешу жить, а кому-то годы - набирайся ума... Как и всякого, в юности и Ахмета манили эти таинственные во всем лесу голоса. Но так и осталась неосуществленной мечта сыскать эту гадалку. Всю жизнь верил, будто может она заплутать человека, зазывая в даль, поэтому смельчаков не встречал. А вышло вон какое простое объяснение: она, плутовка хитрая, оказывается, сидит-то на одном месте, а пост, призывает - то в одну сторону, то повернется - в другую. И кажется, она то там, то здесь, то еще далече. Вот какие открытия находятся к старости. Вроде пустяк, а есть и в том суеверии надежда, дескать, годы тебе, а дни нелюдям пусть выпадут... Много тогда накуковала старику невзрачная. Если на годы перевести, получалось столько же топтать, сколько прошел... Легко становится человеку, когда вселяется надежда, пусть даже несбыточная. Такой вот сказ. Встал Ахмет, скрутил сигарку, прикурил и, дымя, двинулся к ротонде. Сегодня он шел обычным своим маршрутом, по

привычке подмечая все изменения, какие произошли за время его отсутствия, чтобы потом придти с необходимым инструментом и подправить. А завершался его круг чертовым колесом...

Любил его дед необъяснимой любовью. Подходя, начинал суетиться, как в годы ухажерства за своей Камилей. Не терпелось включить и провернуть, а запустив, обязательно тянуло одному сделать обкатку... Какое-то мальчишество, и только. Не зря, наверное, говорят, что старики, как дети. На этом колесе чертовом обозревал все прошедшее и происшедшее с ним. И молодили мысли о молодости. Вот тебе и чертово колесо. Баламутит, шельма, отживающего.

По пути к ротонде была и та самая тропа, впервые сведшая его с Арсланом. В тот раз он не обратил на Ахмета никакого внимания, весь был в работе - от дерева к дереву, от куста к кусту, обнюхивая и подмечая, ища следы и запоминая на всяк случай, бесшумно промчался мимо...

Эту тропу, дед полюбил, как полюбил и самого пса, может, поэтому она стала первой в его маршруте. Наслышанный о кругом нраве Арслана, дед Ахмет не сразу решился навязывать ему свое общество. Помесь лайки с овчаркой, Арслан был псом сообразительным: лишь приметил взгляд Ахмета, сразу понял, что перед ним человек мудрый, а по собственному немалому опыту он тал, что старики и дети самые мирные среди людей. А с коллегами приходилось знаться волей-неволей, хотя перебыло их за время работы пса чуть ли не с десятков.

Как-то раз ему пришлось отказаться от пищи. Как приходило дежурство угрястой охранницы, жди похлебки из хлеба в подсоченной воде. Все мстила. Когда она начинала работать, передразнила его, чего даже шавки терпеть не могут, сидит, колбасу смачно уминает, а Арслану кожуру от нее сует - подманит на запах и тут же отправляет в свой рот, чтобы он опять нарвался на кожуру. Долго терпел Арслан и решился на хитрость сам. Не успела женщина протянуть следующую приманку, как цапнет. Хотел урвать шмат, да пришлось той по руке... Заревела на весь лес, как насилуемая. С тех пор и кормила она его одной похлебкой. Арслан объявил голодовку...

Вмешался старик. Взял миску, долго смотрелся в нее, - эх, женщина, вздохнул, видать, не знала ты замужества, а то какой муж стерпит такую стряпуху, журил ее заочно, разве можно день-деньской кормить напарника одной жирной водой, бульоны тоже бывают разные. Взял и приготовил на двоих. Арслану даже кости выпали. Эта благодарность со временем переросла в большую привязанность, дружбу, затем, постепенно, во взаимную любовь. С тех пор и отныне всегда дед шел сюда не только на смену, но и к другу в гости... Он сразу же стал приучать пса к прогулкам в строго определенное время. Арслан теперь четко знал, когда и какая предстояла работа. Днем прогуливались вместе, а

утром рано, до прихода сменщицы, дед выпускал пса и одного, чему Арслан был благодарен безмерно: до пересменки он мог спокойно обойти весь город, заводя новые знакомства. Вечный круг танцплощадки – его постоянный объект, где он даже разбежаться не успевал, – часто выводил из терпения. Злость перерастала в ненависть к посетителям, глазеющим через сетку. С приходом старика и разнообразия в жизни Арслан добрел на глазах.

Как-то старик привел ему подружку. Подобрал возле контейнером с отходами. Дворнягу стали звать Куклой; уж больно красивые были ей подарены природой глаза, пусть она могла отзываться и на любую Другую кличку. Кукла скоро привыкла к новой жизни, привязалась к старику и псу, к жилью чистому и постоянному, быстро усвоила требования к себе. Теперь Арслан выбегал не на всякого ротозея, а лишь па непристойных и шумных, шатавшихся бесцельно. И то по команде, чтоб только шугануть. А все мелкие заботы несла отныне Кукла. Завидя любого, она выкатывалась из-под крыльца и в захлебном лае бросалась за нарушителем покоя отдыхающих. Арслан вмешивался лишь тогда, когда подружка нарывалась на слишком назойливого наглеца, преследователя справедливости. Тут Арслан работал словно балаганный актер. Выбегал на залиvistый дай подруги неслышно, как мышь, и лишь подойдя вплотную, неожиданно грозным рыком сзади шокировал дебошира и держал на расстоянии, пока не подойдет дед и не прочтет тому внушения. Старику нередко выговаривали за подобные фокусы, но сам он только улыбался про себя.

Зато в выходные дни, когда крутились переполненные карусели, Арслан отлеживался в тени танцплощадки. А вечерами во время танцев его вовсе запирали в конуру. Это были самые истязательные часы его будней. Невольно приходилось терпеть дикие визги музыкантов оркестра, наблюдая сквозь щель сумасбродные кривлянья танцующей толпы. Не понимал он, почему под такую какофонию людей обязательно бросает в дрыганья, почему нельзя бродить степенно, как в другие дни...

В танцевальные вечера Ахмсту приходилось туговато. Арслана выпускать нельзя, а за лесом глаз нужен вдвойне. Того и гляди толпами взрослых заполняются детские качалки, карусели, курят где попало, норовят стащить в кусты скамейки, есть смельчаки, что чертово колесо запустить горазды" сними их потом... Работы хватает. И запугом не проймешь. Встречаются головорезы, что не преминут бутылкой ткнуть. Приходится терпеливо беседовать, просить помощи у самих и за так пропускать на танцы... Эх, был бы Арслан поддипломатичней. А с Куклы без него какой толк.

Но и та однажды показала зуб. Как-то рано утром, когда Арслан по обыкновению обрел свободу и ушел гулять в город, надо же было проснуться одному незадачливому

мужичку под скамейкой. Как пройдешь равнодушно? Давай твякать на него, – что это он на чужой территории расположился, давай звать в помощь друга, чтоб навел порядок, да тщечно. А у мужика и без Куклы шумно в голове, возьми и кинь в пса пустым бутылем. Пока дослышался дед, Кукла успела куснуть того. И полилась грязь с похмельного языка...

Пришлось обоих свозить на перевязку и через ветеринара доказывать степень бешености у каждого. Однако, несмотря на это, пришлось Кукле ради профилактики лишиться клыков. Все же служба ответственная. С тех пор нижняя челюсть у нее как бы отвисла, и на мордочку прилипла грозная мина, несмотря на глаза. Теперь даже дети стали сторониться ее. Но служить она стала с еще большим рвением, ведь в парке одобрили поступок.

Ахмет отдохнул в ротонде любуясь доступным взору простором, и медленно двинулся по умытому дождем асфальту тропы. Вот и он уже давний сотрудник в парке. Еще солидной годы у Арслана. Много раз со времени прихода трава меняла снег на этих безымянных холмах. Вернулся из армии возмужавший старший внук Сафар. Привез для Арслана ошейник, к которому так и не приучился дедов друг. Через весну Сафар подарил деду и правнука. Все идет по писаному, радовался дед Ахмет, ставший прадедом. Жизнь в роду Сафиуллиных взяла дальний прицел, основательно пустил Ахмет свои корни на этой земле. Теперь можно и к старухе собираться. Да, как говорится, нос оторвал, а хвост прилип. Вышла незадача с местом в деткомбинате для правнука-то. Решился Ахмет по-стариковски кашлянуть просьбу в военкомате. Мол, помереть не дадут земные эти заботы, помогли бы хоть словом – никогда с личными просьбами не бывал ведь, да внучок-то весь в меня, сам потребовать на работе не может. Из уважения к ветерану там нашли единственно возможный выход – присоветовали послать Сафара на годик-другой по найму за границу, чтобы поработал там на важной для международных отношений стройке – вернется с валютой, на машину заработает. Чего не предпримешь ради потомков, согласились. Теперь снова была нужна помощь Ахмета – уже за правнуком приглядывать иногда...

После ротонды следовала тропа на сказочный детский городок, где зимой нашли Куклу. Арслан долго искал подружку. Наткнулся на нее под теремком. Чем-то была прошиблена голова... Поскулили оба, погоревали и как подобает, устроили похороны. Всю ночь Арслан стерег покой подружки возле холмика ее. И днем все лежал, положив морду на могилку, и тихо стонал. Долго скорбел пес. Вот так и бывает всегда, уговаривал пса старик: того, кто сам хочет помереть, бог через нужду цепляет за жизнь, а необходимых здесь чужой злостью прибирает. Раньше людей войны и болезни морили, теперь ни того, ни другого, так

сами себя гробят: чуть что – в пьянку ударяются, в драки лезут. Хуже того, на работе грызутся: за портфели, мундиры. Мы в мировую революций верили, коммунизм строили. А еще ранее бога почитали люди. Теперь каждый в свой карман верит, у себе подобных здоровье точит... Кому могла помешать беззубая собачонка? Нет же, несостоявшуюся злость свою сорвали на парковой дворняжке...

...В ту зиму мороза пришли строгие. Худо пришлось оставшейся в лесу птице... Ахмет подходил к домику охраны. Однажды утром к ним постучались. Арслан проснулся первым, разбудил старика. Открывают дверь. Когда растаял холодный туман... Ба! Не поверить собственным глазам: за порогом в поклон? Стояла ворона, на одной ноге, будто реверанс выписывала... Случаются на свете чудеса подивнее, но такого Ахмет никак не ожидал. Вот и новая подруга к нам пожаловала, заговорил обрадованный старик, только, чур, Арслан, ее испугай, видишь, она с миром явилась, зря эту гостью не созовешься, может, нужда какая. Входи, соседка, как можно теплее позвал старик. Но та как Стояла, так и не сдвинулась, лишь голову на бок положила и обреченно каркнула. Э, да мы ведь продрогли до мозгов, однако, не беда. Дед взял смирную ворону на руки Арслан чуть приподнял морду с лап, лениво глянул на пришлицу, переложил хвост и вновь закрыл глаза, будто НЕ в диковинку ему такое, только горло ополоснул коротким и негромким рыком, мол, делайте что хотите, и умолк. У вороны оказалось подбито крыло и нога поранена. Вот умное созданье божье, удивился Ахмет ведь как человек поступила: в беду попала – пришла искать сочувствия. Нет, что бы ни говорил ученый народ, а есть мышление у животных. Нельзя ей окоченеть за милу душу, неразумно, когда кругом кипит жизнь, вот и додумалась не ждать горькой участи, поборов дикую боязнь, пришла к теплу людскому. А смотри-ка, какие мы умнички, все более изумлялся старик, понимаем, что излишне подливать беду враждой, она и без этого больна, а будем вольны, полаемся, сколько душе будет угодно. Сейчас же нужно притерпеться друг к дружке и побороться вместе за жизнь другого.

Ай-яй-яй, у какого зверя в человечесьем облике поднялась рука на беззащитную в мороз птицу? Какая кому была нужда в калекке-птице? Долго недоумевал старик. Как мог, наложил шину на раненую ланку вороны, обмотал битом. Рану на крыле обмазал бараньим жиром я, чтобы не чертило оно обвисом по полу, привязал к телу резинкой, И пустил ворону к блюдцу Арслана.

Да, и это уже былью поросло. Старик и раньше не вдруг наведывался в избу. Опять поманило его чертово колесо, как всякий раз. Туда повернул и сегодня, благо погода и нынче позволяла принять детей, значит, нужно повернуть колесо.

Подошел и снова задумался старик. Отчего так больно одному? Ведь живешь и радуешься вроде, а нет... Сафара не дождалась его жена... Ахмет понимал, чуял сердцем, хотя и корчила из себя верность... Происходило то, чего старик боялся всегда: кренился линия его устоев – татарка изменила мужу. Однако жаловаться внуку о жене его и вмешиваться в их семейную жизнь не посмел. Тем и казнился. Не стал писать Сафару, не сказал об этом и отцу его. А прекратил к ним визиты, ожидая последствия сторонним наблюдателем" полагаясь на время.

...Открыл щитовую, подключился к линии. Скрутил очередную сигарку...

Недавно исчез Арслан. Появился три дня спустя после пропажи. Но радости от встречи не ощутили оба. Пес был уже не тот. Глаза потускнели, нос сухой и горячий, дышит тяжело и с хрипом в глаза не смотрит, норовит уединиться, сам усталый и безразличный ко всему. Как слег, больше гулять не пожелал, от еды отворачивался всякий раз, какую бы ни предлагал дед... Последний надежный друг покидал Ахмета. Новое горе сильнее прежних пригнуло старика. Где найти оправдания на эту потерю? Кто и чем отравил друга? Назло ли кто содеял, или сам по незнанию напоролся на отраву. Много чего ведь травят нынче. Значит, не покормила его угрястая. Такой, был умный Арслан, а не хватило тебе тигровой осторожности, не оправдал кличку свою. А может, ты сам искал смерти, тоже ведь к закату шла жизнь...

На прощанье Арслан еле прикрыл глаза, виновато глянул на друга-напарника, как бы прося прощенья. И тихо покинул этот мир... Впервые так больно защемило сердце старику. Похоронил Ахмет своего коллегу, меньшого брата, неподалеку от колеса обозрения, под деревом, видимым из города. Кинет лопату земли, обопрется подбородком о черенок. И думает, думает... Вот и Арслана невинную душу прибрал господь. Не с кем стало Ахмету делить душу. А было и ему о чем пожаловаться.

...За внешним благополучием в семью сына подкрадывался чирей. Стали с жиру беситься, подражая соседям. Выбросили слаженную отцовыми руками мебель – труд и пот ветерана-краснодеревщика, во что было вложено Ахмстом все мастерство поколения. С какой любовью он ее делал, знали па работе и не мешали под конец, когда он собрался на пенсию, Ахмет в этих комодах и креслах как бы подвел итог всей рабочей жизни. Все, кто видела, завидовали доброй завистью, хвалили руки мастера, пили за его здоровье и заказывали себе. Нет, и этому нашлась замена: покупают импортные гарнитуры, не ведая, что за новизной не угнаться, а старинное всегда будет в моде, ведь когда-то будут сами сожалеть. За этой суетой об отце попечься им недосуг. Живет, то ладно. Приходит – хорошо, принимают вежливо. Не зайдет, не поминают, своих забот полон рот.

Подрабатывает, мол, пенсию получает, чего еще. Хоть и не говорят так, а подумаешь. Будто силы даны человеку на веки вечные. Да, Арслан, не думал, что вперед покинешь, бросишь своего бабая. Долга жизнь, пока молод. Точно чертово колесо. Пока поднимаешься, кажется скоро, а повернул вниз – и того быстрее приехал. Отглянуться, порадоваться не успеешь. И много недогляда остается за тобой. Такая пустота наступила в сердце, хоть заплачься, а не перед кем. Ведь и не зря будто жил, воевал за сегодняшний мирный день. Уход же получается, не объяснишь какой, Незавершенный в делах. В боли за остающихся. Чего нужно человеку, какой смысл надобен после, никто об этом не ведаёт – оттуда же не воз пражца юте я, чтобы подсказать...

Старик запустил колесо, проследил за ходом роликов, прижимом резины колес к ободу большого, решил подтянуть. Проверил на стоп, дал обратный ход, остановил. И вновь включил. Опять ушел в свои думы.

Наверное, пора и честь знать, потоптал землю-мат ушку, достаточно покоптил ее небо, собирайся, старый, к своей старухе, не мешайся под ногами у энергичных, кому еще жить да жить. Да, решил Акмет, надо будет собрать стариков из знакомых, попрощаться, предупредить, чтобы наведывались, приглядывали за детьми, ежели что. Да и мулла, как бы ни сторонился его раньте, сегодня не помешал бы...

И запусти-ка, бабай, чертово это колесо обзора, включи-ка все его лампы и... Айда, прокатись и сам, как в былые времена, но нынче в последний раз, – приказал Ахмет сам себе. И покатил один на все восьмидесятиместное колесо... Что ни говори, уважительные все-таки люди поставили его здесь, на самой вершине горы. И когда поднимаешься над кронами деревьев такой простор вдруг предстает взору – весь город под тобой, чувствуешь себя бахадиром – так и обнял бы и принял все это к сердцу. КОЛЕСО само видно далеко в городе – никакой рекламы не надобно вращается, значит сегодня в парке гулянье, вали, народ, отдыхай, сколько душе потребуется. А какой обзор с колеса! Весь горизонт на ладони! Вон, даже Камышлы под рукой. Да, Арслан надо сходить к Камиле-эби, не откладывая на завтра, и наказать, чтобы ожидала. У меня, ты знаешь, есть там свое место рядом, теперь уже не расстанемся, слава Аллаху. Рахмат и тебе, земля матушка, долго меня носила, грех обижаться, пожил на славу, дай бог каждому... Так подумал Ахмет, и легко стало на сердце. Ведь счастье людское в малом; лишь бы где-то был свой уголок, чтобы кто-то ждал... А у меня это уже сеть, вот так-то.

Колесо вращалось и вращалось с единственным на нем пассажиром, который, крепко вцепившись за руль в кабинке и уронив голову на грудь, ненадолго прикорнул, как малое

дитя, И снилось ему, будто просыпается от чьего-то прикосновенья к лицу. Будто разлепляет отяжелевшие веки и в мутной пелене еле прорисовывается в глазах какая-то собачья морда, лижущая его в лицо, и уши... Вот Ахмат опрокидывается на спину, в ноге что-то хрустнуло больно, собака подставляет бок с сумкой... Не надо, Арслан, я сейчас встану сам... Ты вот захвати документы, они трофейные, важные, там поймут и выйдут искать с тобой, не медли, рана у меня пустячная, а дело срочное, иди, Арслан...

Колесо вращалось, старик спал, как никогда и никто на чертовом колесе. А там, внизу, взявшись за руки, парами, с флажками и шарами высыпала из детсада детвора - беззаботная и счастливая - в гости к доброму псу Арслану и гостеприимному бабаю Ахмату, которые обязательно прокатят их на чертовом колесе. И унесет он их в небо...

Надым, 1984 г.

АЛЛА

(Маленькая повесть)

Каждая высотная труба ТЭЦ имеет свое имя, связанное с событиями вокруг нее.

Расуль Хасанов, как и все новички, появился в бригаде немногословным, особо не приметным рядовым работником. Только Амина-апа, единственная женщина-арматурщица во всем объединении Теплоэлектросетьстрой, заметила в нем потаенную совестливость, всплывающую румянцем на щеке каждый раз, стоило услышать хвастливые или фальшивые речи других, когда тот не шел таких осадить.

Да и примериться и, как обычно, пощекотать нерву новичку в те дни не представилось возможности - дело близилось к снегу и надо было успеть обвязать нулевую обрешетку фундамента будущей высотной трубы ТЭЦ. Наступала всеземная серость: накатили тяжелые тучи с тягучими, колючими серыми дождями, поползли будни унылые, мокрые. Прекратились веселые еще недавно реплики арматурщиков - накинув капюшон робы на голову, каждый спешил склониться, кто с крючком, кто с электродержателем к обрешетке, лишь изредка уходя-приходя на место с новым пучком электродов или обвязочной проволоки. Когда-то голубевший от сплошной арматуры, как ученическая тетрадь в клетку, котлован заржавел, местами теряясь в луже. Казалось, не будет конца этой серягине и сырости. Приумыл котлован. Радости от нового объекта оказалось на миг.

Но в природе все соразмерно, а человек генетически не предрасположен и не приемлет однообразие - в сплошной череде серых будней должно было случиться и проблескам

цветных дней. Так бывает: приходишь в библиотеку без определенной цели, берешь книги, листаешь и вдруг замираешь, неожиданно наткнувшись на пронзившую тебя строку. Так или почти так же вышло и на этот раз, потому и запомнили мы все эту историю, как запомнили день, в который она начиналась.

В этот день, когда Расуль впервые увидел ее, сплошная серая пелена вдруг оборвалась и клочьями побежала за горизонт. Вышло солнце. И в одно из таких веселых мгновений взору работаг предстало видение броское, контрастное и потому обворожительное, но прекрасное – на фоне серого песка и одноликих в серых спецовках мужчин в ржавом котловане, будто лучик солнечный, стояла первая красавица управления – диспетчер Алла с птичьепроизводственной фамилией Лебедкина. Она была в ярко-желтом костюме, а под мышкой держала красную урночку для голосования.

– Эй, джигиты! – звонко и весело окликнула она работаг. – Айда сюда, отдохните, всех денег не заработаете!

Первым выпрямился бригадир Камал-абай, невольно расплылся в улыбке:

– Эй, эта... – начал с обычной своей вставки к речи, – капля на облака упала, кто желает выпить?!

Мужикам же только дай повод позубоскалить – тут же полетело со всех сторон:

– Отдохнуть с тобой, Аллочка? Кто бы отказался, а я не устою!

– Нас ведь много, управишься?

Но Алле такое не впервой, не зря диспетчер:

– А мы еще будем посмотреть, сойдете ли хоть за одного!..

А ну, за мной на выборы! – и скрылась в бытовке бригады.

Изумленные мужчины, все еще не унимаясь, бросали вслед:

– Вот я тебе скажу, ченщинам так ченщинам, ай-вай!

– Да, брат, не то, что твоя или, скажем, моя.

– Огонь-баба, ядрено мать!

– Ну, эта... – остудил возбужденные головы Камал-ага, – на чужой караван, эта, ртом не зевай. Пошли профком избирать.

Расуль откинул маску сварщика па затылок, увидел сияющее небесное создание и обмер. Казалось, так и останется, не оторвется от каркаса, где сидел и дарил, если бы я не хлопнул его по каске.

Из обрывочных разговоров в бригаде он знал, что сам начальник управления соблазнил ее, деревенскую, только что приехавшую после профтехучилища отрабатывать штукатуром. Смазливая, боязливая девчонка сначала как бы заигрывала со старым ухажером, дальше – больше: компании, гулянки, комплименты, подарки. И дело дошло до беременности. И куда ей деться с будущим ребенком, стала сожительствовать с ним, любви, конечно же, не родилось, зато постепенно заимела собственную квартиру, садик для

сына, а после осела в, кресле диспетчера, рядом пристроила сестру в отдел кадров. Вот такая обычная история ее семейной жизни. Теперь с этим все свыклись, и никто не задумывался, то ли счастье ее в этом, то ли муки.

Расуль, наивная душа, не мог понять, как это такая красавица может терпеть рядом самодура, как о нем отзывались, до которого не доходила мысль; что когда-то будет же конец всем его злоупотреблениям. Ведь он пользуется нашей обездоленностью и на этом наживает собственное благополучие. Имеется немало в жизни случаев, когда молодка наталкивается на интеллигентного и благородного, пусть и пожилого человека, общаясь с которым и живя совместно обогащается и она, Что же здесь в лице, обнищавшем внутренне и обрюзгшем наружно от постоянных попок с угодничающими заместителями. Как этот старый хрыч, годный ей в отцы, лобызает ее, горемычную?..

Потом как-то они оказались рядом в тесной кабине ЗИЛа. Расулю вдруг стало душно, тесно. Он закаменел, боясь лишний раз неловко пошевелиться. Алла шутила с разбитным водителем, рассказавшим о своем отдыхе в санатории "Ливадия", где, придя в ванную с лечебной грязью, он увидел женские колготки, и подумал, что в них, наверное, и надо ложиться в грязь, а потом прибежала женщина и давай с него стягивать... Рассказывал он откровенно похамски, с матерщиной поэтому Расуль не мог поддержать и даже старался не реагировать. Алла же откровенно хохотала, одновременно поглядывая па новичка рядом, иногда стараясь хоть боковым зрением разглядеть: ведь всякий новый человек а любом коллективе бросается в глаза, и каждый да пытается разузнать, что это за фрукт, хоть делают вид, что не замечают.

Обычно бригада после работы уезжали а автобусах, а этот раз имеее одного прислали вахтовку. Расуль - скромничавший новичок - не вместился, драться за место не стал, увидя это Алла пригласила его в кабину. Вот так они оказались рядом. От ТЭЦ-4 до центра города порядочно, ехали долго, из-за гололеда случился затор, было время поболтать, но не получилось, а насилу Расуль не мог- Вот так начинался этот производственный роман! С любовным треугольником, своей драмой и личной для кого-то трагедией...

Затем Лебедкина приехала в бригаду с вновь избранным председателем: профкома, тоже конторской красавицей, ее подругой. И неожиданно для всех они отпросили у бригадира одного из сварщиков, понимающего толк в замках... Таким специалистом единственным у нас оказался Расуль, Потом он скажет что Алла вычислила его сама, заранее ознакомившись с трудовой книжкой, где у него есть запись о работе столяром-плотником на Севере. Замок можно было поменять и

в другое время, дождаться плотников, но нужен был Расуль. Нашлась причина, что из всех ключей остался один, вдруг потеряется. Это и был повод для сближения, женская изобретательность известна. Расуль вдумался и заключил, что не зря это, все идет к тому, чего не миновать, предложение не двусмысленное, это добрый знак надежды – тебе предлагают руку дружбы. Терять нечего, во всяком случае, можно и проверить свое предположение.

Предпоследним маршрутом, куда стекались мы со всех концов города, откуда затем отправлялись на служебных автобусах, была остановка у телестудии. Отныне Расуль добирался сюда раньше всех, некоторое время наблюдал за посадкой людей в автобус, выяснил, куда садилась Алла и что для нее никто места не занимал, соседями оказывались случайные люди из всего управления. Он не вдруг отважился сесть рядом с ней, проходил, делая вид будто уступает передние ряды женщинам. В один из дней, заходя в автобус, чуть ли не последний, Расуль заметил, с каким упорством Алла не пропускала кого-то из мужчин на свободное рядом кресло. Чем наглее напирал тот незадачливый, тем упорнее сопротивлялась она. Вероятно, они хорошо знали, друг друга, так как эта вся возня и словесная перепалка походила на шалость двух взрослых, которая вот-вот прекратится к обоюдному удовольствию. Но подвернулся Расуль, попросился на свободное место – заветное кресло оказалось для него. Над невезучим тем хохотал ведь автобус, не силой надо было добиваться – вежливое слово.

Производство – не танцплощадка, не пригласишь человека в напарники, не разговориться, не прижмешься нечаянно, чтобы потом извиниться или сблизиться. Здесь нет каких-то заведенных миром канонов и правил, каждый едет со своими заботами, думами о том как отработать день, как после достать чего-то на ужин и прочее, и прочее... И с бухты-барухты не заговоришь о своих чувствах. Более осложняются взаимоотношения, когда соседом оказывается женщина. Еще более, если она божественно прекрасна. Да тем более, когда все знают, что она была женой самого начальника. Теперь, наверное, понятно, почему я так долго разворачивал предварительные события – сам Расуль был в таком положении, что никак не осмеливался начать разговор только с ней. Однако, что было, то было – начало романа в рядовом автобусе, пусть он даже самый лучший среди бегающих по стране – "Икарус". И вот двое начинают примерку друг к другу. В первые дни – общие для всех разговоры в общем автобусном гомоне о жизни нашей пестрой. Постепенно круг собеседников сужается, находятся для связки анекдоты, мировые новости, наконец. Но вот и они пройденный этап. Так проходит притирка внешняя, отныне появляется раскованность, и круг

интересов становится ближе к теме жизни, любви, семьи, быта, прошлого и настоящего.

Что бы там ни было, коротко о главном будет так - отныне Алла и Расуль стали приберегать место друг для друга, хотя об этом и не договаривались место их свиданий и объяснений. Так начинался их производственный роман.

- Ты же знаешь, кто мой муж?

- Сегодня у тебя нет его, это я знаю.

- Ну, еще в любовниках ходит, и очень ревнив.

- Он приходит к сыну...

- И ко мне попутно.

- Теперь перестанет. Позволишь проводить?

- А молвы злоязыкой не боишься?

- Что нам молва? Мы начнем всерьез!

Вот же как просто подойти к главному, а я чего-то раскачиваюсь. Могу сказать в оправдание, что Расуль не вдруг вес рассказал мне, парень он был скрытный, что ни говори, не каждому открывался.

Так они вдвоем пошли в садик, забрали Сережу и домой решили идти пешком. А пешком это не в тесном автобусе, и давке и икоте. На улице по дороге домой есть детские площадки, где ребятишки и карусели. Тут всегда можно понять, какой же

у тебя твой новый знакомый. А Сереже он понравился сразу - все время улыбается и не пьяный.

Мужики быстро нашли общий язык, не то что с девчонками мальчишки. Вдвоем катались, кувыркались, в снежки бросались, а потом на качелях качали, с горки спускали. Как никогда было интересно, вот это жизнь!

А в один из вечеров Сережа пригласил дядю Расуля, как сам рек, в гости. И какой восторг был, когда получил обещание прийти! Ведь дома у Сережи велосипед, а у него колесико хромает, сколько ни просил Акулова сделать, он то долго не приходит, то заявляется пьяный.

- Кто же этот Акула нехороший? - спросил на это дядя Расуль у Сережи.

- Да не Акула, я Акулов, не знаешь, что ли? - смеясь объяснил Сережа.

- Это наш драгоценный папа, да, Сереж? - поправила Алла.

- Да его же вес знают, большой такой и лысый, - обрисовал Сережа папу.

По ироничной интонации Аллы Расуль понял, что мать не поощряет встречи сына с отцом.

В первый визит гостя провожали вдвоем. Долго не хотели расстаться - шел ноябрьский ласковый снежок, падал и таял на ладони. Сережа надумал лепить снежную бабу и чтобы все вместе.

Но свежий снег не прилипал, и, чтобы отвлечь, дядя спросил бесхитростного Сережу, любит ли он маму.

- Конечно, люблю, - утверждал он, разве можно было в этом сомневаться.

- А как ты ее любишь? - продолжил Расик.
- Сильно-пресильно!
- Покажи, как это пресильно бывает.
- Ты подними меня и я покажу, - сказал он непонятливому.
Серезу подняли, он прильнул к щеке матери, чмокнул, крепко обнял и сказал:

- Теперь видел?

Все весело гоготали. А дядя опять пытается:

- А мне можно поцеловать твою маму?

Вот удивился Сереза:

- Ты что, тоже любишь ее?

- Почему бы а нет, - ответил Расуль.

- Ну тогда, конечно, можно.

- Давай вместе.

- Давай! - обрадовался Сереза.

И мужчины с двух сторон приникли к любимой женщине, счастью этому не было границ, Алла покраснела; в первый раз все же. Спрятала свои горячие щеки в плечо Расулю, обоих укорила;

- Хитрые какие, почему у меня не попросили разрешения?

- Мама, - чуть не растерялся Сереза, - но ведь мы маленечко!

Незаметно подошли к остановке, откуда Расулю ехать еще полгорода, на прощание он притянул Аллу к себе - неловкость прошла - и сказал:

- Вы мне оба очень и очень понравились.

Наверно, не стоило затевать это, - не то серьезно, не то играючи и оставляя признак надежды в сердце Расулю начала в ответ Алла. - Может, прекратим и не будем травить друг друга, а то Сереза привыкнет, расставаться будет больно. Чувствую, зря встречаемся, все равно не будешь с нами, не для тебя мы...

Расуль любил одну старую песню. Как это все случилось, какие вечера, три года ты мне снилась, а встретишься вчера... Какие жизненные слова у песни, может, поэтому она жизнеспособна. Думал ли, гадал ли недавно Расуль, отправляясь а родные края с северов своих, попав под сокращение, что не пройдет каких-то полгода у него вскоре будут планы и виды на близкое семейное счастье. Притом с такой женщиной, которая могла вызвать зависть даже у иных прохожих, и мужчин, и женщин, замечающих их вдвоем во встречном потоке. Алла светилась не броской, не холодной красотой, что веет от притворных девиц-позерок с открыток и журнальных обложек. У нее была красота значимая, бьющая изнутри, притягательная красота во взгляде, манере вести разговоры, я ручейковым голосе, простоте и простодушии - во всем, что бы ни взял для сравнения Расуль, она превосходила других его приятельниц, с кем приходилось флиртовать в компаниях гостеприимных северян. Вроде еще недавно он не мог

позволить себе заговорить с Аллой, только что ехал в тесной кабине ЗИЛа, боясь пошевелиться, потревожить ее нечаянным прикосновением. А теперь уже все это позади, и кажется ему, что знает ее давно, что так было всегда. Вот же какая женщина попала не везение ли? Может, потому так кажется, что эти мгновения, эту жизнь он выпестовал в мечтах еще там, на Севере, где каждый грезит о жизни спокойной, размеренной уютной на материке расписанной наперед, уверенной и прочной.

Расуль привязался к Сереже, оказавшемуся малым смышленным, не избалованным, общительным и добродушным, в мать. Таких детей нельзя не любить. В ответ и Сережа соскучившийся по ласковой мужской руке, отзывался о Расуле не иначе, как о друге. Без него начинал тосковать и скучать. Расуль ловил себя на мысли о растущей влюбленности своей в эту семью, привыкал к этому очагу благополучия и представить не мог места другого, где бы он нашел такое отдохновение сердцу своему, истосковавшемуся по теплу человеческому. Сережа оживлялся, стоило

появиться в их доме Расику-карасику, в котором уже души не чаял, становился более смешлив, весел и подвижен, охотно вовлекался во все развлечения какие находил и предлагал старший друг.

Алла влюблялась медленно, не слепо, как и всякая женщина, вкусившая пирог одиночек, но неумолимо сильней.

- Ну почему ты встревожил уже дремавшее мое сердце, - не раз высказывалась она с кокетливым притворством. - Я бы хотела быть только вместе и чтобы у тебя была только я. Расуль же не сумел так разоткровенничаться, поделиться с ней о своем чувстве, мечтой о совместной жизни хотя любил, может быть, не меньше. И, чтобы не быть пойманным на неискренности, уводил разговор на другие темы рассуждал о том, что надо жить сегодняшним днем, а гадать о будущем в наше неустойчивое время так обманчиво и зыбко, что лучше будет, если положиться на судьбу-злодейку. Он охотно рассказывал Алле всякую смешную всячину о веселой жизни северян, анекдоты об аборигенах, о том, как там люди быстро сходятся, как дружно живут и как умело проводят время как там держатся друг друга, Алла слушала с неподдельным интересом, увлеченно, с романтической мечтой хоть раз краем глаза поглядеть на эту далекую жизнь красивых людей.

В один из дней Алла по обыкновению пригласила Расуля в гости, и когда раньше обычного стала укладывать Сережу в постель, Расуль понял и растерялся от осознания, к чему она клонит.

Неужели это таинство произойдет так буднично, как до всякой устоявшейся обычной семье. Не так он хотел начинать, ведь Расуль был из романтиков, на Север ехал за туманом. И здесь растерялся. Но надо же такому случиться, будто в поддержку раздвоившегося гостя пришла иная

тревога – в дверь позвонили. Расуль и Алла одновременно взглянули на свернувшегося в своей кровати Сережу. Если он проснется, то потребует открыть папе. А в том, что звонивший был ни кем иным, в квартире не сомневались. Не позволишь открыть, Сережа может взреветь. А так звонивший подумает, что их нет дома, ночуют в гостях у родственников, Уставши ждать, Акулов стал пинать в дверь, кричать, требуя пустить. "Опять пьяный приперся, – заключила Алла, не зная, что предпринять. Расулю открыть также не позволила. Ей эта встреча сегодня, у нее, была нежелательна. А вслух сказала злобно:

– Неужели не поймет, раз не открываю, значит не хочу видеть?

– Сколько лет вы жили? – спросил вместо поддержки Расуль. желая поставить точку па этом двусмысленном положения.

– До прошлого года, – не к месту игриво ответила Алла.

– Отчего же он ушел? – Расуль не принял ток. – Чем разонравилась ему молодая, красивая и горячая?

Алла недолго думала, лишь удивилась, почему вдруг так резко стали почти требовательны вопросы друга:

– Я ему собрала вещи. С тех пор живет в первой семье, но изредка заявляется, причину знаешь, вот и надоедает всякий раз. Я женщина одинокая, а выгнать, сдать в милицию не додумаюсь такой ответ тебя устроит?

– Значит, изредка жалеешь, греешь...

Под Новый год Алла увезла своих мужчин в гости к подружке. А ста оказалась та самая красавица конторская, которую осенью выбирали в профком. Хозяйка поняла все, увидев троицу. Алла уже не могла прятать своего очарованного состояния,

каждое се движение, всякий порыв выражали влюбленность.

Да и поведение выдавало – куда бы ни был увлекаем Расуль хозяином (мало ли у мужиков может быть дед для знакомства), всюду порывалась идти за ним, ни она никак не могла оторваться от своего избранника. Пришлось хозяйке пожурить ее за ту детскость, так можно сплзить счастье, зачем демонстрировать.

У Аллы оказался приятного тембра низкий, грудной голос, исходящий от нутра. Как всякий предрасположенный к певчеству человек, она накопила в себе большой запас редких для застолий песен и частушек, которые исполняла задорно и по-своему артистично – видать, ремесленные годы провела не даром. Расуль петъ не любил, да и не умел, а слушать мог неустанно, особенно в певчих компаниях. А песня проникает в сердце быстрее и пробирает голосом того человека, кто это делает в данную минуту. Вот где он был особенно заморожен своей Аллой – в самом деле божественным созданием. В непривычной обстановке человек открывается лучше и больше, только так распознают друг друга влюбленные сердца. И в этом отношении поездка и

общение были очень кстати для кавалера. После нескольких фужеров

шампанского, когда души воспарили, в круг включилась музыка и начались танец со сменой партнеров. И под музыку Сильванни всякий раз, когда сходились наши герои, Алла пыталась своего Хасанова:

- Знаешь, что я думаю?..

- Знаю, - шутил он как всегда, отвечая на такие вопросы.

- Если ты сейчас со мной, значит, - насмеявшись на его реплику, раздумчиво продолжала она, - значит ты хоть немного меня любишь? Любишь, ну хоть капельку?

Расуль многозначительно кивал, поддакивал, желая угодить сегодняшним: причудам Аллы, немного потерявшей голоду в этот милый рождественский вечер. И сознание того что такая сумасшедшая она стала из-за него, возвышало Расуля самого, отчего он был на седьмом небе. Только внешне выглядел сдержанно. Все же его точила мысль о продолжающейся раздвоенности Аллы меж двух мужчин, хоть и не равных меж собой. Сколько она будет играть с обоими. "Почему, если не притворяется, что влюблена, - размышлял Расуль, - до сих пор не порвет отношения со старым Акуловым. Что ее держит, вернее, чем же он ее держит?" Поборов все сомнения, Расуль задал точивший его душу вопрос напрямик, надеясь, что сегодня она не оскорбится. По тому, как Алла сразу осуровела, понял, что сморозил глупость, извинился, что наверное, испортил ей этот вечер. Но милая выдохнула, подумала и сказала так откровенно; какой ответ за нее мог придумать и сам Расуль:

- Ты мог появиться у меня и годом позже, и никогда не путь, милый. Дело житейское: наверно, и скоро займею двухкомнатную квартиру. Ведь я была обычная лимитчица, а все пробила благодаря ему. Сережа вот подрастет. О замужестве надо думать. Акулов и сам говорит, что лучше попридержит мое расширение, иначе потеряет меня совсем. Как ни горько было узнать, что даже из-за тебя любимая не может бросить свою былую связь, а пришлось проглотить обиду. Настоящая женщина вольна распоряжаться собой, как заблагорассудится. И как ни боялся Расуль последствий откровения, а отошел, Может быть, отходчивость была временна, по случаю вечера и принятой дозы, может, и от предвидения такого разговора. К тому же вскоре, когда уложили уставших детей, когда все тосты были исчерпаны, а желания не иссякли, решились вдруг гурьбой завалиться еще в одну семью по соседству - их общим знакомым. Словом, слухи докатились до самого Акулова. Попервости он сдерживал себя, старался вести так, словно ничего не изменилось. Но если червь сомнения проникнет в человека, будет точить, пока не прорвется в какую-нибудь проказу. И здесь, наверное, будет небезынтересно понаблюдать за третьим лицом в нашем производственном треугольнике, ибо

дальнейшие события стали разворачиваться с инерцией ускорения. Такой формулы вы не найдете в учебниках по физике, но в жизни имеется своя философия, неподвластная догмам, это философия непредсказуемости действий каждого из нас.

Равней весной, когда сошли снега и проклюнулась первая трава, Алла увезла Расуля познакомить со своими родителями, жившими неподалеку от столицы. На дорогу уходило с пересадкой три часа. Деревня лежала на равнинном просторе, коих немало на земле. Примечательное в ней было то, что, несмотря на близость цивилизации, она хирела: колодцы у накренившихся домов, черная, мелеющая из года в год речушка, церквушка еще бодрящаяся, обращенная в клуб, оглохший постепенно, да черные (или мертвые) глазницы окон через двор, и тишина на десяток верст, нарушаемая редким гулом пролетающего мимо мира. У родителей, постепенно гнувшихся к земле стариков, все дети, все шестеро кровинушек, как Алла выпорхнули из родного гнездышка по городам и весям, и раскидало их в разные края так, что навещаются исключительно редко, по особым случаям – кто перед замужеством, кто после службы. Увидя двоих, сошедших с автобуса, старики выкатились со двора, падая, спотыкаясь, плача бесслезными от счастья глазами, побежали навстречу дочери, ведущей к ним па совет семейный и смотрины суженого своего. От нахлынувшего вдруг счастья, от уважения такого старики не знали с чего начать знакомство – мать всплескивала руками, потом побежала созывать гостей, ведь радость в деревне общая, а отец затопил баньку. Пока Раня топилась, а женщины готовили на стол, старик рассказал будущему зятю по его же просьбе историю происхождения имени у дочери. Получалось что-то вроде притчи немало известной: повитуха крикнула из-за дощатой перегородки, мол, радуйся, Лебеда, дочь у тебя, голосиста, слышишь? О, да уж слышу, наша порода, – в ответ буркнул тогда еще сильный Лебедкин, ожидавший сына-наследника из последышей. Но что поделаешь с природой, у нес свое расписание. Только вот имячко-то подобрано было для мужчины, хотели Александра. Можно было и дочку Шурой наречь... Вышел, сел передохнуть на крыльцо, закурил, смотрит: на противоположной стороне улицы на скамейке отдыхает старик белобородый я тубетейке, из путников, не этих мест явно. Лебедкин окликнул того, не кочет ли курить, то давай чай ко мне – радость у меня. А тот в ответ кивает и кивает, руки к бороде и все: "Рахмат, алла акбар, алла илоло".

Отныне Акулов назойливо стал навязывать Алле разговоры о замужестве. Что лично сам подберет дорогого-пригожего,

что есть у него на примете такой – крепкий орешек, обнимет, не сорвешь. И называл фамилию, В том числе и Хасанова. Убедившись в своих догадках, с кем это Аллу видели и что-то у нее всерьез, стала кипеть в нем злоба. Однажды заявил, чтобы Алла подобрала работу па стороне, пока он добр, что будет лучше, если не видеть друг друга, иначе рассердится, вернет в штукатуры, а потом изживет Хасанова, уволит по статье. – Не найдешь причины! – накричала на это Алла, Дошло, наконец, как оказывается больно, когда наступают на хвост старому псу. Все вскипело в Акулове, до сих пор не находилось во всем управлении человека, становящегося поперек него, И кто же этот выскочка? Какой-то арматурщик без роду-племени, без году неделя устроенный. Как же он проглядел такое? Почему не предупредил события? Вот и пожинаяешь – из-за него, беспородного, оказывается, Алла не пускала его к Сереже, из-за него, молодого и сильного наглеца, он теряет Аллу и уверенность свою.

Однажды утром па обычное приветствие Хасанова в бригаде ему ответила только Амина-апа. Не подозревая, как аукнулась его любовь, Расуль обратился к бригадиру с немым вопросом. Камал-абый обреченно махнул рукой, и будто только этого ожидавшие коллеги поперли на недавнего новичка:

– Из-за одного блудливого вся стая страдает, – начал один, – ведь только закончили самый трудный цикл, поднялись чад котлованом, теперь бы считать барыши с накрутками. Да только не нам это светит, понял, – подарим объект баилтикам кужным, не сомневайся.

– Не он один тут причина, – заступился за Хасанова бригадир, но не тут-то было.

– Ты, бугор, должен честь бригады блин защищать. Мое мнение: пусть он топает к своему брату и катит па свои крутые параллели, откуда прибыл, а то я приварю ему арматуру вместо одиннадцатого пальца.

– С кем решил тягаться, кувалда-башка? – зло выпалил другой, обращаясь к обоим.

– Ну, эта, хватит вам! – не сдержался всегда ровный бригадир. – Причем тут, эта, черт возьми. Здесь, может, денга идет в лапы начальнику, так я думами ведь поискать, вот и вышли дельцы...

Хасанов не расслышал последних доводов бригадира, пнул дверь бытовки и решительно двинул в сторону конторы управления.

Но начальника на месте не застал. А хотел он посмотреть ему в глаза. В сердцах ворвался в кабинет к главному инженеру с просьбой объяснить что к чему, что за утка просочилась, будто их бригаду переводят на другой участок, туг пожал плечами, сказал, что таких распоряжений на этот счет не поступало, а на нет суда

нет, наверное, зря в бригаде всполошились. От себя посоветовал не искать начальника, от греха подальше, иначе, затравленный, он тоже напорет глупость, человек непредсказуемый...

В тот же день Алла позвонила и позвала Расуля к телефону.

- Что тебе? - буркнул Расуль.

- Ты откуда знаешь, что это я? - спросила игриво Алла, думая расшевелить в нем прежнего Расуля.

- А ты почему считаешь, что ты у меня одна ты? - вместо ответа опять наступал он сердито.

- Ну ладно, мы тебя ждем в гости, очень соскучились.

- Поздно уже. У меня тоже могут быть свои дела.

- Все равно хочу видеть. Сейчас или никогда...

Трамваи и троллейбусы подходили как по заказу, будто заранее ожидали одинокого пассажира, только выскочит, тут уже другой маршрут на подходе. Доехал так скоро, что даже засомневался, в один вечер все хорошо быть не может.

Будто в подтверждение этому суеверию так и случилось: протянул Расуль руку к кнопке звонка, услышал характерное шуршание об дверь изнутри, тут же услышал пьяный голос Акулова. И растерялся Расуль.

После визита в контору, ближе к обеду сам начальник объявился на их объекте. В кои веки посещал он низовые коллективы?

Расуль отвернулся от визитера, явно ждавшего встречи с соперником, проигнорировал.

У двери Аллы Расуль опять сдал. Что делать? Он уже органически презирал Акулова, и эта встреча у любимой ему была нежелательна. Ведь Акулов приперся к Алле, думая застать обоих. Нет, Расуль не даст ему возможности поиздеваться над молодыми. Действительно, надо от греха подальше, иначе Расуль тоже не отвечает за последствия. Усмехнувшись такому обороту события, Расуль повернул назад. Вышел, остановился напротив подъезда под деревом, ведь Алла знает, что он выехал...

Почти вслед за ним, накинув шаль на плечи, к подъезду выскочила Алла. Она также испугалась надвигающейся, возможно роковой для всех, встречи у нее. Расуль вышел па свет, Алла бросилась к нему со слезами:

- Увези меня к себе, милый, - затряслись плечи.

- Кик же Сережа? - не зная что делать, спросил Расуль.

- К нам заявился этот хрыч. Не хочу видеть, не могу, - рыдала она.

Никто не знал, что можно предпринять сегодня. "Заварил кашу!" - ругал себя Расуль. Не подозревал он, как сильно пронзает человека собственная неспособность - ничего-то он не может, бессилён, как старик немощный. Сам себе мерзок. Но ничего не сказал любимой. Может, она отворяла, думая о Расуле, а вошел Акулов. "Да все равно пора на этом ставить точку, пусть Алла сама разберется с Акуловым, ее воля на все, - размышлял Расуль, - тогда

можно будет думать о дальнейшем. Пора и о своей чести помнить". Молча отстранил Аллу, неуверенно попрощался и сказал:

- Я думал, между нами уже все ясно...

Алла осталась очумленная.

Как каменная притащилась домой. Не обращая внимания на Акулова, упала на кровать. Тот остался в кухне, недовольно бурчал, что-то доказывал, пытался позвать Аллу составить ему компанию. В одно время Алла услышала грохот, выбежала, видит:

Возле опрокинутой табуретки, на полу, свесив шею на бок, сидит и хрипит Акулов с бельевой веревкой на шее.

Рассвирепев, Алла содрала веревку с шеи неумелого самоубийцы и зло выпалила ему в лицо:

-Туда тебе и дорога! Но не у меня, понял, скотина?! - пошла обратно, нырнула в подушку.

Акулов посопел, поворчал вслед Алле, что даже умерить не дадут человеку. Погодя, успокоившись, опрокинул остаток в бутылке прямо из горла в свое, извинился и, бросив на ходу "Прощайте...", потащился на улицу.

Что еще можно добавить к нашему роману?

Вскоре Расуль вновь укатил на Север. Почему вдруг так решил, никому объяснять не стал. Мне сказал, приедешь - поймешь.

Через месяц он прислал два вызова в свою фирму па строительство железной дороги Сургут - Новый Уренгой. Лебедкиной я лично из рук в руки вручил один из вызовов - так хотел Расуль, свидетель для него был делом чести, чтобы не отнекивалась потом. Была и небольшая записка для Аллы. Он уверял ее, что по прибытии в Новый Уренгой ему обещали отдельную жилплощадь, а на трассе семейным выделяют вагон-домики. И что к школьному возрасту Сережи дорога вся будет позади.

Я тогда не решился на такой поворот в своей жизни.

Алла же надеялась выманить Расуля к себе...

Да, рост трубе дала другая бригада. Нашу перебросили на новый ответственный для партии объект - на строительство обкомовского комплекса санаторного типа. А через три месяца Акулова и нашу Амину-ханум торжественно провожали на обоими

заслуженный отдых. Ей от имени профкома вручили большущий памятный альбом с нашими фотографиями на стройке и пожеланиями, конверт с тридцатирублевой премией да плед - кутать ноги перед телевизором. Акулову же подношений было не счесть: от райкома, исполкома, коллектива, конторы, от отделов и лично от приближенных. Я запомнил цветной телевизор...

Наверное полагал, что Амина-апа получит свое и ретируется, а она весь вечер молча просидела в углу, украдкой вытирая слезы радости за начальника, которого попросили остаться и завершить государственный объект...

Нынче мне довелось заглянуть в обретшую независимость и суверенитет республику мою. По дороге на автосервис как раз стоит наша труба. Высоченная вымахала красавица – двести сорок метров монолита. Задрал голову, смотрю где-то на половине высоты кружит одинокий коршун. Если бы не труба, казалось быт, что парит высоко в поднебесье... Возвращались, когда уже сумеречило. За одним из поворотов вдруг увидел яркую свечу. "Что за чертовщина, – подумал и показал другу за рулем, – глянь, что за НЛО на небе?" "Да это же труба, – говорит он. – Солнце за горизонтом, но труба его видит, видит и светится, как маяк, вон же красные огни вокруг, высотные ориентиры для самолетов..." Подъезжая ближе, я опять чуть не ударился головой о стекло лобовое – мой объект как никак – там на верхотуре вдруг четко засветилась фосфором надпись "Алла"...

1980-91 гг.

ПОРТРЕТ И ПТАШКА (рассказ)

Я выдаю себя как есть, за работягу. Что прилетел на днях в отпуск длинный, с трассы на родину. Чувствую, попал, куда ожидал, смелею. Бросаю несколько банальных фраз, рисуясь устало-нехотя. Кончаем кривлянье в тесной толпе, еле протискиваемся к чечену, извлекаю свеженький. с хрустом, четвертак, Небрежно помахиваю. Естественно, такой жест замечается. Рука и жест многообещающи. Заказываю коктейли, сдачу не беру, мол, еще, возможно, подойдем. Заискивающе кивает, молча бросает купюру в ящик, до кучи, ловкими, автоматическими движениями мускулистых ручищ подает нам свое произведение, улыбается пресно. Невольно успеваю подумать: такими бы руками да жонглировать стаканами. Свое открытие довожу до спутницы. Восторженными глазками она постреливает в мишень из моего портрета, от любой глупости хохочет. Сегодня ей смешно. А я стараюсь угодить ей в этом. Держу марку. Посасываем коктейли. Сам травлю и травлю. Про суровость некрытой всем ветрам тундры, про пауков и мошкарку, про топи глухих болот, про сорок плюс сорок, когда сорок вниз от нуля и сорок метров в секунду, и про сухой закон на градусные сорок. И байки еще более оживляют юную подругу. Вдобавок одариваю несколькими свежими анекдотами про аборигенов, о том, как "самолетка прилетела, железной птиса-вертолетка был, гиология спустился... экспетисий называется...", Конечно же, она таких не слышала, безудержно хохочет.

На нас обращают внимание, с некоторыми она приветствуется всплеском ручонки, тоже малюсенькими девочками, как и она.

Вот включается другой ритм, тот, который мне противен, под который с грустью в соломинку не потянешь, но он по нраву юным – им не усидеть. Мою девочку увлекают также, она тянет за собой меня. И начинаю свое медвежье топтанье. Главное, попадать в такт – качаньем кочанной башки, шарканьем лап – и уже молоток. Слов мало, они запоминаются, хоть и не знаем языка ноющей из-за моря. И молодость лихо колотит об пол. Сапожками, туфельками, кроссовками, в основном чужими, ненашенскими. Импорт на импорте. А мы лишь кренделя умеем выписывать. Вот одна наимпортованная пошла навстречь мне, я откликаюсь. Мы в круге. Я выпендриваюсь еще круче. Толпа рокошет, хлопает, ведь у меня неплохо получается. Да, когда-то мы тоже были юны, у нас тоже были ритмы. И не стоит труда переключиться на нынешние. Наш круг пошел по кругу, меняем местами, моя напарница снова со мной, кладет свои ладоши в мои, и я выписываю ими полукруги; влево-вправо-влево, вправо-влево-вправо. И все в такт, в жилу. Отталкиваемся друг от друга, притягиваемся, прижимаемся. Кружим на месте, вокруг себя. Толпа прихлопывает, притопывает иные в экстазе визжат, свистят. Лево-правой. Идут на нас, отступают. Расходимся и мы. Я принят ими, ее вкус одобрен – нечасто встречаются такие верткие свойские старички, модные и современные, хотя мне всего-то за тридцать. Это нынче становится модным – быть старшим только по возрасту. Эти нынче не ждут совета, не хотят признать опыта жизни – до всего доходят своим умом. А ты вникай в их сердца, в их страстность. Живи себе и все. И я живу.

Словно вникая в мои мысли, внезапно обрывается надоевшая песня. Диск-жокей наконец-то объявляет медленный танец. Моя девочка уводит меня подальше от танцующего круга, ее руки обвивают мою шею. Сложные отношения упрощены до примитивизма. А может, я чего-то пропустил там, в тундре. Вот она, которая с сегодня так близка, о чем ты недавно лишь мечтал, дышит тебе в шею, Теплая и приятная дрема в голове и поступках. Блажен, кто испытал эти мгновения принимай, радуйся удаче, благодари жизнь, что ты просто есть в ней.

И я шепчу и шепчу, все нежней и нежней, а слова сами приходят и льются. Про нежный запах ее волос, про сочные губки и небесные глаза, про веснушчатый носик. Что она, словно рябина северная – яркая я броская в безликой массе. О том, как бывает мужикам одиноко там, в Заполярье, без этой музыки, без женщин, что судьба распорядилась жестоко, влюбив в одну недотрогу, которую не могу отсюда выволочь на север, и как же сегодня легко с ней, что вообще здесь, па Большой земле, почти райская

обитель. Тут же извиняюсь, накатило, мол хочется забыться, согласна ли ока пойти ко мне в гости, покажу ей диковинные рога-вешалки, поцелуется с хозяином тайги. Купил у ненца за бутылку, в духе времени, по благу провез в самолете. Верит, изумляется.

Я снова волоку ее к бару, только уже без скромных церемоний. Прошу повторить мок заказ. Узнают, запомнили жест. Наливают живительный напиток в стаканы. Другой посуды советские завсегдатаи ресторанов, баров, наверное, не заслуживают.

Бармен с таким пресным лицом предлагает сдачу, что невольно отказываюсь. Нынче это нравится всем. Не берушему также - жест великодушной щедрости, свой парень в доску, простой, богатый.

Потом по знакомству у незнакомого мне бармена покупаю бутылку шампанского за тройную цену, на зависть многим, потому что нет его в помине нигде, потому что захотела она, а я вошел в азарт, держу марку, И мы покидаем ненавистный мне бар, шедший нас. Самого же так и подмывает начать погромы у этих прихлебателей. Но сегодня я безразличный портрет свой. Да еще позирую. До последнего. Благодарю за вечер швейцара, выклянчившего свою доли за вход, он приглашает и на завтра. Это деньги вас делают людьми в этом давлении. Я благодарен, ибо где и с кем бы коротал сегодняшний вечер.

Едва отойдя из этих мест, начинаю атаку на поцелуй. Она подставляет щечку. Любуемся звездами. Естественно, я переключаюсь на них. Единственное, наверное, о чем можно говорить в этот вечер, не обманывая себя и других, от чистого сердца. О звездах модно говорить со времен райских садов. Я рассказываю ей о своей звезде, талисмানে звездном - Венере, что давно молюсь на нее, потому что люблю недотрогу Венерку Шарипову, девочку из параллельного класса. И она меня вроде, но мешает нам мое ветрогонство, позерство, незнание своего места в жизни. И судьба разлучила нас. Я уехал, надеясь вызвать сочувствие, увы...

Ей же в ответ сказать почти нечего, живет одним днем. Никто не влюблялся в нее и ни в кого - она. У тебя, говорит, хоть тундра есть - беспредельная, неопишная и нескончаемая тема. И будто ей нескучно со мной. Я слушаю ее сочувственно. На улице она раскрылась по-иному, юность что ли проступила, наивность. И тоска неустроенной, блуждающей души. Помочь бы чем, но почему я? Не могу повернуть, не поймет, сам не владею собой, какие мысли одолевают. Другой поступок был бы неестествен. По крайней мере так казалось.

"Есть у любви и святыи дух, когда хранится тайна двух". И снова пьем по-северному, закусывая клюквой с сахаром. Она кормит меня с ложечки, подаст и поцелует. С бокалами шампанского в обнимку шествуем по холостяцкой квартире.

Знакомлю ее с моим "земляком" – медвежьей шкурой с головой, она целует его в нос. Сидя па шкуре, пьем на брудершафт, долго целуемся, глядимся в глаза друг друга. Потянувшись назад, дергаю шнур торшера, и летит кофточка на рога оленьи

Понял по задрожавшему голосу.

Попросила закурить. Что за прихоти вдруг. Раскрываю пасть "земляка", жестом фокусника небрежно извлекаю заранее заготовленную пачку "Мальборо". Эффект удался, от удивления по-детски ойкнула.

Но курить вдруг раздумала. Понял, напала па нее говорливость. Думаю, начнет с конца – живут па зарплату, а жизнь дорожает, Уже готов вскочить и шлепнуть пачкой по грудям. Но о чем она? Она пытается, не помню ли я свой последний школьный звонок. погоди, толкнуло что-то в под сознание, мы учились в одной школе? Да, подтверждает, не помню ли я ее? Какой там! Даже одноклассников почти всех позабыл еще бы какую-то пичужку знать. Не пичужка, отрицает, а та самая девочка, которой предоставлено было право бить в колокольчик на ваш выпуск. Что-то смутно прорисовывается. "Как же" – говорю, – я сам нес на плече девочку, бившую в колокол школьный, не хочешь ли сказать, что это была ты?" "Я? Я? Я!"

Вот те раз. Неужели такое бывает? Пока ты скитался по северам, здесь подрастали пичужки, которых ты замечать-то не желал косца-то.

Вдруг между нами вознеслась стена неудобства. Положение, скажу. Не для того я нырнул в вечерний бар, чтобы оттуда принести золотую рыбку. Не тот раз водоем.

Моя подружка рассказывает мне душещипательную историю, как она будучи еще той самой пичужкой влюбилась в меня – высокого и стройного, смелого и драчливого. Таким видела и после, в редкие моменты моего появления наездами – белого после

снегов и бронзового после отдыха на морях – подкатывал на такси я вновь надолго куда-то исчезал. А она тихо лила слезы в ладонку, незамечаемая мной. И вот теперь, когда она мной покорена, могу и вышвырнуть ее, как последнюю девку. Но от этого любовь ее не увянет, потому что достаточно изучила, ведь я лишь рисовался и она воспользовалась – что ей оставалось, если столько лет не замечал. Видно, такая у нее доля, надеяться и облизываться, а вечерами плакать. Среди сверстников любви не нашла – я заслонил.

"Послушай, – задумался я, – ты сам всю жизнь бесплодно преследуешь заоблачную, недоступную Венеру свою, в то время, когда так же безнадежно искали встречи с тобой. Она тебя, а ты другую, которая, в свою очередь, своего. Мы все, идущие друг за другом. Может, настала пора кому-то обернуться? Я хлопнул себя по лбу: если она все эти годы безответно любила меня, а сегодня безрассудно

доверилась, не наступил ли час объяснения? "Поступаем так, - говорю, - остаешься здесь, это твой дом. Но я должен попроситься с той далекой звездой, которая столько все отдалялась от меня. Не обижайся, - успокаиваю, - я плохо думал о тебе. Сейчас заканчивается ночная смена моей Венеры. Когда бы и где бы не подумал я всегда знаю ее смену. Я встречу ее у проходной. На этот раз последнее слово за мной. Ты же все это время будь здесь хозяйкой и жди меня".

ХАЙВАН
(рассказ)

Мне уже сейчас одиноко, когда я только собираюсь уйти...
Э. Хемингуэй

Сказал бы кто Марсу, что в голове сплошной туман, он бы ему позавидовал. А у него она будто чугунная - вдарь и расколется на куски, и рассыплется. И гремит, как в казане. Уверен, что все это во сне, а очнуться пет никакой мочи. Будто нырнул в воде под ведро, как бывало, а ребята колошматят камнями. И шумит, и гудит... Вот кончается воздух, уже в жар бросает, надо бы вынырнуть, но присосалось ведро, как в плечи вросло. И гремит, хоть оглохни. Хочет сбросить душителя, ведь больно: "Ата-а-а!" - кричит. Отдается: "Бабах, бак, трах-х-х."
Чем-то острым больно ударило в висок...
Ах... Это свет бьет в открытые глаза...
Живой, значит. Вроде кто-то тормозит: "Пап, Папа!".
- А? Что? Кто? Кто это? Что такое? Где я?
- Да папа, папа, проснись, это мы прилетели!..
- Сын, ты... откуда...
- Да мы прилетели вот, проснись же, вставай, почему не встретил нас?
Начинает соображать:
- А, вы приехали, родные мои, а где мама?
- Она в зале... Плачет. Идем, вставай давай, вещи занесем.
Хочет приподняться, но неведомая сила вновь тянет вниз, ныряет в подушку...
- Погоди. Дай плотннуть чего, умираю...
- Ты чего, больной, пап?
- Не...
- Тогда как ты можешь спать, должен был встретить нас...
Мама плачет. И тетя какая-то у нас...
Словно укололи под лопатку, еле приоткрывает глаза, веки тяжелые, как гири. Долго ворошит в памяти - утро или вечер это. Не мог же свалиться с утра, чтобы был вечер...
Боже мой, уже светло. Утро, значит. Они могли только ночным дополнительным рейсом...

Садится. Голова грузная и ватная одновременно. Но что-то там начинает сверяться. И то неплохо для начала. И так, помню телеграмму: "Вылетаем Тюмень прямой открытой датой встреча в Надыме дополнительные". Она была засунута в дверную щель. Достал... да поздно ночью. Нет, погоди, мне ее вручили... Да мелькают перед глазами руки... Точно телеграмму всунули чужие руки, помнится, женские... Так-так... Приволокся на чьих-то плечах. Помнится, долго гадал, не поехать ли встречать... Засомневался, навряд ли в такое время смогут нынче же попасть на рейс... Чудес таких не бывало давно. Да нет... забрать могут ведь пьяного...

Главный вывод есть. Домой пришел не один... Прескверное начало...

Надо бы встать. Сейчас спасенье только в движении.

Лежачего может доконать, Никогда так не болел...

Ничего, вроде получилось. Теперь бы только удержаться.

Сколько же припал, черт ты в глотку...

Светло, а побрел, как впотьмах. Качает из стороны в сторону, пришлось раскрыть руки, чтобы нечаянно не раздробить череп о стену.

Подставляет свою чугунную под холодную струю. Вот. Вот где спасение так бы уснуть, проспаться...

Зачем встал-то хоть? Поднимешь башку, гул сплошной.

Ах да, сын же приехал. Мама, говорит, пла... Почему? А нука...

Выволакивается в зал. Хм, действительно, две сторбленные фигуры вжались в кресла. В одной из них признал свою половину...

Шайтан алгыры, кто же другая?..

В голове вес тот же шум. Роется в памяти. Тщетно.

Пропашее дело, выходит, старик, чтоб отвалиться башке.

Значит, финита ля комедь?.. Ясно. как божий день... Раз так... Идет к кухне, там его спасение.

Так и есть, оставлено. Выливает в кружку. Краем глаза замечает, чья-то тень выскальзывает в коридор. И все на свете стало... Плевать, все позади. Опрокидывает кружку в глотку, запивает рассолом... И в глаза наплыла пелена. В голове поплыло, провались земля, Марсу все равно, поплелся обратно.

И снова понесло по реке, Теперь на плоту. Плывет и плывет, опрокинутый к тучам быстрокрылым, между водой и небом, между плотом я тучами. Хорошо... Туман...

Затем, некоторое время спустя, все меняется. И декорация и действие...

И мечешься, и маешься уже не на плоту романтическом, а на мятой и мокрой простыне. И перед глазами вместо облачка какая-то свиная морда... Бррр. Начинается самое кошмарное. В череп ломаются тысяча чертей. Сердце колотит, как локомотив... А во рту... Тьфу... Руки-крюки, с чужого плеча, не поднимаются, повернуться и то нужен рычаг

Архимеда. Ни спать, ни встать не можешь и мечешься между явью и сном, ни живой, ни мертвый. Как куча мусора, ей-богу...

Не помнит, сколько провалялся, когда и как засыпал? Да спал ли? Но пришло время, надо что-то делать. А что? Еле встал. Одеваться, оказывается, нет надобности. Так и спал, выходит, в одежде. Это уже полдела, почитай. Там, помнится, осталось на доньшке...

Снова плетется в кухню. Прямо с горла высасывает донное. Все, больше будет, не надейся. Конец света, ничего нет. А что дальше?

Первым делом на улицу, на воздух, на свободу, на волю. За действием будет идея.

Заворочался сын в своей постели.

А в голове все еще буйнит. Надеется, ненадолго? Теперь, может не кончится, сердце чуть отпустило.

Идет к сыну. Он свернулся калачиком. Укрывает, целует в щечку. Может, прощальное... После же ругает себя, и на это появилась способность, с каким запахом... Прощается. Прости, дорогой. Кто-то должен быть свиньей, может, хорошо, что это я...

Свежий воздух ударил в голову, как новый глоток вина. Вновь, заволкло в голове. Но деваться некуда. И направляется, сам не зная куда. Так, без всякой цели, лишь бы подальше.

Не на шутку разыгралось солнце, невозможно раскрыть глаза. Конец августа, последнее северное тепло. И сыну на днях в школу, эх...

Выходит на перекресток и, вспомнив, какая, наверное, у него харя препротивная с похмелья, опухшая, сам же испугался. Искал встречи с кем-нибудь, а понял, надо убежать... Но опять-таки, куда, к кому"?.

Поворачивает назад... Видит, наискосок, через дорогу, на четвертом знакомом этаже раскрыты балконные створки... Значит, Карманов дома, приехал-таки трассовик на день газовика в отгулы, как говорил... Надо к нему, холостяку, может, подскажет что, в крайнем случае можно первое время пожить и у него, сам он постоянно пропадает на Ямбурге, а квартира часто пустует.

Еле поднимается на его этаж. В коленях дрожь, до чего напился! Звонит, головой прислоняется к дверям, как упертый бык, открывает - прямо в руки его рухнет. И взрыдает - вытащи, тону... Долго ни звука, ни шороха. Притворяется. Марс знает: уединился с женщиной... Ничего, перетерпят. Снова повис на кнопке звонка. Но слышит, как отворяется дверь сзади, обернулся, а там сосед Карманова, Артем... Свежевыбритый симпатяга. Улыбается, все понял отец-одиночка:

- Заходи, - говорит, - он здесь.

- Хах, дорогой ты мой человек! - расплывается сзади борода-Карманов. - Проходи, я вот тоже похмелиться

прискакал... Вчера прилетел. Ну и загудел, как полагается, со скуки, свит грязь найдет, ха-ха, сам знаешь...

- Игорь Демьяныч, - еле ворочает Марс пухлым языком, - извини, не чую башку, ей-богу неудобно па халяву, гастроном, знаешь когда...

- Чую, чую, где ночую, но не знаю, где я сплю, ха-ха! Не урони честь свою, сын мой, - начинает обычные свои куплеты припевки балагурные Карманов и стребает Марса в охалку. Долго тискает, мнет, трясет как копилку, лишь затем ведет в кухню к Артему. Тут же без церемоний наполняет фужер до края коньяком.

- На, держись, сын мой, у Демьяныча, ты знаешь, нет ничего, кроме друзей, значит не жалко ничего. Ну, рассказывай что нового, как там твой Ахмет-Архимед наследник? Все нормаль? А я, сын мой, завершаю свою взлетную полосу, самую спорную, всем пессимистам назло.

"От Карского моря до Черного моря полечу напрямик, пересадок не будет!" Ха-ха? Давай, не робей!

Марс вталкивает в глотку густой коньяк. Карманов хохочет и сует пиалу:

- Запей шулюмом, черт с ним, с коньяком, ничего другого не нашел, ночью у черных купил, и на том спасибо, иначе пришлось бы самогонку искать... Расскажи, как тут жизнь на шестьдесят пятой параллели?

- Горит, Демьяныч, все тлей, к чертям свинячьим, я к тебе горем...

- Стреляй, тут все свои.

- Я не у тебя лил вчера?

- Хах! Узнаю в тебе себя, молодого! Молоток! Извини, но и сам вчера, так сказать, азимут...

- Слушай, - обращается Марс к Артему, как всегда слушающему друзей без признаков присутствия, - у тебя должен быть топорик.

- Возьми гитару. Марс, - вместо ответа просит он, - спой нам с Демьянычем что-нибудь про Север из своего репертуара. Недавно слышал по Салехардскому радио, обалдел... И давно не видел тебя, сатану. Приходишь, когда только борода дома...

Встревает Карманов:

- Никаких! - и закартавил: - "Коль в руки взяли вы топор - рубить дрова! Но с этих пор забудь про шею человека..." В самом деле что-то случилось, сын мой? Ты, я вижу, не на шутку возбужден...

- За... вениками бы надо... За пьянками сезон проворонил...

- Какие веники?! Сейчас мы зайдем в одно место... Не для того я с трассы прискакал, чтобы с топором тебя в лес нарядить...

- Извини, Артем, благодарю, я пойду. В другой ра,1, Демьяныч, мне надо проветриться, спасибо...

Марс немного оклемался, в голове вроде все улеглось по своим сусекам, стал прощаться и уходить. Но в тамбуре нагнал Демьяныч, повернул к себе и стал допытываться:

- Что-нибудь серьезное?

- Мы с женой сочинили драму, - попытался отшутиться Марс.

- Все ясно, что ничего не ясно. Вот что, старик, никаких дров-топоров, понял меня? Веревки тоже. Мы еще должники Севера, значит, не из слаонервных. И не комедии приехали играть. Будь мужчиной, ступай домой, проспись и повинись. У женщин, поверь убежденному холостяку со стажем, инстинкты бегут впереди разума, но сердца у них героические, понятливые. Иначе бы не приняла на себя холод Северов и не обогрела тебя. Жены северян - почти наследницы декабристок! Понял? Все образумится. Они умеют прощать. Ты мне обещаешь?..

Чтобы не мучили, чего не наобещаешь. И Марс дал слово, какого домогался Карманов. А вдогонку снова летели его обычные:

- Не вешай носа, и хвост пистолетом! "Вперед и ввысь, по лестнице, бегущей вниз". Опомнись, старик!..

Совсем отбил охоту еще кому-либо попадаться на глаза. Как больная собака ищет укромный угол, так и человек порой не находит себе места среди людей, удаляется в себя...

Слепо повернул домой. Но заходить не стал. Там теперь Марсу тоже нет места. Долго и бесцельно роется в холодном пристрое балка. Наконец натывается на охотничий топорик, который использовал для рубки мяса. Машинально извлек вещмешок.

Только выходить, появляется тень-тенью его бывшая до сего дня супруга. В запавших глазах боль и гнев. Как же надо любить, чтобы так быстро слиться от пережитого. Сникшая вся. Красная от слез.

- Ты о чем думал? Доконать решил? На, убей, не мучай, - стала лихорадочно шарить вокруг. Ничего подходящего не найдя, сняла с ноги босоножку и давай колотить Марса шпилькой. - Добей меня, умереть хочу, хайван!.. Ы-ы... - заплакала навзрыд, видимо долго держалась.

Отворяется дверь. Стоит сын в немом отчаянии, чуть не трясется. "Что в нем творится, боже мой, - подумал Марс.

- Это конец всему..."

Отталкивает жену. Она уже иступленно лезет напролом, бессознательно, Марс отпихивается, она где попадет, где воздух молотит, еще пуще разъяряется.

- Уймись, ребенок смотрит, - как можно хладнокровнее выдавливают Марс. - Уйду, мешаться не буду не нужно убиваться, давно ведь живем по привычке.

От этих слов она плюхнулась на пол, заскулила, как побитая собачка, ерзает, рвет на груди платье, так что невольно стало и жаль. Но поздно уже.

Хлопнул дверью. Прислонился к перилам крылечка, раздумывая, что делать, как быть, идти - не идти.

Открывается дверь и выбрасывается оттуда что-то белое прямо Марсу в лицо.

- Вот, забирай свое наследие, свинья бессердечная. Хоть бы следы свои догадалась...

Как затравленный комкает и запихивает в рюкзак:

- Дура, - кричит Марс, скорее защищаясь, и скатывается вниз...

Толпа грибников возвращается со стороны сопки, а он только идет, как ненормальный. Догоняют машины, идущие на карьер, сопкам, притормаживают, приглашая подбросить. Где же такие водители встречаются?.. Но Марс бредет, ея обращая внимания боясь поднять голову. С какой такой радости?..

У входа в лес присел у обочины на валявшийся автомобильный скат. В смурной голове снова начинает гудеть; давит в висках, сказывается похмелье у Карманова теперь кончается действие коньяка. Отрешенно уставился в светлую протоку.

В тот раз он не придал значения укорам жены, ставшим обычными в последнее время. Стоило отлучиться куда-либо в командировку - то газ кончится, то воду отключат, или останется! без денег. Причина всегда найдется. И, как всегда в таких случаях, во всех напастях она винила его. Вот опять оказалось, сын загрипповал. Естественно, как и все мужья, он защищался, нападая сам. Лишь у тебя муж непутевый, если не устраиваю, можешь быть свободна. Сколько может такое продолжаться? Так далее, в том же духе. Она в истерику. "Я только причину искать, а ты уже выводы успела. Шлепнулась у стола, где только что убирала посуду. "Нашел крайнюю - уходи, только для себя живешь. На работе неладно - виновны окружающие. Хоть бы зарабатывал, как мужик; приложение к ордеру". Ерзает по полу, ревмя ревя. И Марс не может унять себя. Она - того дальше. Докричалась - соседи за стеной затарабанили, Марс махнул на все и углубился в телевизор. Подумаешь, беда - приболел ребенок. Для чего шуметь...

Время показало: материнское сердце не зря болело.

Страсти улеглись. Наутро отец отвел сына в садик. Вечером задержался на работе чуть дольше обычного. Оказалось, пришел забирать позже всех. Сын сидел в углу на корточках. Няня доложила, что ничего не ел, рвало. Марс буркнул, что отравили. Дома же решили на завтра оставить и вызвать врача. Благо, был в запасе отгул. Педиатр выписала обычные в таких случаях микстуры, лекарства, витамины. Наказала поить рисовым отваром, молоком, можно грызть сухарики. Днем у малыша поднялось настроение. Почитали сказки. В свое время не пропустили мультики. Через день он перестал спать. Все вставал пить. Участковая никак не может определить причину.

Оправдалась, что такие симптомы бывают при многих болезнях. Как-то мимоходом сын сказал, что голова болит. Марс не придавал значения. А врачу тем более не догадался сообщить о таком вроде пустяке. Так прошли еще сутки. К концу недели врач догадалась засомневаться, выписала лекарства другого назначения и настроено предупредила, что если будут продолжаться те же беспокойства - в понедельник привезти в стационар. Усталый малыш после лекарства немного поспал. Упали духом и родители неопытные. В ночь он опять не спал. Все вставал пить, осунулся. Стали дежурить. Не смыкает глаз маленький, жалуется на боль в голове. Усталая мать положила дитя рядом с отцом. Ни чая, ни молока сын уже не признавал, желал только воды и пил, и пил. Марс долго боролся со сном. Засыпая, ругал себя, права мама наша. Сквозь сон помнит последние слова сына: "Вам хорошо, можете спать, а я хочу и не могу..."

Вдруг истерический вопль жены... Свесившееся к полу тело сына... Прозрачная слизь изо рта и носа... Хлюп... Все как в кошмарном сне. Никакого другого шума, как только она учуяла?... "Убил!" - кричит, мечется. Опомнилась и побежала по соседям... Марс обнял обмякшее и бесчувственное тело сына. И баюкает... Сердца не слышно. Треплет по щеке, тщетно. Глаза уж закатились, а сам будто из теста. И заплакал он над телом умирающего на руках родного человека. На клич прибежали соседи. Соседка приказала живо мчаться за "скорой"...

На переговорном и ночью люди. И сразу поняли серьезность ситуации, уступили городской автомат. В "скорой" стоило сказать о пониженной температуре, записали адрес и велели встречать. Вот тут и осел Марс с телефонной трубкой в руке.

Возле дома встречает сосед, сообщает, что уже увезли на попутной...

Когда он подошел к дверям реанимационного отделения, супруга, вся сжатая в кулак, металась взад-вперед по коридору, не находя себе места. Взглянула на мужа, снова заходила, кусая руку. Потом вдруг взвизгнула и, задрожав, отпрянула в сторону, опомнилась и бросилась в объятия Марса. Он услышал дикий вопль сына. Делали пункцию... Через час-два разрешили войти. Врач показал на родителей и спросил у малыша, не знает ли он, кто к нему пришел. Мать упала к его ногам и зарыдала. Марс взял сынишку за руку, а он сообщил, что видел страшный сон, заблудился в катакомбах...

Две недели малыш лежал не вставая, под капельницей.

А когда через два месяца его вывели домой, врачи всего отделения вышли провожать. Лечащий предупредил, чтобы при любом подобном симптоме, бежали за ним, днем ли, ночью ли. Редкая на земле, а в этом городе вообще первая, эта болезнь может проснуться в любой миг... Беречь, беречь и

беречь. От всего; холода, ударов, перегрузок, нервных потрясений. Вот когда он впервые оценил жену. И зажили намного дружнее. Про себя, когда изредка поругивала, привык повторять успокоительное: ругай, ругай, жена типа мать, так мне и надо, и смеялся про себя...

Вся их совместная жизнь протекла вмиг перед глазами. И в последующем, до сего числа не нашел ничего такого, что бы могло называть на разлуку... У Марса много друзей" но в отличие от многих его после работы всегда влекло домой. А к плохой хозяйке и жене никто стремглав не мчится. Не без того, и после той беды случались ссоры, ссоры. Но понял Марс, милые бранятся - только тешатся, а поиле и любитесь сильнее. Был грешок, манила свободная жизнь, считал, как некоторые холостяки: в наш век семья обуза. Но вот же получил повод, решайся. Однако не радуется возможная и близкая эта перспектива... Думал, думал, выходило, что нет у него в жизни человека ближе жены, сына. Как сгладить, чем искупить вину? Что советует в подобной ситуации опыт человечества? Ничего не нашел в буйной голове. И не с такой искать опору...

Вспомнил о рюкзаке. Извлек содержимое. Да...

Отшвырнул в сердцах в воду простыню...

Сидит и думает, сам не знает о чем. Да обо всем - и ни о чем. Голова набита пустотой.

Встает, омывает лицо в холодной тундровой протоке. Так и не придя а себя, оказался на зеленом островке с шестью подружками-березками, здесь мимо и не пройдешь. Каждый год за вениками он приходит сюда, поэтому, видно, на знакомую тропу ступил интуитивно, хотя давно не видел дороги, Куда придет на будущий год. Да и будет ли такая нужда?..

Вокруг шести огромных для тундры берез хороводили множество тонкоствольных. Кое у которых макушки уже золотились осенью. Прогулял пору, довольствуйся тем, что досталось...

Пригнет ветку, ломает, бросает...

Собрав в кучу, притащил к знакомому пню, сел и стал подгонять под банные. На Севере веники готовят все, но делают вдвое меньших размеров, чем на Большой земле и очень дорожат ими. Ни мужик ты, если придешь париться, зарясь на чужой веник. Мог и Марс. Сложит пучок, обрубит комель и пакует в рюкзак. И штабелюет, чтобы больше вместились. Вернется домой, останется завязать и повесить на просушку... Подумал об этом и усмехнулся: для кого? Не поволокет же за собой, как наследие, если разойдутся. Но привычное дело само ладится. А думы душу терзают: "Как, как быть-то? Волком выть или не быть, вот в чем вопрос". Такая тоска подкралась, так одиноко стало, хоть утопись. Сын большой уже. Разрыв родителей только обнажит рану сильной души. Каким же отцом будешь потом в его глазах? Кем вырастет он?..

Снова не помнит, как вышел на дорогу, как оказался у той протоки. Снова присел па скат. Сам себе чужой.

Простыня утонула вся, кое-где уже успела покрыться тиной. Своя жизнь и под водой. Через месяц и следа не сыщешь. Вот так бы и с людскими промахами... Тут как ток пробежал по нервам. Холодный пот догадки окатил до мокроты.

"Погоди, - размышляет, - я же поднялся, не одевался...

Так-так... И та, открыла дверь им, тоже не шарахалась, соскочила одетая... Это же... Это же меж ними ничего...

Стоп!.. Это открытие! Так, я был не один, точно. Меня приволокли. Помнится грубая мужская рука, жесткая, цепкая, басовитый сип... И женские смешки... И музыка. Чего-чего, а музыки у меня много... Помнится, были танцы, правда, уже в тумане. И я ухожу... проваливаюсь... А они... Так и есть... Нашли притон. Где же они подцепили меня? Как получилось, что я пригласил? Ох, бедовая голова. Вот она, твоя северная коммуникабельность".

Говорила, часто укоряла тебя половина, что когда-нибудь погоришь, если будешь безразборно заводить знакомства... Друзья обретаются, не приобретаются... Тем более на пьяную голову.

"Надо сегодня же, нет, сейчас же найти ту, как бы сказал Карманов, мочалку и хорошенько расспросить, попытаться, дознаться. Пусть это и унизительно, но переживается. Я же был невменяем. И какой из меня в таком разе прости-пома... Вот простофиля!.. На тебе чуть ли не облегчились, а ты проспал все..."

Такое прозрение наступило у Марса, будто тонул и чудом спасся. Жизнь снова засветилась, возвернулась, можно сказать. Она поймет. Прав Карманов, поймет и простит, даже если виновен, лишь бы смог повиниться. А женская догадка, сказано, даст большой тонкостью и чуткостью. Скольких близких вытаскивали из болот жизненных. А его уже доказала свое чутье...

"Какой же я хайван, действительно, никак не умею без семьи. Вот и результат", - подумал Марс.

Стукнул себя по лбу. Встал и побрел. Куда там, ноги не пошли! Помчали! Прав друг Карманов, надо карабкаться вверх, и катит тебя вниз. Домой! Да я в баню не грех. Освежиться, очиститься, все семья приехала, надо начинать жизнь.

"Что верно, то верно, муж без жены, что нестреножен конь. Я только без семьи выбываю из колеи, - утверждал свою мысль Марс. - А моя жена - мой поводырь". Марс имеет зацепку. Отныне у него засветилась надежда. Теперь он оживет. Рядом с такой женой грех пропадать. Только она свяжет его семью. Абез семьи он не может. Без семьи - какая жизнь...

ПРОЩАЙ, ВЕЛЬЗЕВУЛ
(дорожный очерк)

Увы, - но счастья не ищет...

Пусть будет хоть сам черт!..

Да человек он нужный.

(М. Лермонтов)

Бесцеремонно скользнув по моей щеке, к окошку кассы просунулась волосатая рука с паспортом, и бархатистый голос, как показалось, нарочито развязно прохрипел: - Слушай, небесная, а мне ведь только на Тюмень надо! - будто ему уже был предложен большой выбор.

Но в кассе не отреагировали, не такие тут водятся.

А тихая в ожидании очередь вдруг возмущенно вздрогнула:

- Ты что, самый красивый тут?!

-Здесь только тюменских и ждут! Стань в очередь! - полетело спереди-сзади, успевай поворачиваться.

Да тот как ни в чем не бывало кивнул в сторону кассы, добавил:

-Дико извиняюсь, граждане! Думал, родня дежурит. И давайте побережем нервы...

Невольно обратил внимание на ровесника. С первых же фраз речь его завораживала необыкновенно правильным, я бы сказал по-дикторски точным, произношением. Может, поэтому очередь сразу усмирилась - внутренне мы все интеллигенты все же. Я также забыл о наглой руке, тем более мне тоже предстояло лететь на Тюмень, и предложил:

- Давай паспорт.

Он смекнул что к чему, хлопнул меня по плечу:

- О, зема! Извини, что не заметил, значит опять вместе?..

Дорожные муки на двоих, считай, полбеды. Я с легким сердцем вручил ему свой дипломат и остался в очереди на двоих. Пробежал взглядом по паспорту спутника, с интересом прочел неизвестное для меня название его местожительства - Пангоды. Но так и не вспомнил, где это может быть.

Что Тюмень нам сегодня не светит, я знал загодя - билетов не было за две недели. Вахтовые рейсы формировались полные, поэтому очередь, как только объявили регистрации, вдруг увеличивалась в размерах, как река в половодье, металась, браня и матеря кого по чем так, что доставалось всем богам. И никакой надежды на отправку сегодня я уже не питал. Шел к закату сезон летних отпусков, северяне рвались домой. Особенно усердствовали родители, ведь детям нужно поспеть в школу.

В который раз локтями пробиваюсь на свое законное место у кассы:

- Помогите, девушка, неужели не найдете хоть одного места?

- Ну чем, чем а вам помогу? - усталая кассирша мучительно отнекивается уже который раз, даже жалко становится, надоедаешь ей.

Тут сзади на плечо легла рука.

- Слышь, зема, бери на Казань! А там видно будет, - предложил мой попутчик и сам же спросил у кассира, - а на Казань найдется, небесная?

- Будет известно после регистрации.

До последнего казанского рейса оставалось минут сорок. Значит скоро будет регистрация. Хоть бы этот рейс взял нас; а то придется заночевать без всякой надежды улететь и завтра.

Дорога сближает людей скоро. Через несколько минут я знал, что мой новый попутчик буровик с Медвежьего. Теперь только понял, что такое Пангоды для Западной Сибири. Моего спутника звали Минисламом. Он поделился своей тревогой о работе. Летом, раз болота не позволяют перебазировку буровых установок, их всех разгоняют в отпуска, и сейчас начинается подготовка к предстоящему сезону - вовремя не подоспеешь, считай, состав бригады будет пересмотрен. В чужую нежелательно потому, сказал Минислам. что бригадир у них, каких поискать - редкой души человек - умеет ладить с людьми, специалист классный, а в тундре это, ой как важно. Поэтому обязательно надо поспеть к сентябрю, к концу которого в иные годы уже подмораживает. И закрутится северная карусель кочевой романтики буден: вахта, работа, перелеты, койка в общежитии, опять перелеты, перебазировки - и так до весны.

По обыкновению, в небе я уснул - не на что было глаз положить. В те дни всю Татарию накрыла сплошная облачность. Снизу черная, как вынырнули, она засеребрилась на солнце сплошной и беспросветной белой пеной так, что слепило глаза. Перед тем как уснуть успел заметить, что мой попутчик пересел на свободное в нашем ряду кресло, к тощей дамочке.

Каково же было мое удивление, когда, сойдя с трапа самолета, увидел их стоящими в обнимку. "Ветер действительно был холодный и пронизывающий, но не настолько, чтобы жаться ко встречному-поперечному, - подумал я, - вроде приличная дама..". Так они прошептались, пока не вышел последний с рейса пассажир. А когда повели к вокзалу, они так же, не разлучаясь, пошли бок о бок. Черт знает, то ли грызла меня зависть, но я уже начинал презирать моего ровесника. Чем успел пленить? Вроде и смотреть-то не на что - ничего особенного в нем не обнаружить: обычное обветренное лицо, какие встречаются через одного в нашем брате, ни ростом, ни плечами особо не выделяется, может, чуть поспортивнее фигурой, так это же не преимущество еще в глазах женщины.

Определенно, мое состояние Минислам прочел по физиономии и, улучив момент, кивнул, мол, не ускользай.

Так же, бедро к бедру, они прошли сквозь тесный вокзал, вышли на стоянку такси. Я следом, как привязанный – заподозрил, что могу быть покинут. Но Минислам усадил ее одну. Я услышал обрывки фраз прощающейся женщины:

– Се ля ви, но он видел мой обратный билет, будет ждать, небось уже дома. Позванивай.

– Что поделаешь, надо уважать ожидающих, – без всякого сожаления, как показалось, грубо проронил в ответ кавалер и, галантно поцеловав ей руку, захлопнул дверцу машины. Она укатила, я легко вздохнул.

– Знакомая?

– Краля, – молвил он. Я так и не понял, что это означало, но расспрашивать было бы нескромно. – Теперь навестим "кадру"! – усмехнувшись чему-то про себя объявил Минислам. Закинул рюкзак за плечо и увлек меня за собой, в вокзал.

Его "кадру" мы не нашли. Оказалось, она дежурила вчера. А на Тюмень. рейс отменен с весны. Почему – не их дело, И вообще, летали туда по утрам. На свердловский тоже опоздали, следующий будет завтра после обеда...

– Ну, манна небесная! – начал злиться мой спутник. – Дьявольщина какая-то – Не уважает аэрофлот сибиряков, а?! – но тут же взял себя в руки. – Не вешать носа, зема! У нас еще железная магистраль в запасе, там-то будет "железно"?! – вновь забалагурил он.

В пик дорожного сезона кишмя кишит на вокзалах людской муравейник. Так было и на этот раз. Неудивительно, что билетов не оказалось и здесь. На проходящие составы влетать я тогда был еще не созревший. А Минислам не стал этого делать из-за моей растерянности в этой ситуации. Предложил поехать к своим. Они живут рядом на станции Васильево. "Переночуем, – предложил, – а утро вечера мудреней, верняком будет в нашу пользу..."

"Хорошо, нашлась ему причина заглянуть домой, – ругал я себя, – а мне это нужно ли? С другой стороны, он вроде парень бывалый, не станет зря торчать в вокзалах. Будем довольствоваться ожиданием благосклонности завтрашнего дня".

На электричке Минислам наткнулся на знакомых. Работяги возвращались домой, Кто резался в карты, кое-кто уже шатался пьяный. И все курили до тошноты. Мой спутник влился в какую-то компанию и оказался в центре внимания. Попытался, где он, как, чем промышляет, расспрашивали про север, как оплачивают, не может ли кого вызвать.

Я прикидывал, Васильево – небольшая станция, каких тысячи. Оказалось, это целый город, гляди – вскоре вольется, в Казань.

Минислам повел меня через темный бор. Вековые сосны так высоки и близки друг к другу, что мы окунулись во мрак. Приглядевшись, понял, что лес-то рукотворный, деревья стояли, как солдаты в колоннах. Лесной дух, хвойный дурман располагали к размеренной беседе, но:

- Будь оно проклято все! - неожиданно выругался идущий спереди Минислам. Подумалось, он что-то оставил в электричке. Некоторое время спустя он рассказал о жене, с которой познакомился в здешнем профилактории, который и вывернул ему жизнь, наскоро поженились, а зажить не сумели, даже дочь не помогла. Вынул откуда-то из многочисленных карманов бумажник, извлек фотографии:

- Вот, глянь-ка, - подал, - как подписано: "На память блудному отцу - Вельзевулу!"* Надо же такой дурой быть женщине-матери...

Мы проходили по освещенной аллее, и я рассмотрел; с фото на меня глядела красивая молодка с девочкой на коленях, прямо мадонна с младенцем. Фотограф поймал момент грустного ожидания, надежды женщины и тоску невинных и чистых глаз девочки, будто протянет сейчас ручонки и позовет, бросится на шею папочке... "Да, - заключил я, - что-то больно серьезное заставляет скитаться человека вдали от семьи, которую не может не любить. Хоть и прокликает место и встречу с любимым человеком, но это, вероятно, лишь внешний признак самооправдания для успокоения. И, наверняка, нет слов выразить свои муки. И мотается без причины, чтобы где-то забыться в делах". На крыльце одного из двухэтажных домов нас встретил мужчина в майке:

- Отпускник снова нагрязнул! - расплылся он, крикнул в открытый подъезд и пошел навстречу Минисламу, обнял, поднял, чуть не целует.

Я очутился в гостях у совершенно чужих людей, чего со мной еще не случалось. Познакомились быстро. А через минуту беседовали, как добрые знакомые. В семье, по всей видимости, меж собой говорили по-русски. Этому я уже не удивлялся. В городской среде воспитанные, они иначе и не могли. Родной язык для таких уже давно неродной, он остается для общения со стариками-родителями и с деревенскими родственниками.

Хозяйка, как я понял, сестра Минислама, стала хлопотать на кухне, попутно расспрашивая его об отпуске. Он отвечал лениво. Увлечшись разговором, никто не заметил, как тенью вошла и чуть смущенно поздоровалась с нами маленькая пожилая женщина. Не дождавшись ответа от Минислама, повернулась ко мне и поприветствовала особо вежливо:

- Здравствуйте, гость добрый!

Я ответил.

- А, мать, здорова?! - как бы нехотя оторвавшись от телевизора, буркнул Минислам.

Такая непочтительность меня покорила, по спине пробежал холодок, сразу почувствовал себя не в своей тарелке, неловко заерзал, не зная, что делать, с кем связала меня дорога? Что за тип попался на мою голову? Действительно, "Вельзевул". Чем больше с ним, тем больше вопросов. Не ответить на приветствие матери... Видал ли я такое?! Почему привел к сестре, когда рядом: живет мать? Что за странные отношения? В чужую душу разве влезешь? Минислам демонстративно уставился в телевизор, хоть и не до чужих страстей должно быть теперь.

- Ты заглянешь ко мне, чай вот-вот вскипит. Пирог только что, печеный... - обронила мать еще более робко, и вновь обратилась ко мне за помощью. - Зайдите, пожалуйста, погостите у меня тоже, а?..

Меня начинало трясти от моей беспомощности, невозможности вмещаться, чем-либо утешить, к горлу подкатил ком.

Хорошо, никого не знаю, ничего в происходящем не понимаю.

Но был бы Минислам поближе, чем простой попутчик, не знаю, что бы я

выкинул в эту минуту.

Мать недолго потопталась на месте и, не дождавшись вразумительного ответа или чьего-либо голоса, как появилась, так же бесшумно растворилась.

В квартире стало так тихо, будто вынесли покойника. Я заметил, что даже телевизор умолк на время. Там было ясно без слов. А здесь и слова были, и ничего не понять.

- Вес не можешь простить, бессердечный, - нарушила безмолвие сестра, упрекнула, - три месяца в отпуске, а ни разу не соизволил навестить.

- Сама виновна, - отрезал Минислам, дав понять, что эта тема для: него исчерпана и возвращаться не намерен.

В семье о матери больше не проронили ни слова, словно ее и не было.

После ужина, перед сном, Ислам, так звала его сестра, позвал меня прогуляться до какого-то завода. Я согласился охотно. Нужно было занять время. Про себя надеялся, может, на улице, наедине объяснит, растолкует об отношениях с родителями. Втайне заподозрил по-доброму, вдруг поведет, заглянет к матери...

Но не туда он, оказалось, планировал.

Вахтер вмиг признал его. Многословно сообщил о последних на заводе новостях. Вспомнил, что в столе валялась фотокарточка его бывшей дамы сердца, то ли выпавшая из пропуска, то ли для нового оставленная, уже не вспомнит, но пообещал, что пока прогуливаемся по родным для Ислама пенатам, найдет обязательно. И мы беспрепятственно пропели в один из цехов.

- Вот она, моя альма-матер, воспитатель и кормилица первая, - преобразился мой спутник. - Тут я начинал свою биографию, приняв эстафету от родителя... - показал,

подводя меня к стеклодувам, сам громко поприветствовал работающих.

Здесь многие помнили его. Подходили, здоровались, обнимались и тут же возвращались на свои места. Не до долгих церемоний. Есть дела поважнее, чем гости.

Друг за другом в безмолвном конвейере, как заговоренные и заведенные в один ритм послушники, стеклодувы споро подбегали к спяще-рыжим от внутреннего огня окнам большой печи, ловко играя длинной трубкой, подсасывая, извлекали брызгающую золотыми искрами тысячесвечевую лампочку-лаву, отбегали к своим площадкам, вращая, выдували горящую массу в формы я через мгновение, как чародеи-фокусники, извлекали оттуда стеклянные колбы,, графины, лампы, мензурки, стаканчики различных конфигураций, одни краше других, блистающие первозданной, девственной чистоты прозрачностью...

- Эх, была - не была! - не выдержал, зачарованно любовавшийся мастерами Минислам. - Тряхнуть что ли стариной?!

Взял со стеллажа свободный инструмент, закрутил, по-жонглерски подбросив вверх, ловко поймал, повертел на пальцах, подул и, подмигнув мне, озаренный и довольный. С улыбкой на губах шагнул к печи.

Я увидел, как он погрузился в другой мир, известный одному ему, который был мил его сердцу, где нашел упоение беспокойной, удовлетворение отдела, которое никто посторонний не сделает, как он. Его будто подменили на моих глазах. Сосредоточился как бы тут же повзрослел лет на десять. Быстро поймал ритм стеклодувов и, словно музыкант, когда-то разлученный с любимым инструментом, всецело ушел в музыку огня.

Ухала печь в горячем дыхании, плясали колодки в такт мелодии общего дела. Исполнители-солисты, один виртуозней другого, выходили на арену. И в меня, как в доброго зрителя, переливалась их общая мелодия любви к работе, в которой каждый из них был большим маэстро. И я поверил им.

Некоторое время, показалось, Ислам забыл не только обо мне, но и все личные дела, будто стала ничтожной для него вся предшествовавшая суэта, которая скажется тут же, брось он свою трубку. Обмельчали заботы-тревоги, мечты-прожекты перед этой живой свечой в руках волшебника, кем он только что почувствовал себя. Любуясь им, я показался себе бесполезным инородным придатком, не умеющим ничего полезного, годного для людей в жизни. Мое восхищение постепенно перерождалось в зависть, которая немедля и сказалась.

Я отвернулся.

И тут обратил внимание, как девушки-контролеры, на время оторвавшись от своих дел, не без любопытства наблюдали за работой невесты откуда знавшего их ремесло новичка. В

грохоте и шуме цеха я не заметил, как одна из девушек подошла ко мне сзади, вздрогнул от неожиданного ее голоса под ухом:

- Зря наш друг гоняется за туманами, - стала рассказывать. - Работу он знал. Видите, даже после долгой разлуки у него получаете? не хуже мастеров. Зарабатывал неплохо, если подумать с этого интереса, что на ваших северах такие деньги тоже не каждый имеет. Главное, непонятно, отчего уехал? В конфликте не состоял. Отец ему был надежной опорой. Сам занесен в книгу Почета обкома комсомола. Золотые руки! А как мы, девчонки, влюблялись в него - баловня судьбы: умен, красив и черт в деле, - вздохнула. - Блажь какая-то, иначе не объяснишь, с жиру бесится... Вразумите друга, не своим делом занимается там, А раз так, какая от него на севере польза? - опомнилась, - да кому я головомойку устроила? Сами небось из таких?! - выговорила и подошла к Минисламу. Тронула за плечо и что-то прокричала на ухо.

Тут он обернулся, глянул на меня, на печь, манящую огненными искрами, на свой инструмент, вновь на меня и виновато опустил голову. Остыв, продул и положил трубку на место. Подошел, извинился и увел меня в другой цех. Мне показалось, что именно в этот момент он больше чем когда-либо сожалел об оставленном своем ремесле, в котором как нигде чувствовал себя уверенно, человеком па своем месте.

Минислам будто осиротел.

Куда девалась его бравада. Говорил он через силу. И после родного цеха повел знакомить с заводом, как выразился, с индустрией стекла. Пояснял, при каких концентрациях шихты подушаются обычные стекла, лабораторные или редкий стеклярус, о чем я не мог и приблизительно подозревать, хотя и изучал все это когда-то по физике.

В верхних этажах оказались цеха, где из тех сосудов, кто выдували стеклодувы, производили целые композиции для медицинской, химической промышленности. Перед каждым работником, над его станком - газовая горелка с тонким и быстрым огнем.

Минислам мгновенно вычислил, кто чем занят. Подошел к одному молодому парню, хлопнул по плечу, что тот подскочил от неожиданности:

- Здорова, самоварщик! Вижу, работаешь?!

Тот захлопал глазами, еле нашелся:

- Привет, сатана, откуда свалился, напугал!

- Слушай, - уже повернул тему Минислам - вот человек... с комитета... Сваргань для гостя что-нибудь эдакое из наших фирменных...

- Ты же в курсе, эти дела теперь пресекаются, я себе-то рискуй. Да и планы...

- Ничего-ничего, он, - подмигнул многозначительно. - Сам корректирует все ваши планы, если надо - защитит когда - хитро прошептал, - постарайся понравиться...

Я замер столбом, не зная, то ли рассмеяться, то ли поддержать тон Минислама. Парень похлопал глазами, согласился:

- Хорошо, вы пока погуляйте с полчаса, я что-нибудь придумаю...

- А! Пока ты думаешь... Полчаса слишком дорогая цена для такого гостя. Позволь-ка я сам, авось руки вспомнят. Молодец будто забыл о своем плане, побежал в буфет, чему-то оправдываясь передо мной.

Минислам поднял длинную узкую колбу, выдохнул внутрь, выждал пока растворится пар, проверил несколько разных трубок, негодные, как у понял, убрал в сторону. Затем от длинной колбы расплавил и отделил небольшой цилиндр, лишнюю часть отложил, пока обречь была горяча, ошипнул клещиком конец, потянул и, завертев, округлил, загладил, отрызок расплавил снопа, аккуратно сшил. Подобные махинации проделал с тонкими трубками. А потом стал их сращивать. И все это одним лишь огнем. То убавит напор газа, то усилит. Я недолго понаблюдал. Устав от слепящего огня, отвернулся. А когда, отойдя, повернул голову, взору предстала невидаль: внутри небольшого графина, н размер с двухсотной лампочки, сидел какой-то черт - не черт, бес - не бес, а бог знает что за сатана о двух ногах, опершись на подогнутый длинный хвост. На голове невесть какая корона. Как бы вытянутые усики крючковатые. Лупоглазый. А ланки будто настыли, как у пианиста в финальном аккорде. И все это не просто стекло прозрачное, а как бы серебристое или бронзовое местами, изваяние из смеси металлов и стекла.

Покрутил, перевернул я этот графинчик, а тип, сидящий внутри, даже и не подумал шелохнуться в своем убежище. Вот такая диковина.

Минислам, молча взиравший на свою работу в моих руках, довольный произведенным эффектом, прокомментировал:

- Новому гостю поручают налить вина из этого графина, марочного, только из темноцветных. Поставит его на стол и издрогнет: откуда вынырнул черт... Немного позабавит гостей. Это мой предводитель Вельзевул. В детстве такую кличку носил. Любил разыгрывать суеверных старух, переодевшись в черта. А кто-то и окрестил. Ведь прижилась, приклеилась, так что до сих пор обзывают. Видимо неспроста, народ метко даст прозвища, иной раз сам не объясню мотивов своих поступков, не вытравлю до сих пор из себя дьявола. Вот такие дела...

Домой возвратились поздно...

Долгую антимонию развел вахтер. Ворошил отношения с отцом, всеведуще распинался об амурных делах Минислама. Рыдал в голос, перебирая фотографии, наконец извлек одну

маленькую, сунул под нос моему попутчику, сообщил с ухмылкой;

- Вот... Частенько спрашивала, тебя все нет и нет. И укатила на Север, говорят, за тобой. Не укатила, значит? На это Ислам лишь хмыкнула.

- Туда все едут искать чего-нибудь, а находят совсем иное... Сестра сообщила, что мать прибежала несколько раз, надеясь застать...

Будильник растревожил всю квартиру. Мм уже одевались, когда робко постучали в дверь. Это была мать Ислама. Беспокоилась, что можем проспять раннюю электричку, а там и первые поезда.

Минислам даже ухом не повел.

Поблагодарив его сестру за приют, мы покинули эту семью...

Как ни спешили, оказалось, тщетно. Пик железнодорожного сообщения приходится на начало и конец лета. Едут студенты, учащиеся, учителя. Возвращаются с летних отпусков сибиряки, северяне.

Мы сошли с электрички за четыре часа до первого проходящего через Тюмень поезда, а билеты па него закончились через полчаса нашего топтания в очереди, И решились взять тот поезд "па абордаж", Минислам вспомнил, бывшие свои подвиги: подбегал к отходу поезда, как опоздавший, запрыгивал на подножку - пока притирается с вожатой, поезд уже набрал скорость...

Так и поступили, терять нечего, тяжелыми баулами не связаны. Скорый поезд Москва-Новосибирск стоял здесь двадцать минут. Прибыл точно по расписанию. Мы не стали спешить, как все с билетами, чтоб не примелькаться, И" как только успокоилось движение у тамбуров а проводницы струдились посплетничать, безмятежно зашли в один из вагонов. А там прошлись вдоль состава, пока не наткнулись на полупустой купированный. Положась на авось, решили обосноваться. Прошмыгнули в открытую дверь посреди вагона, тало прикрыли, уселись взывать к фортуне.

По вокзальной трансляции объявили о движениях па путях. Молодой, задорный девичий голос прошелся по коридору, напоминая об отправке нашего поезда, поторапливая провожающих. Вот видение за окном стало уходить назад, убыстряясь замелькали лица, столбы, здания, деревья. Мы приготовились к отпору, настраиваясь на убедительный спор во что бы то ни стало.

Что ни ожидай, а дорога выкидывает сюрпризы самые невероятные. Того, что случилось позже, не смогла нарисовать никакая наша фантазия.

Спокойно отворяется дверь в наше купе, обыденно, по-деловому уверенно заходит девушка-брюнетка с цыгански-жгучими глазами и, по привычке отглаживая сморщившуюся у локтя куртку стройотрядовца, справляется с еле заметным украинским акцентом:

- Так, на каких местах расположились у меня молодые люди?
- перебирает карманы тряпичной бортовой сумы.

Мы непроизвольно переглянулись, Минислам успел даже подмигнуть, дескать, что-то наклеывается, лишь бы не спартачить глупость, а сам хладнокровно:

- На верхних, красивая, вдруг попадутся пожилые люди, чтобы не канителиться после, - и тоже вроде что-то ищет в карманах у себя, - только вот не вспомни, у меня наши билеты или у тебя, Марат?

Я даже заикался. Но выручила девушка:

- Куда задевала все билеты? Ну ладно, минут через десять подходите за бельем, разберемся.

- Да вы только не расстраивайтесь, хозяйка найдем, даже если совсем пропадут, мы что, на последние рубли едем, да, Марат? Северяне не подведут, красивая, будь уверена!..

Она озорно стрельнула по нему глазами, но ничего не ответила и вышла.

Мы приободрились.

Получили белье. Билеты не нашлись. Попили первый дорожный чай. Ведем себя интеллигентно, хоть билеты пропали безвозвратно. Так же благопристойно подъехали к проводнице-студентке с идеей, чтобы она сбегала к старшему по поезду и выписала на нас новые билеты, а деньги готовы заплатить даже с пени, лишь бы у нее не было неприятностей по службе из-за нас. Если даже пропавшие потом найдутся, жалеть не будем. Чего не сделаешь ради общения с красивой студенткой. "Если надо, - шепнул он по секрету, - чтобы сунула начальнику на чай". Она в самом деле приободрилась, взяла, сколько мы дали. А когда вернулась, по-свойски поделилась секретом, что оформили проезд с предстоящей станции, правда, для порядка, накричали, что прозевала зайцев наверняка, но сдачу не вернули. И пригрозила невидимому чинуше, что теперь она раскусила подлеца, впредь не посмеет придирааться за мелочи.

Эти общие тревоги незаметно сблизили нас, А Ислам осмелел настолько, что стал искать причины, чтобы поболтать с ней наедине. И это решилось само собой. Я порылся в дипломате и не нашел в нем карт, обычно возимых в дорогу. Минислам вспомнил, что у проводников должны быть обязательно атрибуты досуга: журналы и шахматы. И побежал к служебному купе.

Поиграли вдвоем. Оказалось, ему со мной делать нечего, обыгрывал в два счета. Посражался с соседями. Но равных ему не нашлось и там. Что в шашки, что в поддавки в шахматы. Я неуверенно подсказал, чтобы вызвал на дуэль стройотрядовцев, то есть нашу проводницу, что им тоже не заказана компания. Он

хлопнул себя по лбу - вот повод! Но пошла хлопоты о трапезе. Понтону, чтобы запасть наперед, Ислам выбегал

на остановках к станционным старушкам закупать кое-чего из спицей, год, даже напал на горячую картошку. Теперь бы запить чем, размечтались от такого изобилия... Затем всхрапнули. Сказался ранний подъем.

А вечер манит на подвиги, молодо-зелено, словом, Минислам окликнул проходившую мимо проводницу. А когда она зашла, предложил пари па три партии:

- Если хоть одну проиграю, убираю весь вагон! - заявил он без обиняков, еще не зная, умеет ли играть напарница.

Девушка же, на удивление, даже ухом не новела, наоборот, поддержав его тон, пригрозила пальчиком:

- А если все три проиграете?

- Тогда я до конечного пункта - раб этого вагона.

- Зачем такие жертвы? Ну, а в случае выигрыша - каково ваше условие?

- Если выиграю я, ты меня три раза поцелуешь, всего лишь.

- Ну, хорошо, - недолго решалась девушка. - Только у меня тоже будет условие. Мы ведь не обговорили об ничейном результате. Если я сведу все партии вничью - вы больше не разговариваете, согласны?!

- О'кей! Со всеми?

- Со мной и с вашим попутчиком.

- Договорились. Итак, готовься к поцелуям!

- Не кажите гоп!

Она напомнила, что так как им нельзя засиживаться в чужих купе, чтобы матч устроили в служебном, у нее. Так и постановили.

Я не решился идти в рефери. Я болел за нее.

Через час-полтора Минислам вернулся тих и нем. Спрашиваю, как? Молчит. Пытаю, выиграл? Нем, как рыба. Или проиграл, поэтому угрюм, что придется ехать до Новосибирска? Он как в рот воды набрал. И тут осенило: они же условились и про ничейные партии... Я расхохотался на весь вагон. Надо же, жонглировала им, как хотела! Ай да молодчина - девка!

На шум прибежала она.

- Что, - спрашивает, - не выдержали?

- Не-ет, какое там, - трясусь от смеха, - уговор блюдет! Джигит ведь!

- Молодцом, так держать! - ушла веселая...

Отворилась дверь, заглянула наша черноокая хозяйка и, как бы извиняясь молвила:

- Вы очень шикарно расположились: четырехместное купе на двоих. Как сами ругались, на вокзалах негде яблоку упасть, а поезда идут полупустые...

- Вы что-то предлагаете? - спросил я. Минисламу нельзя, зарок.

- Прошу понять меня правильно, не по корысти какой подсаживаю, в общем, отнеситесь непредвзято, думаю, вы меня не осудите...

- Подавайте. Уж мы посмотрим: съесть вас за корысть или помиловать за доброту и участие, - разговорился я, внутренне ликуя, что попутчик не прервёт, хотя я ревнует сейчас наверняка.

Она понимающе стрельнула глазами по умолкшему гроссмейстеру и удалилась, прикрыв дверь.

Через минуту-две к нам робко постучали. Также несмело раздвинули дверь. И в проеме возникла фигура человека в синей спецовке. Мы с Минисламом невольно переглянулись. Все можно было ожидать после ее предупреждения, но только не жильца из мест, как выражаются, не столь отдаленных... Я проглотил язык. Мой спутник тоже растерялся.

Автоматическая реакция его была независимо от здравого смысла та, что он, как я а, молча показал рукой на полку. Человек неопределенного возраста тихо извинился, прошел на указанное место у окна и стал снимать с себя форменную фуфайку. А когда повернулся к нам, предстал человек, о котором можно было гадать многозначительно: интеллигент. В такой же, как у Ислама куртке, при галстукке на однотонной сорочке, лысоватый слегка. Человек откашлялся, пытливо смерил нас взглядом, протянул руку:

- Может, познакомимся, молодые люди? Илья Игнатьич Воронин.

Мы завороченно протянули свои, представились. Его не удивили наши нерусские имена. То ли он не вслушался, то ли настолько воспитан, что не придал значения, не стал расспрашивать, как обычно бывает, по моим наблюдениям. Начал о другом:

- Признайтесь, мой вид вас сконфузил определенно?

- Как вам сказать, - промямлил я, но выручил нарушивший обет Минислам:

- Значит, тоже зайцем? Надеюсь, найдем, как коротать время?

- Желательно, ведь путников не выбирают, - задумчиво, также прошупывая нас взглядом, ответил новый попутчик, - Я так давно не имел ничего общего с окружающими меня людьми, что буду рад, если не причиню хлопот...

Да, тягостно затевать непринужденный разговор, когда в компании, хоть и временной, появляется неординарная личность. В Америке, может быть, не придали бы значения такому обществу, да при нашем воспитании, где всегда было предосудительное мнение о своих бывших заключенных, возникает некое неприятие к таким. Всегда считаешь себя где-то на ранг выше, его же, соответственно, падшим настолько, что ожидаешь: вот возьмет к задушит, в лучшем случае обкрадет...

Чувствуя натянутость беседы, наш спутник на время умолк, а говорить ему, по всей видимости, хотелось, хотя бы для того, чтобы снять напряженность. Он задумался, как бы прикидывая, с того будет легче начать. Опять нашелся вовремя Минислам:

- А вы не долго думая, - поняв его замешательство, помог, - начните с самого бального, что накипело...

Воронин благодарственно кивнул. Он явно был расположен к беседе, по всему видать давно не имел удовольствия в равном общении.

- Убег я... - начал он. - Если хотите, это стало как бы моим повседневным состоянием, долго вынашивал а мыслях, мечтах, а недавно осуществил. Люди относятся к беглецам с осуждением, но мне повезло, девушка вот пожалела. Никто не желает вникнуть, понять ведь такие, как я давно живут именно этой мечтой и тут... а погоне к себе. Чудно говорю, наверное... А вчера отказался от добродетели, от этих казенных бездушных лекарей. Эти деятели хотят, видите ли, поднять нас на ноги, наставить на путь истинный. Не верьте в их милосердие! Туда добровольцев нет, значит нет там и человеколюбия. Все, что делается по долгу службы теряет сердечность. Никто никогда ни на какую дорогу не выведет насильно никого! Ни на кривую, ни па прямую. Свою судьбу человек рисует сам. Если одумается, сам же и выйдет на нужную...

"Ну, - сию и думаю я, - всякие бывали встречи, а с философствующим эком впервые. И чем больше преподнесет словесного дыму, тем вострее держи ухо". И пробрала меня жуть от этого открытия.

А попутчик испытующе оглядел каждого из нас, будто примиряя собеседников к себе, прогладил редкие на лбу волосы, продолжил:

- Что-то я витиевато начал. Простите великодушно. Желаете выслушать исповедь?

- Валяйте, вы уже начали, - что еще можно было сказать на это при моей подозрительности.

- Знаете, мошенников везде хватает. Теперь я буду предметней. Под вывеской благонаправного заведения скрывалось вопиюще беззаконие. Мы же "там" никуда не пожалуемся... А финал поел подобных процедур - горбатого могила исправит. Скольких так стубили, вы бы знали... Рассказываю, а самого сверлит: не поверят... Ну ладно, вы молоды, простится. Вы поняли, что мне надо на самом деле выговориться, вот и терпите, раз вызвались слушать, хе-хе. Вот покину вас, вы и забудете, поэтому будет легче отвести душу.

- Давай, батя, что там, - подбодрил его Минислам.

На его "батя" Илья Игнатьич так тепло глянул, увлажнились глаза.

- Вот что извлек я, молодые люди, из этой жизни для себя: люди более внимательны к чужому. А к ближнему, которого

винишь во всех грехах, привыкаем, как к вешалке в кавычках. Злая штука привычка. И мы превратились для них в безропотных роботов: уважают нашу послушность, терпеливость. А их цель оправдывает все: и наши страдания, и их бездушное. Что каждый человек иная личность, здесь давно не помнят и погрязли во вседозволенности. Потому-то и сор из той избы не выносятся. Некому. Лекарственные препараты перепродают гражданским больным вдесятеро дороже, в лучшем случае пропьют сами, обменяв на бутылку. Нет, для виду подают. Кое-кому из тех, кто их сумел раскусить. Кто будто решил вылечиться, лишь бы выжить до срока. А кто брыкается, из того можно выкроить кого хочешь, только не личность. Я как очнулся, огляделся, как вгляделся на этот остров докторов Моро, - решил тут же и окончательно: не лучшие люди меня запихнули сюда, еще худшие здесь покалечат... Задумал и совершил противоправное действие, как говорится в законах, то есть осуществил побег! И вот теперь я как перст перед вами. Не страшен попутчик? Завтра, наверное, буду в витринах светиться: "Объявлен розыск..." Я в вашем распоряжении. Поступайте, как велит совесть.

- Да-а... - только и смог выдавить Минислам.

Не знаю почему, но во мне родилось сочувствие, появилось желание утешить Игнатъича, но не подчинялся язык, будто к горлу присох.

- Я так и ожидал, - нарушил паузу сам рассказчик. - Вы хорошо воспитаны достойными родителями, осуждаете в духе времени...

- Погодите, Илья Игнатъич, - пришел в себя Ислам. - Ну хорошо. Там, откуда вы бежали, увидели беспорядки, как вы выразились, беззаконие. Но ведь туда вас не за руку привели.

- Ха-ха-ха! - расхохотался наш сердитый собеседник. - Правильно, черт меня побери, не младенец и не тронутый. Каждый расплачивается за свое, конечно. И меня туда никто не толкнул. Но, поверьте мне, трамплин, выражаясь газетно, все же предоставляет обстоятельство. Кувыркайся, как хочешь, а приземлишься как - никого не касается. Упадешь - пеняй на себя, ну а праведники всегда рядом. Но есть ты со своей судьбой, а есть и рок, назначенный тебе. И над каждым свой. Уж в этом меня никто не разуверит. Если все рассказывать... у, как непросто будет выслушать. Хватит ли у честной компании терпения?

- А вы короче, может, и дослушаем, - вставил я.

Игнатъича уже не надо было подталкивать, ободрять, он уже настроен на разговор.

- Знаете ли, молодые люди, перед вами человек дремучей категории. До меня, как до утки, доходит долго, да и потом не вдруг бывает заметно. Но уж если решусь! Ремесло у меня такое, требует основательности, размеренности,

обдуманности во всем. Промышляю я охотой. Давно, с детства. Привык к природной благообразности. А что там творится меж людьми и вокруг дошло, когда коснулось самого. Словом, тружусь исправно, дело знаю и люблю. Другой жизни не представляю. Да и •е гадал никогда. Привык к уединению, там чувствовал себя на месте, и лучше, чем среди людей. По дремучести своей женился, на кой указали старики-родители, особо не приглядываясь, как бы в угоду им. Но женка оказалась добрая баба. Однако не вдруг разумел, что в ней сидит женщина. Обязательно, чтоб суженый был при ней, как бы он ни любил работу. К этим притязаниям примешалось подозрние о моем бесплодии: долго не было у нас детей. А когда появился долгожданный первенец, тем более мне, дурню, надо бы быть ближе к семье, а я испугался. Неожиданное достояние, знаете, тоже выбивает из колеи. А во всяком деле, известно, свои беды. Появились некстати браконьеры, приходилось дневать и ночевать на заимке. Закрутилось дельце, пошла, завязалась и другая метель. Помощника, сколь не просил, не находили. А начальство оказалось рука к руке завязаны. А я дурак бьюсь как рыба об лед. Один в таком деле не воин, разумеется. А без свидетеля в лесу правды не вынесешь. И тут дошли слухи, что у моих остановились уборочники и что не все там бобыли. Что к бабе вера - понятие абстрактное... Мне бы идиоту задуматься о семье и чести, черт с ней с работой, трава не расти. Нет же, дальше в тайгу, борец, тоже мне. А там вдруг объявился начальствующий кореш по армейской службе. Показал что-то вроде лицензий, оказавшихся липовыми. Это я много позже выяснил. Ну и давай помогать ему... По-киношному, к нему другие из "шишек." же прибились. Пошла гульба на всю глухомань, распустил поводья, пью и тону в потворстве им. С похмелья скачу домой, восстанавливать право хозяина. Жена тоже не будь дура, ищет сочувствия у соседей, в сельсовете. Оказалось, после ничто не забывается, даже наоборот приплетается и наносное. Однажды на пьяную лавочку измордовал вал ее до синяков. На другой такой случай был оштрафован. Пора бы и одуматься, но я пуще озлобляюсь, А когда закрутились жернова правосудия - все привело к одному резюме: закоренелый преступник, маньяк, пьяница-дебошир. Пора изолировать, пока не убил никого, есть повод отправить в ЛТП... Так, в последний раз с пьяного угара лечу домой, чтоб подвести к разводу, не семейственный я, мол, бирюк лесной. Надо же нарваться на волчью тройку. И все им фартит. Лошадь устала, сам хмельной, руки озябшие, ружье в чехле и не заряжено, не успеваю... Настигли вмиг. На шапку, меховушки, полушубок - морды не поклонят, А, думаю, гадина, хозяина загрызут, ты будешь лежать, пнул своего единственного напарника-пса в бок. полетел с визгом. Ворвался в деревню - лошадь на последнем издыхании... Все к тому, остаюсь гол как сокол.

Ружье выпало. Со злости как наскочу на новых жильцов из лесорубов, будто они во всем моем падении виновны, жене по физию и за косы на улицу. Добился, чего искал: связали, отвезли в райцентр.

Рассказ-исповедь Воронина промелькнул, как ласточкин полет. Иссушенный исповедью, он смолк.

Минислам не скоро вышел из оцепенения, тихо, будто боясь разбить раненое сердце собеседника, спросил:

- А как же с побегом, батя?

-Бдитительно слушали. Надо полагать, наше поколение воспитало вас... Вы к тому, что я в бегах, и так всю жизнь? Да, сейчас я покинул ЛТП. До того покинул семью. Суть не в том. Куда прибиться, вот задача. Деру дать - раз плюнуть. Но как приземлишься, вот откуда надо плясать, Побег мой противоправны, безнравственны, а последний и вовсе противозаконный. Значит, туда и прийти надобно, к властям с повинной...

- Так снова в ярмо? Для чего было затевать? Другая статья добавится, - вырвалось у меня.

- Вот здесь-то вся моя дремучесть, молодые люди. Все надеюсь, что наконец-то выслушают, поймут. Неужели всякое отступление есть предмет осуждения?

- Предположим, вы докажете, что лечить вас нет нужды. А как быть с теми пунктами, что приклеились попутно?

- Вот на это и вся надежда. Я это долго обдумывал. Если бы признавал за собой грехи, не решился б на побег.

- Резонно, - как бы подытожил Ислам, - пожалуй, и я бы и я так поступил... Желаю вам удачи!

- Благодарю, молодые люди! Вы лишний раз убедили меня в праведности моего шага. Не зря открылся...

На некоторое время в купе воцарилась тишина.

Лично я задумался над словами Игнатъича. Мы действительно умеем сочувствовать случайным, А к близким привыкаем до того, что не замечаем, когда им больно. Несправедливо. Взять Минислама. Бежит от человека, ближе которого не бывает, - оставил мать, ценою здоровья подарившую ему жизнь. После долгих скитаний вернулся не к ней. При встрече, хоть кривя душой, что бы там промеж ними не произошло ранее, мог бы не выдавать свою неприязнь, он даже на ее приветствие не снизойдет ответить. А тут малосимпатичная, сомнительная личность его раздобрила. Как объяснить это? Что за субъект мой попутчик? До сих пор не имею понятия о нем. Где он провел отпуск? У отца ли, разведенного с матерью, у жены ли, разведенной неизвестно почему? Ведь даже враждующие, бывает, примиряются. Почему эти сын и мать не могут?..

Я так глубоко уединился в свои раздумья, что не заметил, как возобновилась меж ними беседа.

Минислам рассказывал, что всю жизнь мечтал о жизни робинзоновской. Но куда бы ни тыкался, везде люди. Вот уехал на Север. Вроде работает далеко от комфорта, в тундре, вдали от суетных городов. Но и там тесно. Те же производственные проблемы, конфликты, стрессы. Завидует одному приятелю живет в лесу, ружье у него, сеть, "Бурана, а трудов-то всего - раз в сутки проехать вдоль газопровода. Не жизнь, а малина. Или на радиолинейных станциях дежурные - все удобства на двоих в шикарной хате, тишина...

Слушал, слушал его Игнатъич и перебил тем, что от добра добра не ищут, что интеллигентно закидывает удочки, не предложит ли поехать с ним:

- Нет, мил человек, - сказал еще - Это должен решить каждый сам. Вы ищете не работу, а романтику. Разумеется, адреса не жалко. Повторяю, взвесьте все, подумайте, ваше ли это дело, примерьтесь. Ибо человек без любимого дела, все равно что ружье без патронов, никуда не годен...

Минислам промолчал.

Наша любимица принесла чай. Я спросил ее, для смены темы, не расскажет ли девушка, каково студентам в проводниках?

- Да, - проронила, обслуживая, - всякое дело увлекает, пока познаешь. По мне, и дня бы не работала, побывала в их шкуре неблагодарной, стало жаль этих людей. Дело нужное, а заботы о пассажире, да и самих никак, считай, никакой. Появилась мечта сравнить работу проводников других стран. Наверняка и эта сфера там на высоте, как всякий другой сервис...

- В самом деле, - согласился я с мудрой девушкой.

Минислам же спросил:

- А трудотрядовцы что, без помощников работают?

- Почему же, вот чай раздам, приберусь и сдам дежурство ночной смене.

- И тогда можно будет отвлечь?

- Какой же вы прямолинейный и настырный. Ваде ретро, сатанас!..

- Что-что? - переспросил Минислам.

Воронин расхохотался, перевел:

- "Не искушайте, сатана!" - говорит по-латыни, - Молодчина, умница! Как я вас отблагодарю за проезд?..

Минислам развел руками, кивнул мне, дескать, что я говорил, даже тут обзывают в точку. Но решил-таки прояснить:

- Так как насчет развлечения?

- Смотря что предложите...

- Предложение самое что ни на есть банальное - ресторан.

- А в шахматы уже трусите?

- Ну... чемпиону университета, думаю, мало интереса с неперспективным любителем.

- Обиделись. Ладно, не берите в голову, - озорно рассмеялась, обожгла черными жемчугами глаз. - Ничто человеческое студентам не чуждо. Можно и в ресторан. Она ушла по делам. Мой товарищ оживился. С удовольствием выхлебал чай, затем запрыгнул па свое место.

Я взял один из журналов, оставленных предыдущими жильцом каюты, полистал, не задерживая взгляда ни на чем, отложил и вышел а коридор, продышаться перед сном.

...Разбудил Минислам. Побритый, надушенный, свежий. И довольный, глаза сияют счастьем. Таким я его еще не видел.словно изменили человека. Хоть и не летает, чувствуется, открыт.

Неторопливо надвигалась пригородная зона Тюмени. Узнав очертания приближающегося города, побежал умываться. Не особо торопясь завершил свой моцион. Собрал белье, сдал. Тут в пору закрипели тормоза. Минислам будто растворился. Мы с Ворониным стали собираться. Народ, что ехал до Тюмени, повалил к выходу. Кричали встречающие, где-то смеялись, ругались - обычная вокзальная возня. Хорошо, оказалось стоим на первом пути. Стали пробираться к выходу. Раздался свежий, чистый, по-дикторски правильный бархатный голос:

- Погодите меня на перроне, ребята! Я сейчас, мигом, - кричал Минислам.

Игорь Игнатьич вышел весь потерянный, неуверенный, озирался по сторонам. Состояние, понятное дело, нешуточное. Если бы не просьба нашего попутчика, он бы с удовольствием растворился в толпе. Но интеллигентность проявилась и здесь. Он отвернул лицо от людей. Они ему сейчас некстати. Как раз выскочил Минислам. Довольный, как чемпион.

- Вот что, старики! Не знаю, что и сказать вам на прощание. Но одно несомненно: вы оба очень симпатичны мне, настолько, что жаль расставаться. Вам, отец, я обязательно напишу. Если будет трудно с реабилитацией, адаптацией, черкните, авось смогу помочь с вызовом. А теперь давайте прощаться!

С Игнатьичем они обнялись.

Я подал руку. Минислам не смутился, какие мелочи, проронил, чтоб услышал один я:

- Чувствую вашу антипа. Да, много грехов. Но все равно не поминайте лихом, храните моего Вельзевула И знайте, живет на свете бес - двойник его, но имени Ислам... Пожелайте ни пуха, чтобы он тоже когда-то напоролся на своего мастера, который вылепит из него личность... Прощайте, ребята! У меня еще неделя в запасе, надумал проветриться до конечного пункта "Н".

- Как?! - почти одновременно удивились мы, ошарашенные таким известием.

- Вот так! Попал в плен...

- А что она? - спросил я.

- Спит...

- И не знает?

- Знает, что я на все способен... Прощайте, старики, поезд трогается. Всего вам!..

Он лихо запрыгнул на подножку, в последний раз прощально взмахнул рукой и растворился, исчез чтобы никогда не встретиться со случайным дорожным попутчиками.

А я, не выходя из оцепенения, автоматически повторял:

- Прощай, Вельзевул, прощай...

Больше я его не видел. И вряд ли когда-либо увижу.

Возможно, и не вспоминал бы. Но каждый раз, когда накрываем на стол, напоминает о нем его предводитель Вельзевул, неожиданно выныривающий из опустошенного графина. Стекланные глаза ничего не расскажут о мастере, сотворившем его: где он, что делает сейчас, куда приткнулся в чем нашел себя, обрел ли покой мятежной душе, нашел ли свою судьбу и своего мастера, который сделал бы из него личность, как надеялся сам. Как изменились отношения в семье? Простил ли мать свою?.. Сколько в жизни встреч, но никто, как Минислам, не возвращался в память мою так часто.

Прошли годы. Волею судьбы теперь я сам живу на севере. Уже есть кое-какие наблюдения о северянах. И многие, наверное согласятся со мной, если скажу, что здесь в основном приживаются люди, сорвавшиеся с места: кто едет "за", а кто-то "от", в надежде поправить судьбу, найти свое место рядом с героическими людьми. И во многом эти люди загадочны, как мой попутчик Минислам. И тем интересны. Они очень любят такую жизнь, романтическую в глазах "землян" с Большой земли, дорожат каждым мгновением и умеют мечтать о будущем светло: вот когда вернусь, все будет по-другому...

ВЕСНА И РАЗЛУКА

Боты у Мансурика давно промокли насквозь. Но у матери тоже сапоги дырявые. И он терпеливо хлюпает по весенним лужам и слякоти. Устал к тому же, а виду не подаст, джигит как-никак. Лишь бы у маменьки не иссякли силы... Мансур уже понимает, что от усталости отвлекают разговоры и потому проявляет частое и чрезмерное любопытство:

- Иней <маменька, мамочка>, ай иней! А... почему здесь нету... дорог, а только эти...

- Тропинки?

- Да, тропиночки одни, И те какие-то не человечьи, почему?

- Здесь кончается наш район. Дальше другие земли...

- Как другие?

- Так-то оно так, земля - везде земля. Но для нас эти земли чужие, потому что они не твоя родина. И тропки эти

лесные жители-звсрюшки проторили. У них свои земли-участки, они здесь родились, живут. Люди также привязаны к родным местам, а между районами получаются такие полосы ничьи, вот и не ходили здесь. Может быть, где-то и есть дорога, но мы идем напрямиком. Весной все дороги одинаковы,

- А мы идем к своей земле, да, мамочка?

- Может, и будет...

Их снова встречает необъемная вода. Наметанные поземками зимние лежалые слега, оттаяв, собрались в лужи огромных размеров. Некоторые с целое озеро. Даже деревья и те стоят по колено в воде. Опять придется ехать на спине у мамы... И жалко ее. А что делать?..

Мансурик тяжело вздыхает. Но берет-таки у мамы узелок, садится на скрещенные сзади мамины руки, свободной ручонкой тепло обнимает ее за шю.

И поплыли навстречу безногие в воде осины, покачиваясь плавно в такт осторожным шажкам матери вправо и влево. Легкая радость блестит в глазах у Мансурика, но он не выдает ее:

- Энкей, энкеи, расскажи мне снова про детство.

- Надо же. А ты что, уже вырос из детства-то?

- Наверное, ведь я тогда не умел разговаривать...

- И не надоело тебе одно и то же?

- Ю-ук.

- Ну что ж, тогда слушай.

- ...Потом мы с тобой поехали в Тобольск. А в Карелино как-то оказалось много-премного пассажиров, как мы. То ли оттого, что дороги тогда развезло, народ, считай, со всего района нашего весь был там, на пристани. Ну и мы с тобой стали в очередь за билетами. А тебе же не выстоять, бегать охота, резвиться. Пустила с ребяташками, думала, поиграешь...

То ли от духоты и давки, или сердце почуяло тревогу, мне вдруг стало невмоготу. Попросила у стоящих позади сохранить и нашу очередь, сама взяла прогулять их дитя и пошла за тобой.

Вышла, увидела тебя - волосы зашевелились на голове: сидишь на высоком обрывистом яру, болтая ногами, и, как ни в чем не бывало, бросаешься землей в купающуюся внизу детвору...

Как подбегу сзади, как цапну тебя за одежонку, и мах обратно. Будто сердце мое провалилось, - а это яр обрушился после нас в реку.

А потом гляжу, в руках у меня по ребенку...

Народ ругается. Могла ведь и чужого дитя загубить, а забыла в страхе.

Вот какие мы с тобой счастливые, такую беду миновали.

Мансур любит слушать рассказы о себе. Не впервые слышал и этот. Но каждый раз они приходят в его детское воображение с новыми неповторимыми красками.

Некоторое время, обдумывая услышанное, едет молча. Чуть погода подытоживает:

- Я больше так не буду, маменька, ладно?

- Горазд же ты извлекать уроки.

Ноги у матери давно в воде. Мансур уже не видит ее сапог. Но не хочет напоминать ей о студеной луже и заводит новый разговор:

- А далеко еще до Омска-то?

- До него нам пешком не дойти. Сначала добрести бы до Олы-куля.

- А потом?

- Потом поглядим. Может, и останемся там. Добрые люди везде есть, улым <сынок>, лишь бы сам был человеком. Ну вот, мы и выбрались из воды. Спрыгивай, командир, не устал отдыхать?

- Нет. Ноги только отекли малость. А ты, иней, сними сапоги выжми носки. И отдохнешь.

- Заботливый ты у меня.

Мать и сын присаживаются на поваленное дерево. Мансур наблюдает с большим любопытством, как мать следует его совету, высматривая, приложив руку к козырьку фуражки, как это делал папа, нет ли впереди новой такой лужи.

- Кушать не хочешь, улым?

- Недавно же ели. Вот дойдем до деревни, горячего хлеба покушаем, правда?

- Будут у нас и такие дни... Ох и умеешь ты утешать маму. Таким бы и мужем вырос сердобольным...

Мать обувается, забирает у Мансура узелок и уже весело командует:

- Подъем, командир! И-и бего-ом, марш! Вот так-то! Не страшны нам ни вода, ни холода, да, улымка?

- И беда - не беда!

Согревшись в беге, пошли умеренно.

Но то ли чтобы отдохнуть, или обдумать каждый свое, на время умолкают. Однако как-то Мансурик улавливает влажный блеск на глазах у матери и, пытаясь отвлечь, утешить, сам того не понимая, усугубляет думу матери:

- Да не думай ты о нем, маменька. Он ведь сам выгонял нас всегда, когда приходил пьяный. Я вот не думаю.

А мать уже не в силах сдерживать слезы. Подхватывает сына, бежит, горячими от слез щеками прижавшись к нему, к самому близкому и родному существу:

- Как не думать, улым, как забыть? Он не чужой нам был, а отец твой. Никто не сможет заменить его. Никто и никогда, понимаешь, сыночек, никогда. Куда идем, к кому и к какому яру приткнемся. Да и где он, наш берег. Что нас ожидает впереди, будет ли нам лучше? Нельзя без отца, сынок. Нет людей без семьи, нет семьи без отца. В том и сила людская. Видишь, слышишь, птица грустит, когда остается одна. Дерево и то гнется уродливо, если растет в одиночку. Даже тучки и те плывут стайками дружными. Везде

уют и согласие, всюду покой, счастье и порядок, и радуется солнцу, потому что они не одиноки – так должно быть и у людей.

Мансур целует и целует маму в щеки, в глаза слезные, желая унять ее боль, пытаюсь остановить:

– Не надо, маменька, не плачь, прошу тебя, а то я тоже заплачу. Не надо, эни-и-и...

И, конечно же, сам от этого только пуще зарыдал...

Какой бы ни был джигит, а тоска гнетет. Одному больно. Один всегда слабый. Один – он оторванный от корня росток. Особенно тяжело, если росток этот еще очень мал. Потому дух его стремится к породившим его корням. И зовет, и манит к себе родной корень, плоть от плоти, удаляющийся сегодня с каждым шагом в неизвестное далеко, не подозревая даже, какую этот корень имеет притягательную силу.

Что бы там ни было, а родной отец навсегда вживется в сознание дитя добрым, сильным, красивым, единственным хорошим, каковым наверняка нередко мог быть в некоторые мгновения совместной жизни, полной любви и нежности, и останется в восприимчивой памяти маленького Мансурика именно таким, каким и должен быть настоящий отец у всех. ...Ослепленные горестными слезами, мать и сын натываются на одинокую, как и они в этот час, сиротливую у дороги осину. И, обняв ее, устало оседают к еще холодной и влажной земле.

КОГДА ПРОСНУЛАСЬ РЕКА

(пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максуд |
Тахир | учащиеся 10 класса
Рафис |
Сания |

Клавдия – бакенщица, 35–37 лет

Левый берег Иртыша. Пологий, протоптанный людьми спуск к реке. Редкие кусты ивняка. Чуть в отдалении виден дом бакенщика. Далекое, фоном, старый поселок лесозаготовителей. Еще дальше, на высокогорье, сплошной сосновый лес.

На ближнем плане старый остов когда-то застрявшего здесь, а ныне уже проржавевшего до дыр судна...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Иртыш проснулся от зимнего бездействия. Потянулся, встряхнув плечами. И затрещало по швам зимнее ледяное покрывало. Побежали ледяные глыбы, одни причудливее других, толпясь, налетая друг на друга, как бы стремясь в осколочной целостности доплыть до холодного моря. Наши герои застают реку в тот момент, когда она сердится на всю эту армаду, что и думать страшно о какой-либо попытке переправиться. Усталые путники – Максуд и Тахир – еле дотащились к берегу.

МАКСУД

(Сбросил рюкзак и повалился)
Конец двадцатого века. Цветы в космосе выращиваем! А тут все та же картина, все та же проза...

ТАХИР

Да... Не-ет! Что ни говори, а по мне так: не видать коммунизму эту, как затылок свой, пока не перепашем всю Сибирь нашу вдоль и поперек шоссейными, железными и прочими дорогами. У меня дед так и боится помереть, не видав живого поезда, валлахи...

МАКСУД

Не мудрено. Иртыш перейти и то нужен пароход.

ТАХИР

Как пить дать, заночуем сегодня на этом берегу, какие-то полкилометра не дойдя до школы. А завтра – старт последней четверти. Бурлит-то как сердито, а?

МАКСУД

Сунь палец – перекусит. Видать, недавно тронулась?

ТАХИР

М-да. Опоздали. Опять не застали. Ни разу не удалось мне застать пробуждение реки... Такую картину упустил! А сейчас? Все льды да льды. Хоть бы собаку какую понесло...

МАКСУД

Все это было бы прекрасно. Только лучше – с того бы берега.

ТАХИР

Это ты верно, валлахи. Однако тогда бы не до реки было... Что-то долго нет наших. Ромео и Джульетты! Хе!

МАКСУД

Специально отстали. Мы им, как помехи в эфире.

ТАХИР

Если заночуем здесь, не знаю кому позавидую. Вспомни, как брели домой.

МАКСУД

Да, хоть и тянет домой, но дорога есть дорога. На этот раз была несладкой. Что удивительно, у нее сил было не унять, вроде пичужка пичужкой. А порхала, как окрыленная. 'Помчишь, как стаскивала нас со скирд? Я точно, был готов... Стоило уснуть - крышка. Или сосульки к утру. Или калека в расцвете лет. Весна - не лето.

ТАХИР

К тому же, думая спрямить путь, заблудились в тайге. Сколько вхолостую грязи намесили, пока не наткнулись на нефтепровод. И встали же рано, в четыре что ли?

МАКСУД

Сумеречно было... Когда я дома повалился на койку, было за девять вечера. Семнадцать часов на ногах! А вам утром еще дальше идти... Проснулся около десяти, а ваш и след простыл. Мать говорит: "Саня вас растолкала и поминай как звали". Я весь день на корячках ходил.

ТАХИР

Сперва тоже еле двигали ногами. Со стороны посмотреть - будто гири к ногам подвесили. Увидим скирд соломы - брык туда с Рафисом. И снова бедняга за нас принимается. Как только терпения хватило? Будь одна, меньше б измоталась, валлахи. Ведь самой - дальше всех идти.

МАКСУД

У женщин это в крови. Природой заложено. Я читал, что мужчина погибает от потери половины крови, а они выживают, если даже останется всего одна треть.

ТАХИР

Вот и я думаю, откуда в них такая двужильность... Моя мать с пяти утра до восьми-девяти вокет на ферме. И все бегом-бегом. А вернется с работы - дома забот полон рот. Отец отработал свое - придет отдохнет, только потом за домашние дела. Всамделе, женщины выносливее нас. Видимо правда, что всевышний создал Еву из ребра Адама. Чтоб не знала устали. И все вокруг мужа. Такое нашему брату не выдюжить. Однако заболтались мы, Может, сходить за бакенщицей? Вдруг рискнет...

МАКСУД

И думать перестань. Мне еще рано на тот свет. Тем более - на дно реки.

ТАХИР

Надеешься, что пустит переночевать? Окочурился тут, на этом месте, ей-ей! Днем не пряник, а ночью еще пуще. Да и влага в почве, "Радик" обеспечен...

МАКСУД

Кто сказал" что нужно обязательно спать... Костер разожжем. Еще кто-нибудь подойдет. Скучать не будешь, не уснешь. Увидит, сжалится - сама позовет ежели за зиму не остудила совесть.

ТАХИР

Совесть тут не при чем. Дочь у нее красивая. Да и сама хоть куда Две холостые женщины. Тут и обидеть недолго. Вот и остерегаются. Я лично так соображаю, бильяхи.

МАКСУД

Ну, мы предполагаем, а бог располагает. Будем поглядеть. Мы сами-то кто для нее? Дети!

ТАХИР

Таких детей!.. Всех не прогреешь. А вдруг во мне мужчина проснется? Хе-хе!.. В накладе не была б, однако ж, (Смеются.)

МАКСУД

Пошутили и хорош. Надейся, но ожидай и будь готов к худшему, тогда все стерпится. Так вроде говорили мудрецы.

(Из-за кустов голоса)

- Ау-Ку-Ку! О чем дети судачат? О чем чалые плачут?
- На кривой дороженьке устали их ноженьки... (Смеясь, выходят Саня и Рафис. Они водружает свои ноши на рюкзак Тахира)

РАФИС

Ну что, ребяташки, мерзнем-скучаем?

ТАХИР

Пошел ты на фиг! Мало, что развалил рюкзак, сам чуть на голову мне не уселся. Иди ты к иблису! Что за выходки?

РАФИС

Бу-бу-бу! Обидели малютку. Сяня, дай ему пустышку.
(Убирает и располагает вещи рядом.) Я вполне серьезно,
джигиты. Как будем коротать время?

МАКСУД

Плясать будем. Хороводы водить.

САНИЯ

И с песней. "Перевоз Дуня держала, держала, держала..."

РАФИС

Это все принимается в приложении к моему предложению. Так
как тот берег нам нынче не светит...

МАКСУД

Ну и в чем состоит ваше предложение, мистер Раф?

РАФИС

Уже ошетинился наш еж! А мое предложение из одного
предложения. В одно слово: по рублю-рубliku. И в шкоду не
пойдем.

ТАХИР

Не пойдем потому что и так не дойдем.

РАФИС

Ну что? Молчание есть согласие, золотое правило! Золе не
нужны - не принимаются, а медяки и прочие - гоните!

ТАХИР

Ты что, рехнулся?! А потом? Месяц желудок на запор? У
меня отец не на министерше женат. И сам я не владею
банком, мистер Раф. Главное, с чего это вдруг?

РАФИС

Ты что это разошелся? Я что, у тебя прошу? Я с общества
советуюсь. Как оно решит - так и будет. Итак, здесь есть
джигиты? Ставлю на голосование. Кто "за" - прошу обнажить
плотке.

(Открывает рот. Сания сует ему веточку. Прыскает.) Ага!
Засмеялась - открыла рот, - значит "за"! Уже двое.
Половина компании есть. Ну, а вы, эфенди-школяры,
думайте, решайтесь! Как насчет обогревателя? Или проспали
доклад обществу трезвости? А я и говорю. Такса, почему бы
и нет? Ночь на носу... Итак, прекратим прения. Прошу
голосовать. Кто "против" - поднять руки. Ага? Поймал я
вас! Так-то. Все, эфенди, приехали! Голосование было
единодушное, что вновь доказало незыблемость наших рядов.
Возражения в письменном виде в вышестоящую инстанцию.
Гоним в котел! (Тахир долго роется в кармане. Из
бумажника достает трояк. Прячет. Дослал мелочь, считает.)

Э-э! Не, эфенди! Вы недопоняли. Я сказал "по рублю", но не сказал; на какой срок. Вы что думаете, на рубль мы будем сыты целые сутки? Рупь за час, эфенди! Вот наша такса. Это значит, если считать начало дня по учебному, с восьми... то нам осталось... двенадцать рупий,.. сумасшедший таньга!

ТАХИР

Ничего себе! Вы грабитель, мистер Раф!

РАФИС

От себя жалеешь, Такса эфенди, от себя, Небось, не пьешь, не закусывая?

ТАХИР

У меня варенье есть. И грибы.

РАФИС

Грибы не отвергнешь. А варенье оставим Карлсонам. Тут нужно посолиднее, сам понимаешь, из дефицитов. Макс! И ты, вроде, на нашем берегу еще?..

МАКСУД

Непьющий! Значит и закуска не обязательна.

РАФИС

Простите, эфенди! Допущена мною грубость крестьянская. Но а поесть вроде бы вы не против?

МАКСУД

И есть... нет... настроения.

РАФИС

Но ты же был не против на голосовании?

МАКСУД

Считай, что удачно разыграл.

РАФИС

Ты меня удивляешь, дорогой. Ты что, святым дулом сыт? Иль для себя прошу твои гроши? Идешь ты пляшешь! Питайся саксаулом, верблюд одногорбый. Вот это за нас, Такса, сбегай-ка направо, знаешь куда. И купи то, сам знаешь что.

ТАХИР

(Автоматически взял деньги.) Я? Вина? Не-с! Увольте эфенди! (Протягивает обратно.)

РАФИС

Кто тебе сказал вина? Кто сказал вина? Водки! Спирта! В такую холодрыгу... вина...

ТАХИР

Я не пойду. Нет-нет! И не проси! Мало что согласился, а и беги. Нет, не могу.

РАФИС

Я что ли побегу? Он же не дал денег, значит и не доверил свои! Ну!

ТАХИР

Да не могу я...

РАФИС

Через не могу.

ТАХИР

Не-не-не. Что ты... Чтоб я! За водкой? Сходи сам - не обломишься, эфенди-мистер, валлахи.

РАФИС

А ты чем лучше? Причина?

ТАХИР

Сказал нет" не пойду. Хоть режь.

РАФИС

Еще успею. Не для себя берешь, не сообразишь никак. Попросили дяди, дяди попросили, понял, дитя?

ТАХИР

Ну сходи сам. Идите вдвоем! Прогуляется...

САНИЯ

Да хватит вам препираться. Иди да иди. Давай сюда деньги. Я сама вам принесу.

(Тахир с готовностью вручает деньги)

РАФИС

Э-эй! Так не пойдет! Ты понакупишь, только доверь. Эх вы, джигиты двадцатого века... Ну ничего, оставим для вас другие поручения. Пошли, Санька...

(Удаляются, Тахир и Максуд некоторое время не разговаривают, слышен шум ветра, борьбы льдин. Из окна дома бакенщицы льется музыка.)

ТАХИР

Хитрый, блин... Все бы командовал, приказывал, повелевал. Такой благовоспитанный, такой вежливый паинька-мальчик... весь в себя... впору удавиться от таких. Ты тоже мне, святой. Вместе мы вместе. Не будешь ведь сторонним наблюдателем.

МАКСУД

Не воспитывай. Без вас устал.

ТАХИР

Не велика беда. Сейчас оклемаемся. А знаешь, я как-то в восьмом классе так наклюкался!.. Будто на крыльях взлетел. Ног не чую! Фаритка меня ради забавы саданет. Я лечу под гору, в сугроб. Выкарабкаюсь. И снова ныряю. И, главное, никакой боли не чувствую, ей-ей! Оба хохочем...

МАКСУД

А потом на линейке вся школа хохотала над вами.

ТАХИР

Да. Марьям как раз нас и заложила. И что ей это давало. Голова два уда. А ей отомстил. Помнишь классный час?

МАКСУД

История с поцелуем?

ТАХИР

Она самая! Снова заложила беседа девка-издевка... Потом у ей чернильницу раздробил из рогатки. Весь фартук обрызгало. Отглянулась, стрельнула на весь класс своими карими очами... Но так и не узнала. И давай реветь.

МАКСУД

И весь класс стоял на логах па классном часе.

ТАХИР

Молодцы! Никто не выдал! И перестала таки, ябедничать Проучили. Что значит всеобщее презрение.

МА КСУД

И влюбилась в тебя?

ТАХИР

Я! А боюсь до сих пор...

МАКСУД

Вдруг снова проснется ябеда?

ТАХИР

Сам то знаю. Боюсь и все! Ну чего все лежим да лежим! Давай хоть костер разожжем что ли? А то придут господин

эфенди-мистер и начнут антимонию разводить. Сказал же, найду поручения. Я пока хворосту насобираю, А ты сбегай, попроси у бакенщицы спичек.

МАКСУД

А удобно ли? Рафис придет, у него будет, он же у него практичный...

ТАХИР

Ты, право же, чокнулся, друг. Его ждать... чтоб лишние пошли нравоучения. Иди, дадут, поди, спички-то. Или скажи уж, лень

МАКСУД

Лень.

ТАХИР

Балбес ты, вот кто. Все тебе не то. Какой комар укусил? Хватит паясничать. Все нудишь, нудить, зануда. Не будь брюзжалой. Погреться-то все равно придется как-то...

МАКСУД

Вы же нашли чем греться.

ТАХИР

Не язви. Еще неизвестно, будет ли нам грелки этой... Может, не дадут еще. Скажут от ворот поворот. И вся любовь... Давай, сходи. Я, сам знаешь, плохо кумекаю по-русски, стесняюсь, и все прочее сопутствующее. А она баба острая на язык, ядреная, отчебучит чего-нибудь, а я буду стоять, ни рыба ни мясо. Давай... Ты ведь у нас авторитет по части болтологии. Не оробеешь, не полезешь в карман за словарем.

МАКСУД

Если Рафиса сумел уговорить! Я вообще молчу. Убедил! Разрешите отбыть!

ТАХИР

Отбывают в колониях, А мы - будущие воины. Идите!

МАКСУД

Есть идти! (Отправляется.)

(Тахир порылся в рюкзаке. Извлек ножик. Насвистывая мелодию, что слышна из окна дома бакенщика стал шарить на берегу. То появится, то исчезнет. Слышен треск сучьев, шум кустарника. Шумит Иртыш. Чуть погода, полетели на тропу к реке, где расположились ребята, куски старых дощечек, сухие сучки, щепки - все что годно для растопки. А затем с охапкой валежника появляется сам Тахир, все с той же мелодией. Все собранное складывает в кучу. Берет

щепки, настругивает лучины. К возвращению Максуда у него все готово.)

ТАХИР

(Принимая брошенные спички.) И что бы я делал без вас, мистер. Молоток! Досрочно произвожу в ефрейторы. Выше не могу. Занесет еще. Ну, как там она?

МАКСУД

Кто она?

ТАХИР

Ну, не корова же у бакенщницы. А сама, разумеется.

МАКСУД

А там их двое, как ты помнить. Которая?

ТАХИР

Ну, тогда они?

МАКС УД

Мать в расцвете. Меня лично дочь больше обслуживала,

ТАХИР

Надо же! И как она?

МАКСУД

Ничего. Заинтриговала.

ТАХИР

А раньше не интересовала?

МАКСУД

Представь, только нынче.

ТАХИР

Хо-хо-чу! Чудак ты, валлахи! Сколько перевозила нас и ничего, да? Стоило зайти! И - на тебе! Может, еще не проснулся? Вернее, только проснулся?

МАКСУД

Можешь себе представить... Только сегодня у них и проснулся. Разве так не может быть? Вот на уроках, например. Сидишь, остришь в рот учителю, а размечтаешься о постороннем и видишь совсем другое. Учти, что целая зима прошла, как ее не видел ты. Она очень изменилась. Похорошела!..

ТАХИР

Сравнил! На уроках скучно, поди, за 10 лет все учат и учат, вот и удираешь, хотя бы в мыслях. А все-таки. Как ты там?

МАКСУД

Вроде ничего необычного. Зашел. Поздоровался. Она сидела на диване с книгой в руках, на коленях кошка. Ну, соскакивает киса и давай обнюхивать мои сапоги. Она как улыбнулась! Мадонна!.. И говорит: у нее вкус к хорошим людям. Заходи, добрый гость!

ТАХИР

А ты и оплошал. Язык проглотил! Оробел!

МАКСУД

Как раз наоборот! Я же говорю, будто проснулся. Извините говорю, за непрошенное вторжение. Холодно, говорю, спичек дадите ли; на время, мол, просушиться надо, и все такое.

ТАХИР

Прямо так запросто?

МАКСУД

В том-то и дело! Не пойму, как это вышло. Я же раньше, когда она вместо матери пас вывозила, ни разу с ней не заговаривал. А сегодня все гляжу на нее... Во все глаза! Тут и мать выходит, с утюгом в руке. Я ей: здравствуй, матушка-хозяйюшка.

ТАХИР

Матушка-хозяйюшка?

МАКСУД

Да! И так складно это получилось, сам не пойму. В другой раз нарочно бы не придумал.

ТАХИР

И я говорю. Что-то в тебе повернули (крутит у виска).

МАКСУД

А мама Клава говорит ей: "Хватит пялиться, видишь, проходи человека пригласи, угости чаем..."

ТАХИР

Так и сказала?

МАКСУД

Именно.

ТАХИР

Кино, валлахи, сказочное. Ну и пригласила? Как ее, Руфина?

МАКСУД

Руфина. Она только вставать, а я сразу, простите, говорю, я не один, друзья, мол, дожидаются, не могу идти надо. Я бы с удовольствием, неудобно, не откажите в просьбе мне бы спички...

ТАХИР

"Не откажите в просьбе..." Что-то многовато нежности. И откуда выкопал?

МАКСУД

Руфочка встает. И ты представляешь? Я только тут и заметил. С меня ростом вымахала. Вот дал бог!.. Встает, значит, идет через комнату. А я? Каждый шаг запечатляю. Ну походочка!!! А волосы! Сбиты в одну прядь... И золотом отливают. И в такт так вправо-влево... По спине катаются. Эх, не художник...

ТАХИР

Да ты не хуже обрисовал. Аж заинтриговал...

МАКСУД

Но-но! Не очень-то!

ТАХИР

Уж и ревновать... Втюрился, точно!

МАКСУД

Можешь смеяться, не грешно. Как подала, как посмотрела. Будто утонул в ее глазах. Это бездонное озеро! Да-да! Голубое бездонное озеро. Как в сказках, дева и есть... И какая дева?! Куда там твоей кареглазой...

ТАХИР

Но-но! Осторожно, в огонь метишь. Не очень-то! Заболтался. Давай ближе к делу. (Чиркает спичкой. Но огонь сдувается ветрам. Берет другую. Не выходит также.) Подойди-ка, прикрой от ветра. Видишь, зря спички трачу. Иначе снова побежишь...

МАКСУД

Ну я что? Сложу с охотой! Была бы причина. (Тахир чиркает. Оба наклоняются, пряча огонь от ветра. Но снова неудача)

ТАХИР

Это тебя Руфина околдовала. Хочет видеть. Вот и зовет к себе огонь. На, пробуя сам!

(Но у Максуда тоже ничего не получается.)

МАКСУД

Да они сырые что ли?

ТАХИР

Сам ты отсырел. Оставь, не мучь. Рафис обсмеет обоих. Дай, попробую снова.

МАКСУД

С тебя хватит! Полкоробка кончил.
(Появляется бакенщица Клавдия. Наблюдает.)

ТАХИР

Чиркай скорей. Уж полчаса. А все как неживые.

КЛАВА

Чего зашущукались, загургуркали, татарчата-барсучата? Что затеяли, горемыки?

ТАХИР

Та вон спичками не зажигался. (Сказал и сконфузился.)

КЛАВА

(Смеется открыто.) Рано руки обморозили... придется попросить помощи у женщины.

МАКСУД

Да нет уж, увольте. Как-нибудь управимся, джигиты как-никак. Правда, Такса?

ТАХИР

(Максуду, как можно тише.) Да не давай ты мне говорить, дашь, насмехается...

КЛАВА

Чего вес нашептываешь, барсучок. Какой заговор учиняешь?

МАКСУД

Вы уж извините нас, Клавдия... Как те, простите, не знаю...

КЛАВА

Да ладно тебе! Величать - не так велика. И не так стара... Тетя Клава, если на то пошло. Будто впервые видите. Иль не я вас перевозила?

МАКСУД

В общей толпе все и бывало. Так близко-то впервые. Разрешите, если буду мамой Клавой...

КЛАВА

(Смеется.) Валяй, мамой так мамой... Но чтоб при мне по-русски. Понял, сынок?

МАКСУД

Да. И вы простите, ежели что. Такса – он стесняется своего акцента. Так-то он парень башковитый (треплет друга по шее, тот сконфужен). Темнота урманная!..

КЛАВА

Ну, зачем так? Человек десятый кончает как-никак. В люди выдается. Пограмотнее нас-то будете. Вот поедете в города. А там быстро наберетесь всего. Нынче это ничего не стоит. А ты как научился?

МАКСУД

Меня друг научил. Сосед. Вместе росли, играли. Он наш татарский знает, как я. Вся деревня его за это уважала. Да и сейчас...

КЛАВА

Хорошее дело, А раз так, почему же ты в райцентр не устроился? Там же ближе к нам. А тут река к тому же... Неудобства.

МАКСУД

Так вышло. Как-то боязно круто поворачивать. Друг не стал продолжать учебу. С ним бы и я пошел в райцентр.

КЛАВА

Но и в вашей школе сейчас перевели все предметы на русский...

МАКСУД

А!.. Что не пойдем – учителя тут же по-своему перескажут.

КЛАВА

И то верно. Может, оно так и надо...

(Возвращаются Саня и Рафис)

РАФИС

(Подходя.) Ну, как ваши дела, эфенди?

ТАХИР

Сперва было плохо, а теперь тем паче.

КЛАВА

Э-эй, мы так не договаривались. Сколько можно секретничать? Я тоже хочу понять. Или осерчаю...

РАФИС

{Легкий акцент.} О, сударыня – переправительница наша! Простите нас, темноту! Здравствуйте! Разрешите поцеловать ручку!

КЛАВА

Разрешаю... кобылу за заднюю ногу...

РАФИС

(Наигранно.) У вас интеллигентный юмор, госпожа ханума. (Ставит портфель.) Итак, будем знакомы. Рафис-барбарис-аферист. Эта вот ханум будет Саня. А с этими балбесами, и вижу, вы успели. Если мне за зиму память не изменили, будете тетя. Нет, не современно... баба... грубо и цинично, теща, вот теща – друг родной, королева голубых переправ.

КЛАВА

У вас все такие?

РАФИС

Не понял!

КЛАВА

У твоего отца. Все перевертыши?

РАФИС

Если вам не по вкусу единственный сын моего родителя, я вас не задерживаю, ханума.

КЛАВА

Оно и видно, что первый и последний. И слава богу. Перестарались.

РАФИС

И это ваше последнее слово?

САНИЯ

Хватит, слышишь? Надоело, корчишь из себя... Не знаю кого. Поди, старше тебя вдвое? Стыдно!..

РАФИС

Не встречай...

МАКСУД

(Шутя.) Не внимайте на него своего обращения, мама Клава. Он у нас не всегда такой. Наскоками лишь. Сегодня вот ледоход стронул.

РАФИС

Лед тронулся, эфенди! Макс заговорил! Что-то будет! Да теща?

КЛАВА

Если я вам действительно помеха?..

РАФИС

Вы нас правильно поняли, теща...

КЛАВА

...то я остаюсь, хорошо, малыши? Интересно мне стало! Да и как сказано поэтом-то? "Не оставляй детей одних! Дети балуются, пожар от них".

РАФИС

Ну, тогда зажигайте, джигиты! Мы вас заранее благодарим за тепло, жрица огня!

МАКСУД

(Незаметно для всех прячет спички.) Тахирка, спички дай-ка!

ТАХИР

А что, они у меня?

МАКСУД

Ты ж их маял.

ТАХ ИР

Я тебе давал...

МАКСУД

Во сне что ли?

ТАХИР

Ты ж зажигал, когда Клава... тетя Клава пришла...

КЛАВА

Вы опять не по-русски лопочете? И снова про меня? Надоело же... все гыр-гыр-гыр.

МАКСУД

Он спички потерял.

ТАХИР

Спички я тебе давал (запнулся тут же).

МАКСУД

Вот видите, покраснел.

РАФИС

Найдите человеку ее наследство, баламуты! (Вынимает из кармана спички) А мы свои не дадим... (Подходит, чиркает.

Огонь сдувается ветром. Пробует второй раз, то же самое. Ругается.) Максуд, а ну-ка, заслони ветер! (Максуд соглашается охотно. Но при каждой попытке Рафиса незаметно сдувает огонь со спички. Рафис настойчив. Вот он подносит зажженную спичку к лучине меж колеи. Та начинает возгораться. Тут сильный выдох выдает Максуда. Рафис локтем ударяет виновника в грудь. Тот опрокидывается на спину. Лежит и хохочет.)

РАФИС

На воре шапка горит! Спички ваши у него, теща Клава

КЛАВА

А теперь они мне что-то и не нужны стали.

РАФИС

Что ж тогда мозги пудрите тут сидите?

КЛАВА

Без музыки не пляшу, вот и сижусь. Раз у вас спички нашлись, то к своим интерес пропал.

САНИЯ (Рафису)

Ты что привязался к человеку? Мешает что ли?

РАФИС

Пора начинать греться. Будет тут торчать, как бельмо на глазу. И сама не станет, и нам не даст.

КЛАВА

Скучаю я с вами, однако же. Надоели даже. Всем не угодила. Скорее река очистилась бы что ли? Ну, лады. Пойду я, раз не горите уже. Дай спички. Максимка!

МАКСУД

Максуд я!

КЛАВА

Вот я и говорю {берет}. Прощевайте, детки, покедова! Или как там у вас? Хуш, сау бул?

РАФИС

Сай, сау, теща, исэн бул! Вот если дочку пришлете с музыкой, милости просим! Поди, ей тоже с тобой там не райское общество?

КЛАВА

Это мы посмотрим на ваше поведение. (Уходит.)

РАФИС

Надоела как горькая редька, карга в расцвете лет. Нашла причину – спички. Мужика ей надо! Весна! Просыпается все природное.

САНИЯ

У тебя сегодня что-то все набекрень в ту сторону. Скучно же им. Всю зиму вдвоем, одни. Вот и тянет к людям. Ты бы волком завыл на ее месте.

РАФИС

Кого тянет к людям, тот идет жить к ним.

ТАХИР

Кто тогда за бакеном будет смотреть, людей перевозить? На своем месте она. Завтра же пойдем с поклоном: "Перевезите нас", а ты – ханума, теща, госпожа...

РАФИС

Еще один народный учитель. Хватит языком молоть. Ближе к делу! Сань, стаканы! Такса, вынимай свои грибы и прочую закуску! А ты. Макс, зажигай костер что ли раз не дал другим. Эй, ты, куда пошел? (Максуд молча удаляемся к судну.)

МАКСУД

(Издаляка, удаляясь)
Разбежался. Сейчас, сделаю – доложу!

САН ИЯ

Отвяжись от человека. Поменьше бы приказывал.

РАФИС

Бери дальше. Устал, мол, от нашего общества. Он один всегда в ногу. А в классе кто-то из нас заложник.

ТАХИР

Не боись. Макс не такой парень.

РАФИС

Твоя гарантия, как вон те льды – временная категория. Ничего, мы еще с ним потолкуем. За ночь мы и прикинем, кто чего стоит. Тахирка (подзывает ближе и шепчет, чтоб слышал он один), тут дело такое. Я не достал. Пока Сания бегала к знакомым, нашел тару и... Все понял?

ТАХИР

(Тоже шепотом.) Ну и...

РАФИС

(Тихо) Рекогносцировка. Вернее, полная имитация, понял?

ТАХИР

(Так же.) А для чего? Не вижу повода.

РАФИС

Потом объясню. Ш-ш... (Громко.) Наливай, чего тянешь вола за хвост!

САНИЯ

Ты что это раскричался на всех? Окунись, а то вскипишь. (Тахир наливает на двоих. Сания разложила закуску. Рафис решительно берет стакан. Видя, что никто не решается, застыл)

РАФИС

Что вы за толпа, уф аллам? Слова никому не скажи. Индюки надутые, побить что ли вас? (Ставит стакан.) А давайте будем в кошки-мышки играть. Иди в ладоши хлоп-хлоп. Может, загадочки загадывать, давайте, детки, по очереди? И так до утра. Смирненькие! Послушные! Примерные. Тихие овечки... Будто нет никаких проблем. (Тишина. Лишь река шуршит льдами.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер догорает. Также шумит река. Шуршат ивняки на ветру. Изредка трещит костер, стреляют угли. Максуд у костра, уставился в одну точку. Сания и Рафис шепчутся.

ТАХИР

Ну что, братцы-кролики? Вроде и погрелись. Макнули-квкнули. Однако все та же скука, билляхи (смотрит на часы). Вай-вай, еще десять часов до рассвета. Пойду поразминаю кости (уходит и кричит уже издали). Итак, внимание, леди и джентльмены, господа эфенди! Смертельный номер! Только раз и только у нас?

САНИЯ

(Оторвалась от Рафиса) Чего он надумал? Эй, он что-то надумал. Высматривает что-то у реки. Что-то ищет. Ага! вон что. В руках палка длинная, Что он делает? Что он делает, ребята, надо остановить его. Он, он же на лед задумал. Ой (зажмурилась, отвернулась, затем оборачивается). Прыгнул что ли? Да, на льдину запрыгнул. Рафис, Максуд! Идите что ли? Утонет ведь... Уже на льдине! Пляшет! Допляшется ведь, вот смертник. Вот дурак, что он вытворяет!

(Парни встали. Рафис лениво махнул и снова сел, Максуд встал бросил пальто у костра.)

РАФИС

Брось. Не тебе его спасать.

МАКСУД

Если можешь ты, чего же сидишь?

РАФИС

Он не камикадзе, чтоб зря идти на погибель. Все рассчитал. Лыдина крупная, плывет вдоль берега. Возле пня пристанет снова. Тоже мне подвиг...

САНИЯ

Беги, Максуд, не слушай его.

(Рафису.) Труссы не бегают по льдам.

Вся дальнейшая сцена на берегу у реки. Появляется ушедший на выручку одноклассника Максуд. Он с длинным сушняком в руках. Бежит по берегу, кричит.

МАКСУД

На, палку, подтягивайся. Сильнее! Я удержу, не бойся, сейчас причалим. Чего упустил? Дурак!

(Река шумит трущимися друг о друга льдами, Голос Тахира еле различим: "Тяжелая, оказывается, гадина!")

МАКСУД

Прыгай с шестом! Скорей, поворот же там. Давай, а то уплывешь ведь! Уф-ф... Ну и дурак! (Не замечает, что до сих пор стоит с протянутой палкой о руках.) Ну и дурак... Шунта и...

(Сания усталая, осела где стояла)

ТАХИР

(Подходя с другой стороны.) Оп-ля-туф-ля! А вы и запужались! Я и ног не замочил. Ну и глубина была! Вот бы сфотографироваться, а? Когда еще представится случай? Всамделе, в последний раз ведь, а ребята? Первый раз в пятом классе было. Помню, чуть не угодил под лед. Но справился. Главное, прыгнуть как мокло дальше в центр и удержать равновесие. И вес, валлахи. С тех пор магнитом тянет в каждый ледоход.

САНИЯ

Лучше бы тогда утонул, сейчас бы порвал сердце другим.

ТАХИР

Будьте уверены! Для того и просветы есть, чтобы вынырнуть. Только не теряйся.

МАКСУД

(Не выйдя из оцепенения)

Ну и дурко... Да ты понимаешь?.. Я затрудняюсь, я теряюсь, я не нахожу слов. Ты кто такой, что за выходки себе позволяешь?

ТАХИР

(Невозмутимо.) Безумству храбрых поем мы песню - что еще. Грех, среди людей я робок, теряюсь. А сам с собой, как видите, на большие глупости способен. Знать, на что ты способен, как мне кажется, тоже нужно. Однажды залез на высоченный кедр и с самой крестовины, с макушки до земли, спустился на одной руке и одной ноге. Понимаю, что безумство бесполезное. Для посторонних от этого ни жарко, ни холодно... А для себя?!

МАКСУД

(Все также напряжен.) От этого твоего горе-геройства (не договорив, подходит и бьет того кулаком по щеке) в рыло охота, чтоб неповадно было

ТАХИР

А это ты зря, старик... (быстрым и резким ударом а подбородок, отбрасывает Максуда на несколько шагов, Сания бежит к ним. Рафис очнулся от угрюмых раздумий. Максуд плюется, медленно поднимается и бросается на Тахира. Оба валятся на землю.)

САНИЯ

(Подбежала, пытается разнять.) Прекратите! Слышите вы? Прекратите сейчас же? (Самодовольно ухмыляясь, не спеша подходит Рафис. Наблюдает за возней ребят. Улучив момент, резко пинает Тахира в живот. За ворот пиджака поднимает Максуда.)

РАФИС

Не умеешь драться, не лезь на рожон! А если бьешь, то нужно вот так (ловким ударом кулака в живот и коленам по склоненной голове опрокидывает его на землю). Сопляки!.. Мамкины дети без догляда остались.

САНИЯ

Ты... Ты хайван? Вот ты кто! Я... я тебя просила? Тебя просили так разнимать? (Вцепляется Рафису о волосы обеими руками.)

РАФИС

(Пытается разжать пальцы Сании, но постепенно сдается, садится на землю.) Сдаюсь! Ой, я сдаюсь, будь великодушна...

САНИЯ

(Разжимает руки, опускается на землю, плачет.) Дура я, дура! Какая дивана! Зачем, зачем мне все это нужно? К чему? С жиру беситесь... Делать вам нечего? Неужели нельзя по-людски? Однокашники, ээй... А что будет, когда понадобится ваша сила, дружба, локоть товарища? Где вы будете? (Встает, уходит к костру, постояв, медленно и тяжело бредет в сторону поселка.)

Парни одни. Лишь ухают льды, напоровшись друг на друга, шуршат на мели, у берегов. Течет Иртыш своей дорогой. Течет время. Максуд встает, отряхивается. Подбирает свою палку. Рафис настораживается, пятится назад.

МАКСУД

Не бойся, сам боюсь... Об дерьмо не хочу мараться (швыряет палку в реку).

ТАХИР

(Сокрушенно.) Оваций не последовало. Бурная и продолжительная тишь да гладь, божья благодать. Провал! (Встает, бредет к костру, достает бутылку.) Залезть что ли в тебя, бутылка порожняя... Или добавь мне по роже. Освистан, понимаешь? Нет, ты не поймешь (швыряет). Волком вой, но вряд ли кто услышит. Скучно с вами, господа эфенди! Скучно! "И скучно... и грустно... И некому руку... подать". Как было хорошо, а? Хорошо шли... Песни пели! Остановились - плохо! Стоять нельзя... Стоянка запрещена. Кирпич, господа! Приехали, вылазь. А-эх! "Перевоз Дунья держала. Держала... держала". Да не удержала, назло всем: плывущим, ползущим, сидящим, стоящим! Лежащим! Все лежат, все! И я посплю! А что? Идея! Я такой - интересней. Ну, лады, отбываю в страну снов, в розовую страну. Воздушные замки... молочный Иртыш... кисельные берега... Рахмэт за внимание, уважаемая публика... Спокойной ночи. Исен бул (ложится у костра, накрывает фуражкой глаза).

Тягостное молчание между Рафисом и Максудом. А Иртыш все так же несет свои воды и льды. Далеко в поселке зажигаются огоньки. Выключили свет и в доме бакенщика.

МАКСУД

За что ты ненавидишь людей? Вроде и не обделен ничем. Природный ум, превосходная память, способность к философским наукам, тяга к естественным... Чего еще? Спортивная фигура. Красив! Силен, несомненно. Девчата без

ума. И такой эгоизм. Не понимаю. Непонятно, откуда такая несовместимость.

РАФИС

(Нехотя.) А тебе зачем? Ты что, господь, чтоб я исповедь держал? Сам ударил человека, ни за что. Я решил, какие-то хочешь делать выводы?

МАКСУД

И я об этом, Разнимал. Формально! И справился хорошо. Но и расправился! Мы-то дрались-дурачились. Как бы ни били, но жалеючи. А ты душу отвел. Лихо удало!

РАФИС

Еще добавить что ли, чтоб язык прикусил?

МАКСУД

Это ты сможешь. А вот ответить? Боишься... Пришлось бы наврать. А ложь выдаст. Вот как.

РАФИС

Кто ты такой, чтоб я врал, оправдывался? За дело получили. Еще и в душу лезть.

МАКСУД

Я понять хочу. Чтобы впредь предостерегаться.

РАФИС

Иди и оглядывайся всю жизнь! Простая программа. Для тебя.

МАКСУД

Нет. Глаза не подскажут. Только опыт и холодное сознание. Если такие, как ты будут рядом, опасны последствия.

РАФИС

Чем это?

МАКСУД

Чтобы ответить, нужно будет погадать насчет твоего будущего.

РАФИС

Попробуй. На чужую жизнь гадать ничего не стоит. Слушаю!..

МАКСУД

(Напряжено думает: стоит - нет.) Попробую. Если хватит смелости не прерывать. Что ж, обнажай шпагу неприятель. Начнем с того, что далеко пойдешь... Да, это будет так наверняка.

РАФИС

Но милиция остановит?

МАКСУД

Не в науках, хоть и способен, корпеть - не для тебя. Ты любишь науки по верхушкам. Допустим, станешь инженером...

РАФИС

Это ближе к жизни. Дальше.

МАКСУД

Проторенная тропа Институт. Инженер. Не новатор, нет. Организатор, руководитель. Решителен, дерзок на поступки. Холодный расчет твой - не повторить ошибки предшественников. И миновать свои. Будешь продвигаться по лестнице служебной все выше и выше...

РАФИС

И это пока нормально. Как у всех советских людей.

МАКСУД

Это еще не страшно. И достигнешь ты когда-то предельной вышины. А она наступает обаятельно. Вот тогда-то... Нет, горлом, кулаками, обаянием, любовью ближних - не возьмешь. Потому что там, на предельной, уже нужна и голова... гуманная и дальновидная, не своего кресла, а масштабная. Тут и будет твоя стоянка. Она у каждого бывает. Своя остановка. Но ты этого не захочешь. И начнется в тебе скорпионство. Будешь разоблачать равных, критиковать, драться. Угнетать подчиненных, подсиживать начальство. И этому найдется преграда! Такое теперь не проходит. И озлобишься на работу, сослуживцев, друзей, жену, ее родственников. Словом, на все окружение. Если хочешь - на все общество. И станешь гадить. Там, где только это будет удаваться. Затравишь близких. Естественно, первой жертвой будет несчастная твоя супруга. Нет, не Сания. Ты только сейчас с ней. Нашел в ней куклу. Верную, до слепоты. А потом выбросить, как изношенную вещь. Эта твоя супруга будет дочь твоего начальника, на чью должность поначалу наметишь, что вероятно. И все прошлое будешь насаживать детей, внуков... Расплодится твое себялюбие в негодяев, хамов, рвачей, хапуг, подхалимов, карьеристов... Странно это даже представить.

РАФИС

Благодарственное рахмат тебе, Макс-ака! Пророчество требует силу духа. А ты боязнь свою изложил. Супермены в инженерии и руководстве, да и рядовой обстановке поднимаются там, где вокруг одни тьюфяки, медузы и хлюпики вроде тебя... Потому что такие, как ты - слишком

осторожны и хладнокровно расчетливы. Такие не делают революций! Ни в науке, ни в производстве. Гадалка... Это когда-то предки наши темные верили. То в бога, то в коммунизм мировой. А и живу сегодня! Завтра будет видно. Пусть дураки загадывают наперед. И сухари сушат. А теперь гуляй отсюда, пророк! Иди, погрей мозги, этик несчастный. Неохота связываться. Река выйдет из берегов от слез ваших.

(Затемнение)

Та же сцена. Наступают густые сумерки. Рафис и Тахир у догорающего костра. Максуд у реки. Издалека льется музыка.

ТАХИР

(Потягиваясь.) "Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна, я обещал, что впредь не буду пить вина! Но нынче, господи, я не даю зарока: могу ли я не пить, когда пришла весна".

<Здесь и далее Омар Хайям.>

РАФИС

Лед тронулся, мистер Такса? Вроде не заядлый читака, а даешь! Откуда это?

ТАХИР

Места знать надо. Специально для общения. Когда, вроде бы невзначай, такие мысли выкинешь, сразу как-то по-другому начинают смотреть. У себя в деревне испытал. Теперь начну анекдоты собирать. Только нужны такие, чтоб не повторял я другие Своя тема. Про зайцев, Василиваныча, армянское радио - все пошлые.

РАФИС

Предлагаю! Собирай неходкие в народе. Вот, скажем, о нас, о татарах. Есть же и такие. Например, как-то собрались татары и решают послать письмо в Верховный Совет, мод, несправедливо, столько лет живем в дружбе народов, а все в ходу поговорка "незванный гость - хуже татарина", просим пересмотреть! И знаешь, приходит ответ: ваша жалоба правомерна. Поговорку "незванный гость - хуже татарина отменить! Утвердить следующее: "Незванный гость - лучше татарина!"

(Оба хохочут)

ТАХИР

Лучше... незванный... лучше татарина... Ну, уморил, валлахи, вот это да! Н-е-т, у меня вряд ли получится так запросто. Это же надо суметь преподнести вовремя и

кстати. Ой, ой, живот мой?! Татарина... незванный... Лучше татарина. (Катается по земле, еле встает, садится, вытирает слезы.)

КЛАВА

(Появляется переодетая.) Чего так раскудахтались" татарчата? Аж земля трясется. (Максуду) Посмотри-ка, мил друг, льды там не раскрошило от их веселья?

РАФИС

Что, скучно, теща?

КЛАВА

Да, некому веселить, вот, думаю, может, вы поделитесь.

РАФИС

Лучше б дочку с музыкой прислала.

КЛАВА

Я и сама холостая. Чай, и без нее не усах. А где ж твоя дама?

РАФИС

Уплыла... Может, за дочкой споняешь? Что нам с тобой делать? Так, глядишь, повеселее бы посидели, погрелись...

КЛАВА

Ах, какой наглец! Ничего, я и сама справлюсь. Который уж год одна на два весла... Ну, а вы и втроем за одного не потянете. Так, с кого начать?

(Наступает на Тахира)

ТАХИР

Что начать, кого начать? С ума сошла чё ли? Раф, прогони ты ее, чего лезет...

КЛАВА

Гыр-гыруш! Ты, по-русски не бельмес, чего гыркаешь? Дай я тебя поучу!

ТАХИР

Ты! Ты, женщина, перистая, уходи давай, спи давай, чтоб перевоз делать завтра...

(Клава и Рафис хохочут)

КЛАВА

Красиво говоришь, барсучок. Говори, говори! Ха-ха! Дурачок какой! Али я стара, а? Ну, хорош! А то и впрямь подумаете что. Нате вам, дочь прислала: дай, грит,

отведать им горяченького. Сама не желает. Ей-богу! Я намекала, чтоб пришла, развеялась. Не в меня, какая-то домоседка. Потому и боюсь. Тихонь обычно и обижают. Бойкие, они на людях бесшабашные, а так завсегда строгие. (Вынимает из-за пазухи пирожки а газете и вручает в машинально протянутые руки Тахира.) По лицу можно прочесть, какой ты интересный малый. Доверчивый, простой. Хорошим семьянином будешь (собирается уходить).

РАФИС

Погадай, теща, и мне...

КЛАВА

Э-эй... без ножа режешь. Наедине, поди, мучаешься, совестишься.

РАФИС

Рахмат, теща, угадала! И за угощение благодарствуем. Лучше было б, если и сами разделили трапезу.

КЛАВА

Спасибо, что тещей прозываешь, надеюсь, сбудется твое предсказание. Только не дай бог зятя такого, как ты. Измордуешь.

РАФИС

Татарин словом?

КЛАВА

Закавыки в словах ищешь. Одно слышишь, другое подразумеваешь. Чего я с вами разговорилась? Ладно, пошутили и хватит! Все равно не так поймешь. Простите, хлопники! До светлого утра! И пусть увеличатся просветы меж льдов (уходит). "Шуми Иртыш, вздымайтесь, волны!" (поет дальше невнятно).
<Песня А, Алябьева.>

РАФИС

(Вдогонку.) Теща! Отпусти дочь! Не то в тети попрошусь!

ТАХИР

Я говорил... Говорил я! Сумасшедшая какая! Ух, сатана... И бреет, и режет. Ты видел, как лезет!

МАКСУД

(Подходя.) Не юродствуй. Добрая она. Дай попробуюстряпню.

РАФИС

Непьющий не закусывает! Ты, будто, говорил?

МАКСУД

(Ест.) М-м-м! Вкуснятина! С клюквой!

ТАХИР

Опять я же и крайний остался! Аллах вам судья, шакирды-гимназисты! Чего это бабы испугались? Может, она приноживалась?

РАФИС

(Ест.) Сам же и струсил.

ТАХИР

А че? Она ничего! Красивая! И все соответствующее па месте (показывает), чего не побалдеть с молодым? Мне дед рассказывал, в войну одни девки да бабы в деревне. Девчата боятся, когда-то может обнаружиться. А бабы... молодых навроде нас только так за уши таскали, скирды, говорит, соломенные с пашней ровняли. Выпьет баба - просыпается в ней тот самый змей-искуситель.

РАФИС

(Притворно.) Неужели в самом деле?! ТАХИР
(Жует.) Гу-гуй. Честное выпускное! Дед меня бесплатно натаскивает. Иначе, говорит, будешь, как я. Женили его родители. Молодой был. Будущую супругу и в глаза не видел. Как полагается, в первый день истопили молодым баню. А он вместо бани - в лес удрал... Сейчас, говорит, утек бы я! После бани!..

(Смеются)

РАФИС

Дельный у тебя наставник. Только, вижу я, не берешь в науку. Такой женщины испугался...

ТАХИР

Джин-парий она, не женщина.

РАФИС

Сейчас и в тебя пустим джина (откупоривает бутылку), Произнеси! Как там говорилось?

ТАХИР

О! Извольте, эфенди! (В позе.) "Отречься от вина? Да это все равно, что жизнь свою отдать! Чем возместить вино? Могу ль я сделаться приверженцем ислама, когда им высшее из благ запрещено?"

РАФИС

Аминь! Аллахи акбар! Бисмилло! Все, что творю, во имя Аллаха! Прости меня, господь... (подносит стакан ко рту).

ТАХИР

Может, будешь с нами, Макс? Чуток?! Ни боись, не выдадим, ни одна звезда не узнает, валлахи! (Видя, что бесполезно, вслед Рафису залпом осушает свою долю, чуть погодя, вспомнив, притворно задыхаемся.) Слава Аллаху, свершилось. Э-эх... Ух-хх... Вай аллам! Как ее пьют татары? Уй! (Хватается за горло.) Что-то не похоже на предыдущее. Что за джин?

РАФИС

Как к себе домой пошло, да? (Смеется.) И как бы приподнимаешься и паришь над землей, да?

ТАХИР

Да-да! На воздушной подушке...

МАКСУД

Иртыш вон, в двух шагах. Хоть весь выпей! И взлетишь! (Смеется.) Слава мудрецу, что варит зелье, которое все ругают!

РАФИС

(Провожая взглядом убежавшего к реке Тахира.) А кто? Кто знает-то? Ты, да кто-нибудь?

МАКСУД

В том числе и автор рубаи, которого ты слышал из уст Таксы:

"Кувшин прошептал мне:

- Тебе я был прежде подобен!

Не стало б того же с тобою,

Что стало со мной!"

РАФИС

Хм... А... что с ним стало?

МАКСУД

Опустел. Или разбили? Не помню. Хайям.

РАФИС

А... Слышал. На Омара выше стали?

МАКСУД

Помнишь, посылал нас в Татарку за продуктами? Там в сельмаге у них книжный отдел... всего две оставалось, иначе б и для вас с Саней взяли. Зато ты отдохнул лишних полчаса Любишь повелевать...

РАФИС

При себе Хайям-то?

МАКСУД
Нет.

(возвращается Тахир)

РАФИС
Ну, как там, купаться можно?

МАКСУД
(Усмехаясь.) А говорил, только первая тяжело идет!
Вырвало?
(Тахир угрюм. Поднимает бутылку, пробует горло на язык, плюется.)

РАФИС
Что, знакомого встретил?

МАКСУД
Поцелуй еще!

ТАХИР
Предупредил бы. Что я тебе, подопытный кролик. Там же...
(Опомнился, ищет слово.)

МАКСУД
Может, еще станете, а? У вас хорошо идет!

ТАХИР
(Сердито.) Слушай! Хочешь, сказку одну посвящу тебе?

РАФИС
За что я люблю тебя, Такса? Так это за то, что ради компании утопиться готов. Валяй сказку, Такс!

МАКСУД
И посвяти! Любопытно!

ТАХИР
И попробую! Начнем с того, что не помню от кого и когда слышал, но точно знаю – не читал. Мораль извлечешь сам. Короче, жили два горбатика. И так им осточертела их жизнь горбатая – ни в люди выйти, ни жениться на ком хочешь, что решили уйти от людей и жить одни. Долго ли, коротко ли шли, застает их ночь в глухом урмане. Стали ночлег устраивать. Но вдруг стал освещаться лес и обрастать голосами. Думают путники, что выследил их кто-то, и спрятались. И видят: поляну заполняют безобразные дивы, горбатые и уродливые, почти как эти двое. Стали они плясать, веселиться. И все толпой кричат, орут, поют: "Чаршамбе! Чаршамбе!" Наши горбатые думают, что они

кричат "среда", когда сегодня уже четверг? И приходят к мысли, что дивы не ведают о их нахождении здесь и, если обнаружат, то сожрут. Незаметно вклинились в толпу и вместе со всеми стали плясать и петь. Только один вместе с дивами кричит: "Чаршамбе, чаршамбе!", а другой: "Панджешамбе, панджешамбе!" Только солнце вставать, вся толпа давай хлопать друг друга по спинам и благодарить: "Рахмат, дружите, за компанию! Отличный ты парень, храни тебя Аллах!" И враз никого не стало. Смотрит друзья, друг друга не узнают! Один, который кричал и пел с дивами "Чаршамбе!", превратился в красавца-джигита, ни в сказке сказать, ни пером описать. У другого же вместо горба - два выросли... (Небольшая пауза.)

РАФИС

(Впадая в истерический хохот.) Браво! Браво, Такса. Браво тебе! А говорил, таланта нет.

{Присоединяются к Рафису и другие двое. Но поняв, что стал объектом посмешища, Максуд подавляет в себе веселье.}

МАКСУД

Ну что ж. Один ноль в вашу пользу. Пока. Но на каждый яд есть и противоядие!

РАФИС

Не высовывайся! И не нужно будет противоядий. Истина, правда, Такса?

ТАХИР

(Икает.) Кто не с нами, тот... против... нас!

МАКСУД

А двугорбый мне симпатичней! Твердил правду, не думая о последствиях. Верен своему "я". А тот предал. И себя, и товарища. Хотел бы я знать продолжение.

РАФИС

А... продолжения нету! Не правда ли, Такс?

ТАХИР

Д-да. Конечно! Продолжайте, господа-эфенди. Вызов брошен, кто следующий? Потом и подведем итоги. Итак, кто следующий? Сказку! Сказку хочу! Кто продолжит вечер сказок? Эники-беники ели вареники, ели, пили, сказку говорили! На Макса выпало!

РАФИС и ТАХИР

(Вместе.) Слушаем! Слушаем!

МАКСУД

Я действительно не хочу, как все. Расскажу не сказку, а сон. Да, сон... Со мной вот что происходило. А приключилось со мной следующее. На вторую ночь после того, как мы приплелись, весь дом всполошил ночной гость. Разбудил вой сирены. И вваливается к нам мой дядя по материнской линии. Растормошил всех. Как улей в дому. Столько лет пропадал на северах, не ждали, не гадали, как говорится, ни привета, ни ответа - и на тебе. Объявляется, как снег на голову. Больше и не ложились. А утром велит мне собираться в дорогу... Родители ему - куда, зачем, сколько не виделись, погости, И дрова вот пора заготовливать. Вместо того, чтоб вспомнить, как это делается, последнего помощника отрываешь. А дядя, с присущим ему оптимизмом: пусть, мол, на мир посмотрит, а приедем - сам вам дрова заготовлю, на две пятилетки! А ему, говорит, я должен помочь, так как еще зимой о нем ничего не знал, а летом уже будет поздно. Говорит, ни подозревал, что племянник вырос. И мятущаяся душа, как я понял. Письмо, мол, его меня всего вывернуло. Без всяких абы-или, увезу с собой и все тут. Уговорил-таки! И повез! Не куда-нибудь, в Казань-абад! В древний Казань-град! В мечту мою! Да! Это был сон! Это был сон, я вам скажу, всем снам сон! Увез он меня, привез на родину своего коллеги и друга, который тоже находился в отпуске. О-о! Это не пересказуемо...

РАФИС

Как же! Сон ведь.

ТАХИР

Не перебивай. Пусть врет дальше!

МАКСУД

Да, сон! И как они весело проводили время?! Ну, и я с ними, с боку припека. Хотя я сам так не чувствовал. Водили меня по городу. У Друга там родственники, друзья, однокашники. Визиты, встречи, знакомства!.. Где только я не побывал! Университет Володи Ульянова! Ведь там будущий Ленин учился. А я - пылинка! - по дорожкам, по скверикам, где он ходил, брожу... Вот пекарня Пешкова, где будущий Горький себя выпекал. Тукаевский парк, вдохновенные места! Вот тут Джалиль застыл в мраморе, из колючего плена вырывается! А что стоит соприкосновение с его моабитским оригиналом? Они такие крохотные. И бисерным почерком, тонкими линиями простого карандаша! Выводил украдкой "Клопа", "Варвары", "Красную ромашку"! Такие мысли! Воистину лучше раз видеть, чем сто раз услышать... А башня Суюмбике? Вот истинное чувство к родной земле!

ТАХИР

Слишком подробный сон. К чему?

РАФИС

И я думаю, не вижу двугорбого! Где резюме, эфенди-путешественник? Хорошо там, где нас нет?!

МАКСУД

Не ехидничай. Даже сам дядя не пытался знать, чего я постиг от этой поездки. Нарочно. Сам-то знал, для чего меня повез! Ни словом, ни намеком даже не обмолвился, не спросил, какие я сделал для себя выводы. Даже уезжая, лить молча посмотрел мне в глаза и сказал; "Помни, все дороги мира ведут домой..."

ТАХИР

Прости, пожалуйста! Осмелюсь прервать, Ты сказал: он уехал. А как же дрова на две пятилетки?

(Рафис и Тахир смеются)

РАФИС

В самом деле, тут и должна быть мораль, как мне кажется...

МАКСУД

Не беспокойтесь, без дров не остались.

РАФИС

Ах, да Он же северянин! Деньги длинные, показал - и все в очередь стали: "Продаю..."

ТАХИР

Ладно, пусть доскажет сказку-то. Вернее, сон, простите. Интерес меня взял, валлахи. Что бы извлек я от куска красивой жизни в городах?! Тем более на халяву...

МАКСУД

Смеетесь. Шут с вами! Действительно, стал скучать по дяде.

РАФИС

Будто недолго осталось ждать. Экзамены, аттестат в зубы и анда, к дяде на севера! За толстым кошельком. За туманом идут только дураки! И тоже будешь навещать ночными гудками. Сорить деньгами...

ТАХИР

Буди меня первого? Чур!

МАКСУД

Да нет... Я так раньше думал. Теперь понял, правда поздно, нужно взяться за учение.

РАФИС

Ха-ха! С первого класса долбят: "Учитесь дети, ученье - свет!" А мы не хотим. Ну и открыл!

МАКСУД

Ничего вы не хотите понять! Вот скажите на милость, какие вы в себе знаете способности? Которые не развили...

ТАХИР

Я-то? Я лично потерял в себе академика Амбарцумяна! Трубы подзорной не купили мне в детстве. Сейчас нет у меня Бюраканской обсерватории. А ты, мистер Раф?

РАФИС

Мне уже расписана дорога. Оказывается, до инженера доползу!

МАКСУД

(Не обращая внимания.) Никогда вы так не смеялись, как посмеялись бы - увидь меня: в окружении казанских татар... Наш сибирский и их язык, а он в книгах, что мы не хотим изучать в школе, - это, если хотите: камень и лед... нет - лед и мед... вот.

ТАХИР

И это ты хочешь нам открыть? У любого многочисленного народа есть свои диалекты. Возьми китайцев. Говорят, уедет один за тысячу километров - и ищет переводчика.

РАФИС

Сравнил! Их миллиард! И не одна нация, кстати. А нас-то всего... и не понимаем друг друга. У нас дома ость грампластинка с песнями крымских татар. Я на слова не понял!

МАКСУД

Вот поэтому и должны мы знать общий - казанский, более древний и литературный, и вообще... очень красивый, мягкий, певучий. Тукая великого язык. Не знаю, прав ли он? Но, мне кажется, мы здесь постепенно теряем что-то важное для себя. Что точно узнал, так это: из более чем двухсот человек писателей Казани - ли одного сибиряка! Вот почему нам порою не интересны их книги, в них как бы чужая жизнь. А почему о пас нет? Не дорос никто? Те песни, что по радио слышим, там отпеты десять лет назад.

РАФИС

Давай на них войной!!! Не даете нам продыхнуть! А ведь вас там всего-то ничего, двадцать процентов! Ха-ха, хуху! Дружба народов ведет к единому языку! К одной

культуре! Диалектика! А ты по прошлому плачешь. Зачем мне твой, мой родной? Чтоб со старухами изъясняться? Ни в одном институте! Ни в одном. Даже маленького плюсика мне не поставят за то, что я владею двумя языками в своей стране! А иностранный? Пожалуйста, извольте удивить. Лучше б вовсе не забивали мозги. Пусть изучает кто хочет! Я лично – за. Как есть, будет и должно быть! У меня сестренка Алифбу труднее осваивает, чем букварь. А вес предметы на русском! Бес! Вот она будет грамотнее, чем Тахир, чем я, чем все мы. Чтобы никто! Чтобы никто, понимаешь, даже шутя не мог тыкать в морду: "татарва!" А то только этим и попрекают: "Триста лет ига!" В автобусе мне один: "Ермака вам мало?" Кто-то когда-то с кем только не воевал? А до сих пор я должен чувствовать себя виноватым? Однажды пнул одного односельчанина по непотребному месту. Да! Лежит, понимаешь, алкаш несчастный, залез в крапиву, вылезть не смог, а матерится по-русски, и то с акцентом!

ТАХИР

Ты прав, Рафиска! Ты прав! Клянусь аллахом, я тебя поддерживаю! Почему я плохо владею русским? Потому, что деревня! Рот только открою – сразу видно: темнота... А в город поеду, так и скажут: ты где, мол, такой родился? Не-ет, эфенди! Я не хочу быть двугорбым. Я за "чаршамбе"!

РАФИС

Именно! Так что пей и пой! Лишь бы школу спихнуть со своей дороги. А там все пойдет своим чередом, как вода в реке. И забудем о сегодняшней остановке. Иртыш очищается ото льда, но не повернет вспять!.. За "чаршамбы".

(Незаметно вернулась Саня).

ТАХИР

Ха! Лед тронулся, эфенди! Саня наша вернулась!

РАФИС

Явилась, не запылилась? Прошу к столу, Санкя-ханум? Не ругаете – стол полон – и на том спасибо!

САНИЯ

Не обпились еще?! Пришла за вами. Подруга выкрала ключи у матери. Переночуем в красном уголке лесхоза. Тепло натоплено.

РАФИС

Вот что значит женский пол! А мы еще не додумались об удобствах... Одним днем живем, господа-джигиты. Романтики! Тишина, звезды, дым костра и ледоход! Грех не отметить. А жизнь, Макс, все равно свое берет. И ночевать

где-то придется. А Саня - она смотрит ни жизнь практичнее. В том и корень всего! Выбрось ты эти эфемерные материи из головы. Садись с нами.

САНИЯ

(Заметила.) Уж вторую раскупорили? А ну, переверните свои стаканы!

ТАХИР

(Будто пьянея.) Нет, Сания-ханум! Начатое - доверши! Вот лозунг мой и Солнца! Прав я, Раф?

РАФИС

Нужно идти, братья джигиты! "Когда женщина просит..."

ТАХИР

"Бабье лето ее торопить не спеши!.." Или спеши? Не помню. Не спеши. Не спешите, до утра далеко ключ у нас, кто гонит? И костер еще на нас работает. Мне и так хорошо, валлахи, посидим, помечтаем... Да! Очередь не двигается! Я сказку хочу! Сказку хочу, братцы-кролики. Кто задерживает очередь?

РАФИС

Действительно! Ах ты, светлая голова! Макс, не задерживай очередь, сзади и женского полу есть. Ты же нам сон рассказал, хоть и романтический, но не похоже на сказку.

ТАХИР

Да! Я даже поверил!

РАФИС

Давай уж, раз обмолвился, расскажи о Суюмбике! Попроси, Саня! Тогда и пойдем. Очищенные от своего сибирского невежества. Начинай, пока я еще... соображаю. А то ведь знаете, пьяный только себя слушает. Так, Такс?

ТАХИР

Сказку! Сказку, ку-ку...

САНИЯ

Максуд, прошу тебя, не связывайся. Доскажи, что начал...

МАКСУД

Ничего полезного для пик не рассказать. На критическую волну настроены.

РАФИС

Почему мы? Сам только что доказывал: тебе дядя открыл глаза на мир наш противоречивый. Давай уж доври дальше, да пойдем.

МАКСУД

Ну хорошо. Только слово джигита! Сказал - отрубил! Не пойдете - мы вас покинем. А Суюмбике, Саня, это башня в Казанском кремле. Меня дядя возил на каникулах.

САНИЯ

Да?! Вот это здорово! Казань! Казань! Кто тебе сказал, что я тебя когда-нибудь покину?! Всю жизнь мечтаю хоть краем глаза посмотреть!

МАКСУД

Давай поедem поступать туда! Объясним, мол, хотим, чтоб и в Сибири татары знали ваги литературный язык...

РАФИС

Э-эй! Не ту сказку начали!

ТАХИР

(Будто засыпая.) Сказку надо мне! Сказочку... Пр... Суй... буй... ике...

МАКСУД

(Махнул.) Жаль, не поймут. Короткое о длинном будет выглядеть так. Взял Иван Грозный град Казанский... решил сравнить с землей. Да увидел девушку невиданной красоты и взмолился: "Не трону и камня вашей столицы, только будь моей супругой желанной!" Долго думала Суюмбикс, И согласилась. Но поставила условие. Хочу напоследок налюбоваться родиной своей. За семь дней и ночей построй мне семиступенчатую башню выше всех имеющихся. И о себе оставь добрую память. Принял царь условие. Собрал всех своих мастеров. И стала подниматься ввысь красная башня. Да и с наклоном, чуть меньшим Пизанской, будто в поклоне Руси. Смотрит невеста: быстро дело двигается. И через три дня вносит поправку в свой женский каприз. Что, мол такого оригинального в четырех стенах. Кубики какие-то... или ты тюрьму ставишь? Дальше возводите так, чтобы глаза радовала. Собрал царь в помощь мастерам войско свое. Все войны прекратил, и выросла башня! Красная среди белых. Как красота Суюмбяке, затмила другие. Поднялась она попрощаться с родным краем. Как взошла, глянула. Не налюбуется. Не смогла оторвать взгляда - сердце трепещет от восторга, не уедать на чужбину. И осталась она... Бросилась в объятия земли родной. Такая вот легенда о башне.

(Рафис почти не слушает. Пододвинулся к Синие. Саня вся ушла в легенду.)

МАКСУД

(После раздумья, которого никто не прерывал.) Поклялся я возле той башня, что обязательно приеду к ней – к Суюмбике... И вес свои дела подчинить одной мечте.

РАФИС

Но ты говорил, что Суюмбике на родине осталась, а ты... Не вижу логики, господин доктор татарских наук.

САНИЯ

(Убирая его руку.) Выше носа гляди! Он и хочет поехать, чтобы потом вернуться...

(Рафис хохочет. Следует его примеру и Тахир.)

МАКСУД

Эх вы, "чаршамбы". Ну, хватит, идемте спать. А то проспим.

САНИЯ

Вставать, воины, подъем!

ТАХИР

Да. Да, да, да! Будем спать (валится набок). Утро... вечер- ядрено мой...

(Сания и Максуд действуют решительно. Закидывают за спины вещмешки. Поднимают и волокут Тахира, которому хочется расхохотаться от этого спектакля.)

САНИЯ

(Рафису.) А ты догоняй давай!

РАФИС

Сейчас {про себя}. Успеете, на том свете отоспитесь. Такой вечер! Звезды... и тишина. А тут женщины скучают. Что за НЛО в тереме том спрятано... от кого? Должна же она выйти перед сном...

(Поднимает свой мешок, стоит в раздумье, бросает, пинает, направляется к дому бакенщика. Но вдруг останавливается. Из-за останков буксира возвращаются ребята.)

Вы чего это? Идите, как шли, я же сказал, догоню, значит догоню. В красном уголке, помню.

САНИЯ

Ударило в помыслы? Пошли спать!

РАФИС

У-тю-тю! Ты моя Саночка! Конечно, иду! Скучно без меня?

МАКСУД

Слушай, не будь идиотом!

РАФИС

(Зло.) А ты? Вообще! Задолбал ты меня сегодня. Сделай вид, что тебя не видели!

ТАХИР

Раф! Пошли, а? Из-за тебя меня повернули.

РАФИС

Чего вернулись? Зачем? Что я, ваш подопечный? У каждого своя голова. Каждый своим умом должен жить, слышите? Что вы меня в общую телегу впрягаете? Кто вы такие? Пошел с дороги! Прочь, кому сказал!

МАКСУД

А поднимал тост за "чаршамбе". Теперь не хочешь быть а общей упряжке. Где логика?

РАФИС

Пошли вы все к... У-у-топлю, как цыплят! Чего в душу лезете? (Поднимает палку).

САНИЯ

Ну-ка, попробуй, ударь! Меня первую!

РАФИС

Саня, уйди. Уйди, прошу тебя. Сань! Не раздражай. Кому говорят! (Оттолкнул ее а сторону, бросает палку, рывком к себе привлекает парней за грудки.) Кому было сказано, не нервнируйте меня? {Тычет друг об друга.) Кому не хватало от меня? Тахирка. Тебе добавить? Будешь мне мешать?

ТАХИР

Нет, Рафиска, прошу...

Голос:

Стоять! Руки! Кому говорят, руки! (Холостой выстрел.) Ну! (Тахир еще в согнутом положении поднимает руки. Растерянный Рафис отпускает их, поднимает руки, озирается Максуд поднялся, опустил голову.)

КЛАВА

(Появилась С ракетницей в руке.) О!.. Да это же мои женихи! А я-то думаю, чти за черти тут драку учинили? Оказывается, вон кто?! Игралась, дети? Ну, поиграйте, и я погляжу. У мену дочь серьезная выросла, так и забыла я, как дети балуются. А! Вы, значит, почти по-взрослому (пинает пустую бутылку). Джина пустили вовнутрь... Хороший предводитель! Научит. А я вот заскучала вдрут, думаю, и ребятам, поди, невесело, вышла было

пригласить... в баньку. Она у меня нагретая. Не хоромы, конечно, но постелила на троих. Девушке и дома место нашлось. С собой пустить- оробела малость. Слишком серьезные у вас игры, дети. Али не желаете? Али вас другие успели пригласить? Чего воды в рот набрали? Ну вы решайтесь! А я подожду... (удаляется). Кавалеры, без шуток! Ауфвидерзейн! Или как там? Сау бул? (Наблюдает со стороны.)

(Ребята приходят в себя. Робко поднимают вещи, уходят. Тахир, озираясь, возвращается с опаской, все оглядываясь, бегом поволок свой мешок по земле, догоняя остальных, скрывшихся за катер. Вдогонку Тахиру свищет и хохочет Клавдия.)

КЛАВА

Э, дети, дети... Чем вы старше, тем больше бед с вами. (Засунула ракетницу в карман, пнула ногой палку, напевая "Шуми, Иртыш" - уходит.)

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Позднее утро. Тихо течет Иртыш с поредевшими льдами. Так было из года в год. Лишь берега меняли свои очертания, ломая облик деревень, прижавшихся к реке, жизнь людей. Тишина! Так было всегда: люди засыпали и просыпались, как и сам Иртыш. Что бы там ни было, все возвращалось на круги своя. В тишине наши герои прибрели обратно- Тахир и Рафис не выспавшиеся.

ТАХИР

(Упал возле вчерашнего костра.) Как мерзопакостно себя чувствуешь, когда с утра не почищены зубы. Будто кошки нашкодили.

САНИЯ

{У реки уже} ...Ребята! Максуд! Подойдите-ка сюда! Гляньте, какая красотища! Солнце в реке купается! Со льдов пыряет. Замри, мгновенье! Жалко, не запечатлеть, А льды заметно поредели. Время вес переживет. (Подходит Максуд.) Смотри, Макс, Солнце! Вон ту глыбину видишь? Солнцем просвечена - все цвета радуги. Ой, какие цвета! Ах, как жить хочется!..

РАФИС

(Уставился в одну точку.) Ребята, разожгите костер!

МАКСУД

(Не обращая внимания на голос Рафиса.) Саня, гляди, следы. Видишь, к воде полоса (исследует). Следы? Кирзовые новые сапоги, подковали. А рядом... Товарищи, кто-то уже переправился... Точно! Погодите-ка, я сбегая (убегает).

РАФИС

Саня Может, обратно пойдём? Говорил же, рано тормозишь... Теперь все равно не поедем.

САНИЯ

Как раз поздно.

РАФИС

Чего там ругаешься? Не слышу.

САНИЯ

Наоборот, опоздали, говорю.

РАФИС

Да бросьте вы, свои же следы не разберете?

ТАХИР

Ох, как подремать хотелось, а никак. Спугнули сон.

РАФИС

А ты запахнись в свой футляр. А то прислушиваешься ко всякому шороху.

САНИЯ

Не видно. Ничего не вижу солнце не даст.

РАФИС

Громче! Если говорить, то всем.

САНИЯ

Я и так почти кричу. Попрыгай на одной ноге, может, уши заложило от вчерашнего.

РАФИС

(Подмигивая Тахиру) Ну и не кричи, перепонки порвешь.

САНИЯ

Тот берег в тени весь. Все темно, ничего не разобрать,

МАКСУД

(Бежит, крича.) Точно! Саня, переправились, лодки там нет. Проспали!

РАФИС

"Проспали..." Радоваться надо. Значит, и нас перевезут. Переправа проснулась - аксиома.

САНИЯ

Почему же так рано? Может, кому-то нужно было срочно... И лодка... неизвестно, когда будет назад. Вот и радуйся.

РАФИС

Тогда пошли обратно. Холодно у реки. Выспимся хоть, все равно к урокам опоздали. День впереди еще, успеем переслать. Чего зря здесь погоду ждать?

МАКСУД

Хватит, прождали. Никуда отсюда ногой, даже если уйдете не двину. Лодка на том берегу, это факт. Теперь надо выяснить, где сама Клавдия. Если она дома, значит лодку увели. Если же ее пит, еще есть надежда: вернется – перевезет. Если лодку украли, долго придется ее ждать... Никуда не уходите, пока я не вернусь (уходит).

(Тишина. Только легкий плеск воды, перебиваемый голосами домашних животных вдалеке. Изредка слышно шуршанье льдин.)

САНИЯ

(Подходит к воде. Стоит в раздумье. Приседает, машинально черпает, ладонью воду, выливает, мокрой рукой проводит по лицу, преображается.) Словно живая водичка-то! О, побежала! Освежает дак! Вот же она – живая вода... Сумей только понять. Сколько жизни в тебе, трудяга. Ты я кормишь, и поишь, и возишь. Конечно живая! Даже сомневаться нечего! Раз живая, то будем дружить? Подарим друг другу что-нибудь, а? На, держи мою руку! Чувствуешь тепло? Возьми себе, возьми, сколько хочешь (счастливо улыбаемся). Взяла! Значит, не отказываешь в дружбе?! Будем дружить, река! Вот моя рука, дай мне свою... Хорошо-то как! Не хочу никуда. Хочу, чтобы так било всегда: ты и я! Теперь я понимаю, почему Клавдия такая! Понимаю!.. Добрая я красивая. А еще красивее душа ее. Это ты ее одарила? Сознайся! Ты, ты, ты! Бери, проси у меня, что хочешь! И подари мне что-нибудь! Смелости, как у Клавы... Доброты чтобы хватило надолго, как у нее... Ну, капельку! Хо... дает! Дарит! Беру твой дар, река! Беру, как урок, будь по-твоему; чтобы было всегда и хватило на всех! Спасибо! Как хорошо!

ТАХИР

(Еле переворачиваете" на спину.) Слушай, Раф, что-то сердце щемит. То ли в самом деле я внушил себе опьянение... Интересно, одно время не на шутку захмелел. Так и не понял ведь, для чего мы вчера имитировали пьянку?..

РАФИС

У нас в классе есть стукач. Я, ты и прекрасная половина исключаются...

ТАХИР

А с чем настучали-то и почему его надо выявлять?

РАФИС

Ты помнишь инспекторскую проверку? Ведь это я написал, чтоб приехали и разобрались с нашим физиком, на месте ли, его ли это дело, ведь дилетант, каких и не сыщешь. Который год в технические вузы из наших выпускников никто не поступает, это же должно насторожить. А он со средним образованием, плюс какие-то курсы, зазубрив все законы и формулы, губит нам интерес.

ТАХИР

Так сам же и, выходит, настучал.

РАФИС

Не понял ничего. О том, что я написал, знают лишь те кто живет в нашей комнате. Пусть не мы, но ведь стало известно значит кто-то из нас донес до класса, а однокашка - заложил физику. Он еще работает. И наверняка примет экзамены, все равно экстренно заменить не смогут. Сейчас утке заметны его придирки ко мне. А что будет на экзамене?

ТАХИР

Хорошо, выявишь заложника. А что дальше?

РАФИС

Думаешь, я сейчас знаю, что буду делать? Наверное, измордую публично, наука на всю оставшуюся...

ТАХИР

Почему исключаются девочки?

РАФИС

Потому что бабник. Девочки его боятся...

ТАХИР

Но только не Максуд. Голову даю на отсечение...

РАФИС

Вот и посмотрим... Если завтра нас вызовут к директору или к доске... и спросят, что мы пили...

ТАХИР

Да... Нет, Макс хороший парень. Человек с большой целью не способен на мелкие подлости. Не верю. А я вот... Вечно попадаю под чье-то влияние. Хронический ведомый. На поводе. Сколько себя казню, а побороть не могу. Не могу

вот взять и заявить инициативу, все жду чего-то. Другие сделают, а я потом думаю: это же ведь я мог, ведь я же раньше догадался... "чаршамбе".

РАФИС

В любом коллективе есть и будут впередсмотрящие. Раз ты не создан, что ж, надо найти достойного, за кем можно пойти не задумываясь. Таким станет только друг, настоящий... Чего она там колдует у реки?.. А, женские сантименты... Ну, раз не можешь говорить, то расскажу я. Хорошо, что никого нет. О таком всему свету ее трубят. И ты услышал – забыл, понятно? Чтобы ты понял мое положение, начну, так уж и быть, тоже со сказки. Тем более я в долгу, как условились. Итак, один падишах ежемесячно вызывал к себе парикмахера. А после, как его побреют-постригут, убивал...

ТАХИР

Ничего себе, благодарность!

РАФИС

Конечно, настал черед и последнему идти к правителю. Попрощался с семьей, родственниками. Но, удивительное дело, в тот же день вернулся. Живой и невредимый. Живи и радуйся, вроде, а он... Словом, потерял интерес ко всему, стал хиреть, чихнуть. День ото дня плох. Дошел до того, что одна кожи висит, того и гляди – помрет. Думая так, решил уйти из мира. Вышел на окраину, видит, бредет навстречу белобородый старец. Останавливает он бедолагу и говорит: "Знаю я беду твою, добрый человек. Ты вянешь оттого, что держишь в себе злую тайну. Расскажи свой секрет! И увидишь, полегчает тебе". "Нет! – отвечает горемычный, – если хоть одна душа узнает, падишах меня убьет и тебе не миновать его кары". "Да, – задумался аксакал, – страшная беда с тобой. А выговориться необходимо. Нужно тебе очиститься от непосильного груза. Вот что сделай. Выкопай здесь яму. И в ней оставь свою беду". Сказал старец и исчез. Была не были, последняя надежда засветилась, вырыл яму, собрал последние силы и выкрикнул; "У падишаха на голове растут рога!" Так на все четыре стороны. И ведь пошел на поправку!

ТАХИР

(Чуть прождав.) И все что ли?

РАФИС

(Раздумчиво.) Главное в том. И мне, наверное, думаю, надо последовать этому примеру... А дальше? Через год на месте ямы выросли камыши. Увидел пастушонок, срезал курай, дунул. А тот вместо звука выпевает: "У нашего шаха на голове растут рога"

ТАХИР

(Хохочет.) Представляю, каково стало с падишахом...

РАФИС

Да, наверняка скинул народ сатану. Вот такая история.

ТАХИР

И какая связь с тобой?

РАФИС

Озлобляюсь... верно заметил Максуд. Совета, конечно, не дашь, у самого молоко на губах. А все же?... Как бы ты поступит, если в один прекрасный день у тебя не стало семьи?

ТАХИР

(Ошеломлен.) У! Ну и вопросец, валлахи!

РАФИС

Вот видишь! И ты не можешь представить. Конечно, давно шло дело к тому, можно было и ожидать. А вот пришло - убийственно больно. Отец, конечно, был деспот, что и говорить. В последнее время и пил безбожно... Мать во всех немислимых грехах подозревал. Ну и скандалы, драки. В детстве мы часто спасались побегом. А сейчас, когда меня нет, смертным боем колотит... Представляешь, приезжаю на каникулы домой... А дома-то и чету. Вернее, дом цел. Как жилище он не изменился, а нет дома, как пристани, как очага, как семьи, пот. Мать в бегах. Пока живет у соседей. Меня дождалась. Теперь собирается уехать на свою родину. А что мне делать? Моя родина - паче дом! А в нем я жить не желаю... Вот такой мой секрет. Но смотри, ни гу-гу. Не ты парикмахер, а я...

ТАХИР

(Подавлен.) Да, брат... Вот тебе и "мистер эфенди"... Кто бы мог подумать? У нашего преуспевающего Рафиса, да чтобы такая тревога... Понимаю. Хотя, что я понимаю?

РАФИС

Только без жалостей, Не люблю. Скорее бы сникнуть школу. Буду поступать в военное училище.

ТАХИР

Ты поступить... Извини, не говори, дай пережую все это. Большая беда, ой, как ты меня огорошил...

РАФИС

(Уходит а Сание. Стоит, наблюдая за нею. Про себя.) Эх. Саня-Сания! Хорошая ты девушка. Не хочу тебя обижать. Но

ты дуешься значит виноват. Саня! Очнись! Упадешь, утонешь – на кого оставишь? (Саня не обращаем внимания.) А действительно хорошо! (Подходит к ней, садится рядом на корточки, черпает воду.) Хм! Вода, Такса! Тахирка, иди смочи голову, вмиг освежает, вся хандра пройдет (брызгает себе в лицо). Вот тебе, вот тебе (брызгает на Соплю, та очнулась, отскочила, смотрит на него не узнавая). Будешь дуться? На-на-на! (Оба начинают хохотать. Саня приняла игру, включилась, убегают.)

(Появляется Максуд, Щелкает Тахира по лбу)

ТАХИР

Пошел ты на фиг! Без тебя башка гудит, валлахи. Что сияешь, осчастливила?

МАКСУД

Клавдия на том берегу. Говорит, чуть свет постучался к ним в окно военный один. Срочно просил перевезти. Везет личные вещи... погибшего пограничника... Фамилию она не запомнила. То ли Закиров, то ли Шакиров... Ну, Клавдия, естественно, не могла отказать, тем более, ежели что, взрослые ее мы, дети, да и всего двое, самое то для пробного рейса. Сама и согласилась проводить его до родителей солдата. Он проездом, будет возвращаться через военкомат так что скоро нужно ожидать...

ТАХИР

Закир... Шакиров... Кто же такой? Пограничник... Надо же, и в наши дни погибают... Погоди, почему вещи, а тело?

МАКСУД

В том-то и дело, что нету тела. Из огнемета, говорит, обстреляли. Весь наряд. Везет вызов родителям – на заставе будут ставить им памятник на братской могиле.

(Счастливые возвращаются Саня и Рафис)

САНИЯ

Что, что там, Макс, говори! Клавдия дома?

РАФИС

Что, лодку украли?

215

ТАХИР

Нет. С лодкой вес нормально. Прибудет Клава. С военным переехала.

САНИЯ

Ну! Клава, молодец женщина! С военным? Не с нами, поди, дела поважнее. Мы же дрыхнуть только умеем...

ТАХИР

(Встал рядом с другими.) Живи, учись, вес для нас. А там люди за Родину...

РАФИС

Что ты мелешь возле да около. Что произошло?

ТАХИР

Человек погиб. Наряд пограничный. Обстреляли из огнемета. Офицер везет вызов родителям, вот, на открытие памятника, документы. То ли Шакиров, то ли Закиров.

САНИЯ

Шакиров? Заки... Шакуровых знаю. Шакуров - точно. Помню, был однажды разговор, будто в отпуск приезжал, но узнать. Учился - был меньше всех ростом, а тут вымахал... Значит, погиб?

МАКСУД

Объявляю. Слушайте, объявляю по поводу - минута молчания!

ТАХИР

Во! Гляньте! На том берегу люди. Уррра!

РАФИС

Замолчи! (Обнажает голову. Другие опомнились, опустили голову. Слышен шум реки, а чуть погодя вдалеке затрещал мотор. Это Клавдия возвращается к родному берегу.)

ЗАНАВЕС